Сан. обр. 2006

Скан. РНБ
«Книжные
памятники»
06.2023

XXVII/19.

XI 4а. 5.

P. 3.Φ.

I 2
366

N 6-10

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ

ВѢСТНИКЪ,

Издаваемый

Обществомъ Любителей Словесности,
Наукъ и Художествъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи 1812.

Шесть экземпляровъ доставлены въ С. П. бургскій Цензурный Комитетъ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ІЮЛЬ 1812. No 7.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Планета мудреца Зеба.

Зебъ былъ ученѣйшій человѣкъ своего времени. Умъ его можно было назвать точкою, куда собирались всѣ лучи мудрости, весь свѣтъ знаній человѣческихъ. Свѣденія его, сказываютъ, были столь велики, что онъ нашелъ тайну дѣлать золото и никогда не умирать, хотя весь вѣкъ свой прожилъ въ бѣдности, и давно уже умеръ. „Но (говоритъ Персидскій стихотворецъ, изъ котораго я взялъ эту повѣсть) если сей славный мудрецъ всегда жилъ въ нищетѣ, то это происходило отъ того, что онъ зналъ сколь безполезно богатство для благополучія человѣческаго; если же онъ умеръ, какъ и всѣ его современники, то это потому,

что получивъ совершенное познаніе о вещахъ сего свѣта, захотѣлъ узнать и то, что дѣлается въ другомъ.“

Однажды сей великій человѣкъ размышлялъ въ своемъ уединеніи. Онъ перещитывалъ въ умѣ своемъ всѣ науки, которымъ онъ научился, и всѣ таинства, которыя были имъ открыты. Хотя онъ былъ всегда столько же скроменъ, сколько и ученъ, но на сей разъ немного гордости вкралось въ его сердце. Какъ быть? на самаго смиреннаго человѣка находятъ иногда такія минуты, въ которыя предается онъ этой слабости.

Зебъ разсуждалъ въ сей день о самыхъ высокихъ предметахъ. Онъ старался проникнуть въ тайну созданія міра, и осмѣливался въ нѣкоторыхъ частяхъ сего великолѣпнаго произведенія рукъ Божіихъ, находить несообразности; но что я говорю? онъ дерзнулъ даже возвысить гласъ свой противъ Зиждителя вселенной. Болѣе всего досадовалъ онъ на ту смѣсь совершенствъ и недостатковъ, величія и низости, которую примѣчалъ онъ въ человѣкѣ. „За чѣмъ, говорилъ онъ, Богъ вдохнулъ въ людей сіи неистовыя страсти, которыя бываютъ

источникомъ всѣхъ заблужденій и злодѣйствъ? За чѣмъ довелъ ихъ до такой степени нещастія и страданій? за чѣмъ подвергнулъ ихъ болѣзнямъ и тѣла и души? О! если бы я имѣлъ власть сотворить новый міръ! Я бы не такихъ людей создалъ! они бы всѣ были совершенны и благополучны! Если бы Богъ при сотвореніи міра, посовѣтовался со мною: то, я думаю, не былъ бы недоволенъ моими совѣтами.“

Едва успѣлъ Зебъ произнести слова сіи, какъ вдругъ видитъ Ангела, сходящаго къ нему съ неба. Зебъ не можетъ снести его сіянія и повергается на землю. Ангелъ говоритъ ему: „Создатель вселенной внялъ словамъ твоимъ. Онъ похваляетъ свѣденія твои, и желаетъ, что бы ты самъ имѣлъ славу сотворить людей.“ Сказавъ сіе, онъ беретъ мудреца, и съ быстротою молніи возносится отъ земли. — Въ одну минуту отлетѣли они отъ земли болѣе чѣмъ на тридцать милліоновъ верстъ, и Зебъ очутился на планетѣ, которая до того времени неизвѣстна была ни одному Астроному: ибо только что была создана единымъ словомъ Всевышняго.

Что это за планета? говорилъ изумленный Зебъ; не сновидѣніе ли, которое разрушится вмѣстѣ со сномъ моимъ? — „Нѣтъ, отвѣтствовалъ Ангелъ, эта планета дѣйствительно существуетъ: Богъ создалъ ее для тебя, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ты населилъ ее: ибо въ ней нѣтъ еще ни одного творенія. Онъ даетъ тебѣ на пятнадцать дней власть творить существа, подобныя тѣмъ, которыя находятся на землѣ; но требуетъ, чтобъ сіи существа были гораздо совершеннѣе и благополучнѣе. Прахъ, попираемый ногами твоими, приметъ человѣческій образъ по твоему желанію, а единое дыханіе твое вложитъ въ него душу. Но, повторяю тебѣ, чтобъ люди, созданные тобою, были гораздо совершеннѣе и благополучнѣе тѣхъ, которыми населена земля: иначе, страшись Бога, котораго раздражитъ твоя глупость, гордость и слабость.“ Ангелъ изчезъ.

„Какъ! — восклицаетъ мудрецъ — я сдѣлаюсь создателемъ новыхъ людей, новаго міра! могу дать веществу жизнь и движеніе, могу дать душу, разумъ, воображеніе, чувствованія! — и все это

однимъ словомъ моимъ, однимъ дыханіемъ!... О! Всевышній увидитъ, что мои люди будутъ несравненно лучше слабыхъ и нещастныхъ дѣтей Адама! Угрозы Ангела для меня не страшны. — Однакожъ посмотримъ какъ мнѣ приняться за дѣло: сначала подумаю.“

„Такъ, я хочу, чтобъ мои люди жили въ обществѣ. Безъ общества и геній и добродѣтели будутъ безполезными сокровищами. Если я сотворю человѣка для уединенія, то онъ будетъ угрюмъ: веселость, всѣ удовольствія будутъ изгнаны изъ моего міра. Человѣкъ бываетъ благополученъ чрезъ другихъ и чрезъ себя: чрезъ другихъ, когда они доставляютъ ему наслажденія; чрезъ себя, когда онъ дѣлаетъ добро, — какъ же дѣлать добро когда будешь одинъ? Такъ какъ я желаю, чтобъ люди мои были щастливы, то непремѣнно должно, чтобъ они жили въ обществѣ.“

„Для благополучія ихъ нужно, чтобъ они не знали никакихъ болѣзней; нужно, чтобъ здоровье ихъ было въ безопасности отъ всѣхъ страданій, угнѣтающихъ человѣчество.... Но я нахожу одно затрудненіе. Ежели человѣкъ будетъ нечувстви-

шеленъ къ спраданіямъ, то какъ можно ему чувствовать удовольствія? И удовольствіе и спраданіе происходитъ отъ нѣжности, чувствительности нашихъ органовъ: истребивъ причину спраданія, я истреблю также и причину удовольствія; вмѣсто благополучнаго существа произведу статую.... Не думалъ я, чтобъ тутъ встрѣтились мнѣ такія препятствія!“

„Не въ состояніи будучи отвратить отъ моихъ созданій зла физическаго, сдѣлаю по крайней мѣрѣ, чтобъ они не знали зла нравственнаго. Посредствомъ сердца люди бываютъ гораздо щастливѣе, нежели посредствомъ чувствъ. И такъ я дамъ своимъ людямъ всѣ наслажденія душевныя, всѣ привязанности, которыя составляютъ благополучіе, и сдѣлаю такъ, чтобы ничѣмъ нельзя было его повредить или разрушить: нѣтъ ничего легче!“

Тутъ мудрецъ остановился, и приложивъ палецъ ко лбу предался глубокому размышленію.

„Однакожъ, сказалъ онъ напослѣдокъ, ежели я дамъ созданнымъ мною существамъ всѣ душевныя удовольствія, то, ка-

жется, трудно сдѣлать, чтобъ они не знали и горестей. Чтобы наслаждаться, надобно сперва желать. Желанія, которыя мы ощущали, придаютъ болѣе цѣны наслажденію. Если я дамъ людямъ моимъ желанія, то желанія будутъ смѣшаны со страхомъ и надеждою; люди будутъ чувствовать безпокойство, и если не достигнутъ желаемаго, будутъ злополучны. Если же получатъ то, чего желали, захотятъ сохранить предметъ своихъ наслажденій, а лишась его могутъ ли не почувствовать сожалѣнія? Еслибы не оказывали сожалѣнія, то сіе было бы доказательствомъ, что они не наслаждались. Нечего дѣлать! придется сотворить ихъ легкомысленными, непостоянными, безпечными: у нихъ будетъ отъ того менѣе горестей, да и тѣ потчасъ станутъ забываться. Хорошо; однакожъ за то имъ неизвѣстно будетъ истинное щастіе: они не будутъ умѣть наслаждаться. Досадно, что не могу сообразить этого; но посмотримъ далѣе.“

„И такъ созданные мною люди будутъ, подобно обитателямъ земли, подвержены страданіямъ тѣла и болѣзнямъ души, потому что... потому что не мо-

гу сдѣлашь иначе. Но по крайней мѣрѣ я хочу, чтобъ они жили въ обществѣ—они будутъ имѣть всѣ добродѣтели. Пороки не войдутъ въ мою планету; не дамъ проникнуть въ нее гордости, эгоизму и жадности. У меня не увидятъ скупыхъ, дураковъ, мошенниковъ, и особливо властолюбцевъ. Не хочу имѣть такихъ людей, которые питаются только кровію и слезами народовъ, которые возвышаются только для злодѣяній; не хочу, чтобъ планета моя была опустошаема сими пагубными войнами, которыя ведутъ дѣти Адама между собою, сами не зная для чего. Жители моей планеты будутъ имѣть самыя кроткія склонности, самыя миролюбивыя чувствованія: страстей у нихъ не будетъ, потому что страсти источникъ всѣхъ пороковъ, всѣхъ злодѣяній человѣческихъ.“

„Не будетъ страстей! Однакожъ должно признаться, что онѣ даютъ великую силу душѣ, великое развитіе идеямъ, невѣроятную отважность тому существу, которое бы ничего безъ нихъ не предприняло, и которое презираетъ всѣ опасности, чтобы ихъ удовольствовать. Если у сотворенныхъ мною людей

не будетъ страстей, то они ничего великаго не предпріимутъ; они увидятъ неудобства, препятствія, опасности во всемъ за что ни примутся. Не будетъ никакого движенія въ обществѣ, и оно никогда не достигнетъ до той степени величія и славы, до которой я хочу его довести. Вижу, что безъ страстей обойтись нельзя."

„Но должно, чтобъ не всѣ мои созданія имѣли одинакія страсти: иначе, они будутъ въ безпрестанной враждѣ. Если у всѣхъ у нихъ будетъ одинъ нравъ, то они пожелаютъ и однѣхъ вещей, и встрѣтившись на одномъ пути, будутъ вредить другъ другу. Тогда не будетъ дружества на моей планетѣ, и отъ безпреставнаго соперничества родится жестокая ненависть. Отъ чего два человѣка, которыхъ нравы совсѣмъ не сходны, любятъ другъ друга болѣе, чѣмъ два человѣка съ одинакимъ нравомъ? Не отъ того ли, что это различіе между ихъ нравами истребляетъ въ нихъ всякой родъ соперничества, и слѣдственно всякое сѣмя раздора и ненависти? Когда же два человѣка не имѣютъ причинъ ненавидѣть другъ друга, то вѣрно найдутъ причины

любить одинъ другаго, бывъ соединены какимъ нибудь щастливымъ случаемъ."

„И такъ люди, которыхъ сотворю я, будутъ имѣть страсти различныя: ибо я не могу сдѣлать, чтобъ у нихъ совсѣмъ страстей не было. Но ежели я раздѣлю между многочисленными жителями планеты весьма ограниченное число страстей, которыя могутъ ощущать люди, то непремѣнно нужно, чтобъ созданія мои ощущали ихъ въ различныхъ степеняхъ. Нужно, чтобъ въ двухъ тысячахъ милліоновъ людей, которыми населена будетъ моя планета, находились всѣ оттѣнки того малаго числа страстей, о которомъ природа моя даетъ мнѣ ясное понятіе. Тогда будетъ столько же разнообразія во нравахъ, сколько оттѣнокъ въ страстяхъ, а я твердо увѣренъ, что это разнообразіе необходимо нужно для усовершенствованія моего произведенія."

„Но какимъ же образомъ поступить тогда, чтобъ пороки не родились въ моей планетѣ? Я хочу, чтобъ людямъ моимъ неизвѣстна была жадность; но развѣ жадность не есть оттѣнка любви къ самому себѣ; я хочу, чтобъ не было

у меня обманщиковъ и обманывающихся, но хочу создать людей добрыхъ, великодушныхъ и довѣрчивыхъ. Какъ же сдѣлать, чтобъ никто не былъ жертвою обмана въ такомъ мірѣ, гдѣ доброта, довѣрчивость и великодушіе встрѣчаются на пути своемъ съ жадностію? Я не хочу, чтобъ была гордость, но гордость есть ошибка самолюбія, пружины почти всѣхъ дѣйствій человѣческихъ, пружины превосходной и совершенно необходимой для сохраненія всѣхъ существъ. Я не хочу, чтобъ были властолюбцы: это легко сказать, но властолюбіе не есть ли измѣненіе гордости? Сотворивъ гордость, я произвожу и властолюбіе."

„Теперь пришла мнѣ прекрасная мысль; — продолжалъ мудрецъ, нѣсколько подумавъ: — я сдѣлаю, что созданные мною люди будутъ щитать за ничто богатства, почести и власть, что... Хороша выдумка! другіе предметы дадутъ другое направленіе ихъ гордости; у нихъ будетъ другое честолюбіе, и они станутъ рѣзаться за другія вещи. Отъ этого имъ не будетъ лучше."

„И такъ я долженъ дать обитателямъ моей планеты тотъ же нравъ, ко-

торый данъ Богомъ обитателямъ земли. Должно, чтобъ въ новомъ мірѣ моемъ было смѣшеніе пороковъ съ добродѣтелями; должно, чтобъ въ немъ, также какъ и у дѣтей Адама, находились подлость и великодушіе, высокомѣріе и скромность, плутовство и довѣренность. Чтобъ довести до совершенства мое произведеніе, я долженъ употребить и добро и зло, такъ какъ искусный живописецъ употребляетъ два противные одинъ другому цвѣта, чтобъ оттѣнить всѣ части своей картины."

„Но ежели я не могу дать созданіямъ моимъ такого нрава, который былъ бы лучше, чѣмъ нравъ жителей земныхъ, то по крайней мѣрѣ могу дать имъ геній самый обширный, самый величественный; могу дать имъ здраваго разсудка какъ можно болѣе, воображеніе самое богатое, самое блистательное, и наконецъ самыя великія расположенія къ наукамъ и художествамъ. Симъ средствомъ я сдѣлаю людей щастливѣе. Однакожъ надобно объэтомъ подумать. Посмотримъ, каковъ долженъ быть ихъ геній, и до какой степени должны простираться познанія. Дать ли мнѣ имъ такую спо-

собность къ наукамъ, съ которою бы они узнали все то, что Богъ сокрываетъ отъ своихъ созданій? Нѣтъ, потому что съ той самой минуты, какъ они все узнаютъ, сей геній останется безъ пищи, будетъ имъ безполезенъ, и станетъ томиться въ бездѣйствіи подобномъ смерти. Нужно, чтобъ въ природѣ было множество таинствъ неизвѣстныхъ моимъ созданіямъ. Пусть знаютъ они только то, что полезно для ихъ щастія, и пусть стараются узнать остальное. Но развѣ Богъ не такіе же предѣлы положилъ генію человѣковъ?... Въ моей планетѣ люди будутъ имѣть болѣе здраваго разсудка: вотъ сущій вздоръ! Ежели у нихъ будутъ тѣ же страсти, какъ у дѣтей Адамовыхъ, то и они будутъ на все смотрѣть глазами страстей своихъ, и отъ того видѣть не лучше.“

„Но за то я одарю ихъ воображеніемъ. Я вложу въ нихъ самое вѣрное чувствованіе изящнаго въ искусствахъ; у нихъ будутъ величайшіе живописцы, величайшіе поэты... Но что я говорю? Искусства состоятъ въ подражаніи природѣ, и могутъ изображать только тѣ предметы, которые въ природѣ находятъ-

ся. Совершенство въ изображеніи сихъ предметовъ зависитъ единственно отъ того, какъ люди ихъ чувствуютъ.“

„И такъ геній, разсудокъ и воображеніе жителей моей планеты должны быть не болѣе какъ и у жителей земли! Это досадно, потому что сіи способности, которыми жители земли такъ хвастаются, очень не велики. Но по крайней мѣрѣ я утѣшаюсь тѣмъ, что въ планетѣ моей глупцовъ не будетъ: хочу, чтобъ всѣ мои люди были умны. Я право не знаю какая польза можетъ быть отъ глупцовъ, и за чѣмъ ихъ такое множество на земли? “

Эта мысль обрадовала мудреца, но скоро лобъ его наморщился, и новыя размышленія истребили такую пріятную для него мечту.

„Не будетъ глупцовъ! — продолжалъ онъ: — увы! вижу, что имъ должно быть и въ моей планетѣ. Одаритъ ли мнѣ всѣхъ людей равнымъ геніемъ? всѣмъ ли имъ имѣть равную способность мыслить? Если обитатели новаго моего міра будутъ одарены одинакою долею ума, то сей умъ не будетъ имѣть никакой цѣны. Должно, чтобъ они имѣли всѣ степени

ума, отъ генія до глупости—также какъ въ нихъ будутъ существовать всѣ оттѣнки находящіяся между добромъ и зломъ; и поелику у жителей моей планеты будетъ столько же ума какъ у жителей земли, то и глупцы, которыхъ долженъ я создать, будутъ также глупы, какъ глупцы того міра, гдѣ я родился.“

„Однакожъ я хочу сдѣлать, чтобы глупцы, сотворенные мною, отдавали себѣ справедливость: я награжу ихъ скромностью. У меня люди не предпріимутъ ничего такого, что будетъ превышать ихъ умственныя силы. У меня не увидишь, чтобъ множество людей безъ ума и безъ свѣденій наводняло свѣтъ дурными книгами; не увидишь, чтобъ невѣжи принимались за составленіе политическихъ и нравственныхъ системъ; чтобъ люди безъ воображенія были поэтами, маляры живописцами, нечувствительные горланы актерами, и проч. и проч... У меня этого не будетъ: всякой займетъ свое мѣсто... Но, ахъ! я и забылъ, что мое предположеніе можетъ исполнишься только тогда, когда изгоню тщеславіе изъ моей планеты, а тщесла-

вію должно въ ней оставаться какъ оттѣнкѣ самолюбія. Какимъ же образомъ воспрепятствовать мнѣ чтобъ оно не соединилось съ глупостью. И пусть онѣ соединяются: тѣмъ лучше можно увидѣть глупость. Къ тому жъ не жестоко ли будетъ сдѣлать скромность принадлежностію глупости, — скромность, которая тогда перестанетъ быть украшеніемъ дарованій, и которую никто имѣть не захочетъ."

„Теперь вижу я, что мнѣ невозможно создать такихъ людей, которые были бы совершеннѣе и щастливѣе созданныхъ Богомъ, хотя не давно я находилъ въ нихъ великое множество недостатковъ! Какъ это для меня досадно!"

Зебъ провелъ въ подобныхъ размышленіяхъ четырнадцать дней. Чѣмъ болѣе онъ разсуждалъ, тѣмъ болѣе увѣрялся, что невозможно сотворить общество людей безъ страстей и безъ пороковъ. Онъ видѣлъ, что ему должно было создать простаковъ и плутовъ, добрыхъ и злыхъ, щедрыхъ и скупыхъ, честолюбивыхъ, гордыхъ, глупыхъ, оригиналовъ всякаго рода. Наступаетъ пятнадцатый день, а мудрецъ ничего еще не создалъ.

„Какъ! — говоритъ онъ: — я имѣю власть созидать, а ничего не сдѣлаю! Неужели я получилъ божескую власть только для того, чтобъ узнать свою слабость! Нѣтъ, я не хочу возвращаться на землю, не сотворивъ какого нибудь животнаго. Попробую сотворить хотя муху.“

Сказавъ сіе, онъ погружается въ такія же глубокія размышленія, какъ и въ то время, когда хотѣлъ создать людей. Не было на землѣ ни одной мухи, которая была бы неизвѣстна Зебу: онъ зналъ организацію самыхъ малѣйшихъ насѣкомыхъ. Вдругъ выходитъ онъ изъ своей задумчивости, и восклицаетъ: „что я хочу дѣлать? мнѣ создать муху! Развѣ я съ ума сошелъ? развѣ я не знаю, что нѣтъ ничего совершеннѣе мухи? Чудесное составленіе насѣкомаго приводитъ въ изумленіе слабый умъ человѣческій и являетъ непостижимую премудрость Создателя!... О Боже! прости мнѣ тщеславіе мое, которое заставило меня забыть на нѣсколько времени твою благость! Невѣжество мое смиряется передъ тобою. Я дерзнулъ порицать дѣла твои, дерзнулъ мыслить, что могу со-

творить людей совершеннѣе твоихъ, между тѣмъ какъ не въ состояніи вообразить чего нибудь совершеннѣе — мухи!“

При сихъ словахъ раздался громъ. Трепещущій Зебъ поднимаетъ глаза къ небу, и видитъ того Ангела, который перенесъ его на сію необитаемую планету. На прозрачномъ облакѣ, оплывающемся златомъ и лазурью, спустился къ нему Ангелъ, и сказалъ съ улыбкою: „Не спрашись ничего, мудрый Зебъ. Богъ справедливъ и благъ: онъ прощаетъ безразсудство твое, видя, что ты раскаеваешься. Онъ желалъ только знать до чего дойдетъ твоя дерзость, и осмѣлишься ли ты воспользоваться данною тебѣ властію; онъ доволенъ твоею умѣренностію. Впередъ не старайся болѣе измѣрять ту великую цѣпь, коей видишь только нѣсколько колецъ, но пространства коей и чудеснаго составленія никогда не постигнешь. Чтобъ имѣть справедливое понятіе о мудрости Бога, то должно судить не по созданію человѣка или насѣкомаго, но по созданію всего міра, котораго таинства превышаютъ мудрость твою. И человѣкъ и муха не-

совершенны по своей природѣ, но они совершенны по своему назначенію. Если бы Всевышній создалъ существа совершенныя по ихъ природѣ, то онъ создалъ бы Боговъ.“

Тутъ снова раздался громъ. Ангелъ взялъ мудреца на свое облако. Въ одно мгновеніе планета изчезла, и Зебъ увидѣлъ себя въ своемъ домѣ, посреди родственниковъ и друзей своихъ, которые оплакивали его погибель. — Съ сего времени онъ сдѣлался еще умнѣе, нежели былъ прежде; не имѣлъ уже никакой гордости, и не чувствовалъ болѣе желанія творить людей по своему произволу, сей глупой страсти такого множества Философовъ.

Н.

Спорщикъ.

Хочу разсказать вамъ странность, которая случается со мною всякой день. Думаю, что она случается и съ вами; ибо нельзя не судить о другихъ по себѣ.

Я не болѣе всякаго другаго охотникъ до споровъ; но—не знаю отъ чего—все, что только я могу сказать противнаго чьимъ либо словамъ, представляется мнѣ само собою, и какъ ни удерживаю себя отъ спору, не могу успѣть въ томъ: отъ того ли что хочу убѣдиться въ мнѣніи другаго, или что принимая сіе мнѣніе, желаю слышать сильнѣйшія на оное доказательства, или что хочу отмстить за то, что мысль, сія будучи минуту назадъ самою лучшею, не была моя.

Часто не могши опровергнуть цѣлаго, я спорю о подробностяхъ; часто не отрицая предмета спора, бываю недоволенъ причинами, приводимыми въ подтвержденіе, или степенью важности, которую хотятъ дать имъ; почитаю самою дурною ту, которую представляютъ мнѣ за наилучшую; согласенъ достигнуть до той же цѣли, но не хочу

идти тою же дорогою. Упрямое самолюбіе мое показываетъ мнѣ по крайней мѣрѣ сіе прибѣжище.

Не знаю, почему всѣ такъ боятся быть пойманными въ спорѣ и съ такимъ жаромъ стараются избѣгнуть сего. Мы, какъ дѣти или рабы, думаемъ уменьшить проступокъ свой и стыдъ, отдаляя ихъ. Признаюсь, я иногда охотно бы открылся, что побѣжденъ въ спорѣ съ вами, если бы это можно было сдѣлать такъ, чтобъ вы этого не знали; ибо вы хотите не только побѣдить, но и торжествовать.

Кромѣ сихъ общихъ причинъ спора и даже спора несправедливаго, весьма часто мнѣніе имѣетъ гораздо менѣе участія въ немъ, нежели тотъ, кто защищаетъ оное. Рѣшительный тонъ, гордое обхожденіе, явная несправедливость, притворство не понимать меня чтобъ не быть принужденнымъ отвѣчать, ложныя одобренія слушателей предубѣжденныхъ или желающихъ льстить, вотъ важныя для меня причины, чтобъ не уступать, употреблять всѣ средства къ поддержанію своего мнѣнія, спорить также несправедливо, отдѣлываться пло-

скими шутками, однимъ словомъ поступать сколько можно хуже. Я въ состояніи бываю тогда сдѣлать то же, что сдѣлалъ одинъ человѣкъ, который, споря долгое время съ равнымъ успѣхомъ и наконецъ будучи побѣжденъ какъ доказательствами, такъ и остротами, предложилъ своему сопернику поединокъ, признаваясь, что онъ не можетъ болѣе сказать ничего лучшаго.

Въ большихъ городахъ и особливо въ хорошихъ обществахъ гораздо безполезнѣе спорить, нежели гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Тамъ судятъ обо всемъ смотря по людямъ; слѣдовательно мнѣнія расположены уже прежде и чтобы спорить удачно, нужно гораздо менѣе Логики, нежели знанія свѣта. Тамъ никто не мыслитъ самъ собою. Во всѣхъ разговорахъ касающихся до политики или правительства управляетъ интрига не мнѣніями, но словами тѣхъ, коихъ считаютъ за что нибудь; прочіе подобны стаѣ собакъ: онѣ лаютъ потому только, что другіе лаютъ. — Въ таковыхъ спорахъ колкость по большей части заступаетъ мѣсто причинъ.

Я не знаю ничего, чтобъ было худо

или хорошо само по себѣ: одна женщина потеряла доброе имя отъ того, что имѣла любовника; другая вошла въ моду отъ того, что имѣла четырехъ. Слава, даже и худая, всегда имѣетъ свою выгоду. Для женщины есть другая выгода и весьма важная — имѣть мужа негодяя. Коль скоро это однажды сдѣлалось извѣстнымъ, то всѣ жалѣютъ о ней, помогаютъ ей, хотя бы она вела себя еще хуже его, и я готовъ биться объ закладъ, что скорѣе подадутъ помощь той, которой мужъ обезчестилъ себя, нежели той, у которой мужъ убитъ на сраженіи.

При такомъ безпорядкѣ понятій не возможно спорить: тотчасъ попадешь на личность и чѣмъ больше будешь правъ, тѣмъ больше сдѣлаешся виноватымъ предъ другими.

У насъ вошло уже въ пословицу, что о вкусахъ спорить нельзя. Если бы вкусы происходили непосредственно отъ строенія нашихъ органовъ, то сія аксіома была бы неоспорима; но поелику они суть не что иное, какъ слѣдствія нашихъ привычекъ, а иногда и предубѣжденій, то споры могли бы очищать ихъ и просвѣщать насъ, еслибы мы хотѣли

просвѣщаться. — Мы часто наслаждаемся и забавляемся на однихъ словахъ; не только разумъ, но даже и тѣло въ томъ обманываются. Есть такіе домы, въ которыхъ хозяйку почитаютъ любезною и столъ хорошимъ только по одной ихъ славѣ. Сіе заблужденіе пріятно и я никогда не сталъ бы разрушать его; но заблужденіе противное гораздо обыкновеннѣе и въ тысячу разъ досаднѣе.

Послѣ сего удивительно ли, что спорятъ такъ много и такъ худо? Съ начала бываютъ выведены изъ терпѣнія, а потомъ увлечены примѣромъ.

Одинъ славный и весьма умный человѣкъ рѣшился наконецъ совсѣмъ не спорить и сдѣлался несноснымъ; его молчаніе показывало презрѣніе, въ тысячу разъ обиднѣйшее, нежели самая брань.

Весьма бы нужно было опредѣлить правила для споровъ; но я оставляю трудъ сей другимъ, ибо вѣроятно худо бы въ немъ успѣлъ. Сверхъ того я не умѣю хорошо спорить и хочу по крайней мѣрѣ увѣрить, что не знаю всего нужнаго для хорошаго спора.

Въ заключеніе повторяю слова мои, которыя нѣсколько разъ говорилъ уже

безполезно: что и одержать побѣду въ спорѣ нѣтъ никакой выгоды; что отъ сего только будешь менѣе любезенъ; что даже симъ не заставишь почитать себя умнѣе; что нѣтъ никакого неудобства уступить въ спорѣ, и тысячи непріятностей продолжать его; что нѣтъ ни одного человѣка, который бы не былъ съ тѣмъ согласенъ, и что при всемъ томъ споръ долженъ быть весьма естественъ человѣку и весьма соблазнителенъ, потому что люди спорили прежде, спорятъ нынѣ и будутъ спорить вѣчно.

К.

Педантъ.

Частица знанія, соединенная съ частицею невѣжества, производитъ Педанта. Не должно думать, что ученый дѣлается Педантомъ потому только, что имѣетъ познаніе о такихъ вещахъ, которыя многимъ неизвѣстны; напротивъ потому, что не знаетъ того, что всѣмъ извѣстно. Наука, какой бы ни былъ предметъ ея, всегда полезна; надобно умѣть употреблять ее, а Педантъ этого не знаетъ. Докторъ Панглосъ утверждалъ, что ротъ сдѣланъ для того, чтобъ плевать, а носъ, чтобъ сморкаться: подобно сему Педантъ думаетъ, что науки существуютъ только для того, чтобъ имъ учились. Онъ вытвердитъ наизусть всѣ нравоученія, но не сдѣлается благоразумнѣе; онъ знаетъ всѣ правила Архитектуры, но не умѣетъ построить для себя дому. Онъ учится для того только, чтобъ знать; такъ какъ скупецъ собираетъ деньги для того только, чтобъ имѣть ихъ. Педантъ выказываетъ свои познанія, скупецъ щитаетъ деньги; но ни тотъ, ни другой не пользуются тѣмъ, что имѣютъ, и какъ монета, которая

изобрѣтена для облегченія торговли, становится для скупаго единственнымъ предметомъ его трудовъ, такъ точно Педантъ почитаетъ правила, сдѣланныя для удобнѣйшаго обученія какой нибудь наукѣ, за самую цѣль сей науки. Выхваляйте Педанту богатство Латинскаго языка: онъ станетъ говорить вамъ о пяти склоненіяхъ. Плутархъ приводитъ острое слово оратора Демада; а Дасье, переводя оное, дѣлаетъ замѣчаніе, что это изрѣченіе истинно *высокое*, ибо заключаетъ въ себѣ такую и такую риторическую фигуру. Почему Дасье сдѣлалъ такое замѣчаніе? потому ли, что онъ знаетъ сіи риторическія фигуры? Нѣтъ; потому что онъ не знаетъ *высокаго*.

Педантъ всегда занимается какою нибудь одною наукою; онъ думаетъ, что знаетъ ее хорошо, потому, что знаетъ всѣ части ея; но ему неизвѣстно, какія связи имѣетъ она съ другими науками, какая польза отъ нее бываетъ. Онъ походитъ на дикаго, который живетъ на острову, имѣющемъ нѣсколько миль въ окружности; ему совершенно извѣстна внутренность острова; но онъ не знаетъ, что за моремъ существуютъ другія зем-

ли, которыя гораздо обширнѣе, лучше населены и плодоноснѣе; его островъ кажется ему цѣлымъ свѣтомъ. Чѣмъ болѣе ученый знаетъ наукъ, тѣмъ онъ проспѣе; ибо зная много вещей, онъ даетъ каждой приличное мѣсто: но тотъ, кто знаетъ только одну науку, употребляетъ ее вездѣ, такъ какъ имѣющій только одно платье, носитъ его всякой день; но еслибъ у него со всѣмъ не было платья, то онъ не выходилъ бы изъ дому; еслибъ Педантъ ничего не зналъ, то, можетъ быть, ничего бы не говорилъ. Отъ сего происходитъ, что ученый дуракъ глупѣе неученаго дурака: ибо онъ бываетъ дуракомъ чаще. Имѣя понятіе только объ одной вещи, онъ не пропускаетъ случая говорить о ней. Скажите ему нѣсколько стиховъ изъ Расинова *Митридата*; и онъ тотчасъ начнетъ разсказывать вамъ жизнь сего Государя, войну его съ Римлянами, любовь къ Мониміи и проч. Изъ этого видно вамъ, что онъ не имѣетъ понятія о Литературѣ. Педантъ, показывая то, что онъ знаетъ, показываетъ и то, о чемъ не имѣетъ никакого понятія.

Н.

Портретъ Юлія Цезаря.

Необыкновенные люди, между прочими отличающими ихъ признаками, познаются потому, что хотя бы можно было дать имъ нѣкоторыя недостающія въ нихъ качества, но нельзя увеличить тѣхъ, которыя они имѣютъ и которыя тѣмъ обширнѣе и блистательнѣе становятся, чѣмъ внимательнѣе и ближе разсматриваемъ ихъ. Самые знаменитые Римскіе писатели не думали, что бы краснорѣчіе, сколько бы высоко оно ни было, могло когда либо достигнуть до высокости духа и дѣяній Юлія Цезаря.

Сей необыкновенный человѣкъ родился въ самыя бурныя времена республики и скоро показалъ силу своего характера, скоро далъ замѣтить обширность своихъ замысловъ и гордость, питаемую въ немъ надеждами. Бывши еще осмнадцати лѣтъ, онъ рѣшился воспротивиться волѣ Силлы, тогда, какъ въ Римѣ остались тѣ одни граждане, которымъ позволилъ жить сей кровожадный человѣкъ. Стараясь съ тѣхъ поръ основать свое величіе не на добродѣтеляхъ чистыхъ и республиканскихъ, коихъ столь высокій

примѣръ представлялъ ему Катонъ, но на униженіи своихъ сограждань и на уничтоженіи равенства, онъ весьма искусно присоединился ко всѣмъ мятежникамъ, къ Пизону, Лентулу и Катилинѣ, коихъ заговоры и злоумышленія, на щетъ ихъ, приготовили удивительное его щастіе. Природа дала ему болѣе талантовъ, силы и способовъ къ изтребленію свободы, нежели сколько показали, со времени изгнанія Царей, самые ревностные республиканцы для утвержденія, или защиты оной.

Не надѣясь ни въ чемъ на случай, но во многомъ на свой геній и во всемъ на силу и мужество, онъ искалъ первыхъ мѣстъ въ республикѣ и получалъ ихъ, будучи всегда готовъ насильно занять, еслибы не получилъ съ согласія. Его дѣятельность, которой никогда онъ не раздроблялъ, но которую всю устремлялъ на каждый предметъ своего честолюбія, была чудесная, и никакая неудача, никакой успѣхъ не могли остановить ее. Мысль о томъ, что оставалось ему дѣлать, едва давала мѣсто воспоминанію того, что было сдѣлано.

Такимъ образомъ, послѣ безчислен-

ныхъ побѣдъ, одержанныхъ со скоростію дотолѣ неслыханною, въ климатахъ для Римлянъ необычайныхъ, надъ народами сильными и воинственными; тогда, какъ самый Римъ, удивленный множествомъ чудесъ, воздвигалъ ему статуи и жертвенники и воздавалъ божескія почести; когда въ самомъ дѣлѣ онъ превышалъ все, что производилъ Римъ великаго—Онъ не находилъ равнаго себѣ; онъ видѣлъ у ногъ своихъ владыкъ міра и дѣлалъ еще новые замыслы, какъ будто на землѣ не было ничего достойнаго, на чемъ бы могъ нѣсколько остановиться гордый, высокой духъ его.

Мы приходимъ въ изумленіе, когда представляемъ себѣ все, чего онъ хотѣлъ, что предпринималъ и что дѣлалъ. Онъ находилъ въ своемъ геніи болѣе пособій, нежели сколько встрѣчалъ препятствій къ исполненію намѣреній, и сіи пособія были столькоже скоры, сколько препятствія могли быть непредвидимы. Съ отважностію, повелѣвавшею, такъ сказать, произшествіями, онъ соединялъ въ себѣ ту мудрость, которая предуготовляетъ, совершаетъ, либо поправляетъ ихъ; никогда не предпринималъ онъ по-

ходовъ, не обезпечивъ себя напередъ всѣми средствами къ побѣдѣ; никогда не щиталъ себя побѣдителемъ прежде, нежели отниметъ у побѣжденныхъ всѣ способы. Обожаемый своими солдатами, которымъ внѣ сраженія позволялъ онъ все, но въ день сраженія не прощалъ ничего, онъ славу свою сдѣлалъ первою ихъ потребностію, а успѣхи первою наградою.

Будучи ласковъ, привѣтливъ, снисходителенъ, великодушенъ, онъ имѣлъ добродѣтели, но не былъ добродѣтельнымъ; онъ пожертвовалъ бы всѣми ими, если бы сіе пожертвованіе приближило его хотя на одинъ шагъ къ верховному могуществу. Дружба его состояла не въ томъ чистомъ и нѣжномъ чувствованіи, которое дѣлаетъ нашимъ собственнымъ и личнымъ щастіе, или нещастіе другаго; но въ благосклонности, основанной на нуждѣ и пользѣ, въ наградѣ за приверженность къ его лицу и замысламъ, за покорность его волѣ. Если Римъ, послѣ того достопамятнаго сраженія, которое рѣшило судьбу міра, не потребовалъ отъ него крови ни одного изъ гражданъ, избѣгнув-

шихъ оружія сражавшихся, то это потому, что для него полезно было прощать, что онъ почиталъ прощеніе однимъ изъ благороднѣйшихъ дѣяній верховной власти. По смерти Помпея онъ опять воздвигнулъ низпровергнутыя народомъ статуи сего великаго мужа; но таже рука воздвигла и Маріевы трофеи. Великодушіе его не имѣло границъ и щедрость была безпримѣрная. Но что было цѣлію его щедрости? То, чтобы склонить на свою сторону народъ, котораго власть становилась ему нужною для изпроверженія власти Сената, и чтобы привязать къ себѣ войска и чрезъ то сначала уничтожить власть Красса и Помпея, а потомъ и самаго народа.

Его честолюбіе, по видимому, было остановлено однажды мыслію объ общемъ благѣ, въ то время, какъ при переходѣ его чрезъ Рубиконь, представилась уму его картина всѣхъ бѣдствій, въ которыя готовился онъ повергнуть республику. Сія мысль остановила его на брегахъ рѣки, но неболѣе какъ на одну минуту; онъ въ тысячу разъ лучше хотѣлъ бы погибнуть и въ паденіи своемъ увлечь весь свѣтъ, нежели отказаться отъ на-

мѣренія покорить его и дать ему законы.

Онъ съ первыхъ лѣтъ возраста своего почувствовалъ, что отечество его имѣло нужду въ повелителѣ, но гораздо болѣе почувствовалъ нужду сдѣлаться повелителемъ отечества. Чтобы лучше скрыть сіе великое намѣреніе, Юлій Цезарь покрылъ оное видомъ простоты, разсѣянности и даже шалостей; онъ показывалъ въ себѣ любовь къ щегольству, какъ молодой человѣкъ, который старается только нравиться; въ немъ обманывались самые проницательные взоры. Одинъ ужасный Силла, сквозь сію притворную изнѣженность, видѣлъ въ немъ страшнаго врага республики; онъ не могъ предвидѣть только того, чтобы свободу, коей осталки, по мнѣнію его, не могли быть сохранены иначе, какъ посредствомъ кровопролитія, Цезарь уничтожилъ наиболѣе прощеніемъ и милостями.

Сей необыкновенный человѣкъ не шелъ къ своей цѣли по плану, спокойно и хладнокровно обдуманному; но стрѣмился, побуждаемый ненасытнымъ желаніемъ славы, страстію владычество-

вать и чувствованіемъ своихъ силъ, влекомый тѣмъ повелительнымъ тайнымъ инстинктомъ, который не ждетъ разума и служитъ лучше благоразумія. Вмѣсто того, чтобы бояться препятствій, геній, отвѣчавшій ему за все, заставлялъ его желать ихъ; иначе онъ пренебрегалъ бы великими вещами, еслибы въ полученіи ихъ не встрѣчалъ великихъ затрудненій. Чрезвычайная дѣятельность и чрезвычайное терпѣніе; отважность и благоразуміе, милосердіе и строгость; искусство казаться тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ, и скрывать, чѣмъ былъ; искусство гораздо труднѣйшее — во время притворства казаться простымъ и откровеннымъ; сердце пылкое и страстное, а духъ всегда покойный и веселый; воображеніе тонкое и пламенное, а разсудокъ твердый и чистый; вотъ качества, изъ коихъ достаточно нѣкоторыхъ, чтобы составить героя, государственнаго человѣка, великаго мужа, такого, какія появляются весьма далеко одинъ отъ другаго; поелику таковыя качества большею частію несовмѣстны одни съ другими: но Цезарь имѣлъ ихъ всѣ и въ высочайшей степени. Та-

кимъ образомъ этотъ же самый человѣкъ, который истребилъ три милліона людей, взялъ восемъ сотъ городовъ приступомъ, покорилъ триста націй и тяжестію своего генія и характера раздавилъ угнѣтавшій весь свѣтъ колоссъ величія и силы; онъ же истреблялъ злоупотребленія, писалъ спасительные законы, наблюдалъ за всѣми частями правленія, ободрялъ и покровительствовалъ всѣ художества, равнялся въ краснорѣчіи съ краснорѣчивѣйшимъ изъ Римлянъ, установилъ колебавшійся языкъ, приведя къ началамъ и подчинивъ правиламъ слова, всегда почти на удачу произносимыя незнающею чернію, и описалъ свои дѣянія такимъ слогомъ, которому въ изящной и благородной простотѣ его не могъ подражать ни одинъ писатель. Не могши повелѣвать небомъ, онъ хотѣлъ знать законы его; онъ наблюдалъ движеніе свѣтилъ и заключилъ годъ въ истинныхъ предѣлахъ его.

Послѣ всего этого Цезарь помышлялъ еще о такихъ предпріятіяхъ, изъ которыхъ одно могло бы, не говорю, сдѣлать безсмертнымъ человѣка, но прославить цѣлый вѣкъ—какъ вдругъ погибъ отъ той

изъ своихъ добродѣтелей, которой наиболѣе обязанъ былъ возвышеніемъ и властію, отъ милосердія. Онъ погибъ и заслужилъ погибель; въ правленіи свободномъ тотъ есть величайшій изъ злодѣевъ, кто покушается даже на остатки свободы. Но Римляне должны были вѣрить, что Боги судятъ о семъ иначе; ужасныя явленія, предшествовавшія и сопутствовавшія его смерти; комета, явившаяся въ небесахъ въ то самое время, когда отправляли погребеніе его; плачевный конецъ, постигшій всѣхъ его убійцъ, изъ коихъ нѣкоторые поразили себя тѣмъ же кинжаломъ, коимъ его умертвили—все, кажется, говорило имъ, что раздраженное небо мстило за смерть Цезаря, какъ за величайшее оскорбленіе природы, которая не иначе произвела въ свѣтъ такого человѣка, какъ съ усиліемъ, коего повторить она уже не могла.

Съ фр. ф.

Рѣчь Сципіона къ своимъ воинамъ.

(Изъ Ливія.)

Воины! еслибы я нынѣ велъ на сраженіе то войско, которое было со мною въ Галліи: то не сказалъ бы ни слова. Что заставилобъ меня возбуждать мужество въ конныхъ, одержавшихъ у Роны надъ конницею непріятельскою блистательную побѣду, или въ легіонахъ, которыми преслѣдуемый въ бѣгствѣ своемъ сей жъ самый непріятель трусостію и уклоненіемъ отъ сраженія показывалъ побѣду нашу? Но я оставилъ то войско въ Испаніи, гдѣ оно, согласно съ моимъ намѣреніемъ и волею Сената и народа Римскаго, продолжаетъ дѣйствія съ братомъ моимъ Сципіономъ. Самъ, чтобъ имѣли вы въ Консулѣ вашемъ вождя противъ Аннибала и Карѳагенянъ, спѣшилъ на желанную битву сію. Предводителю новому нельзя не сказать новымъ воинамъ нѣсколькихъ словъ. Вамъ надобно знать ходъ войны и непріятеля. Вы будете сражаться съ тѣми, которыхъ въ минувшую войну на сушѣ и на морѣ

побѣдили, которые чрезъ двадцать лѣтъ были вашими данниками, и у которыхъ завоевали Сардинію и Сицилію. И такъ пойдемъ на битву сію: мы—съ надеждою побѣдителей; они съ отчаяніемъ побѣжденныхъ. Не дерзость, но неизбѣжность заставитъ ихъ сразиться. Не думаете ли, что не отважившіеся на битву, имѣя войско въ полномъ числѣ своемъ, нынѣ, послѣ потери въ переходахъ чрезъ Алпы половины пѣшихъ и конныхъ, (а можетъ быть, погибло больше нежели осталось) одушевятся новымъ мужествомъ? или что хотя и не великое число ихъ, но мужественны и крѣпки, такъ что ихъ нападенію и силѣ едва ли что противиться въ состояніи?... Нѣтъ! это призраки и тѣни человѣческія, а не человѣки; полуживые, измученные и истощенные среди пропастей земныхъ и дикихъ камней отъ голода, стужи, страданій и тоски. Тѣла ихъ опалены зноемъ, нервы оцѣпенѣли въ снѣгахъ, члены отняты морозомъ; оружіе ихъ испорчено и изломано; лошади ихъ хромыя и хворыя. Таковы конные и пѣшіе, съ коими сразитесь. Вы найдете въ нихъ остатки вражескія, а не враговъ. И я всего болѣе

опасаюсь, чтобъ послѣ сраженія не сказали, что Аннибалъ побѣжденъ Алпами. Но можетъ быть, такъ и надобно, чтобъ противъ вождя и народа, святость союза поправшихъ, сами Боги, безъ всякаго посредства человѣческаго, произвели и совершили брань; а произведенную и совершенную заключили мы, оскорбленные по Богахъ.

Не подумайте, что я ищу только громкихъ словъ для убѣжденія вашего въ томъ, чего самъ не чувствую. Тогда вышло повелѣніе: слѣдовать мнѣ съ войскомъ моимъ въ Испанскую провинцію мою, куда я и отправился. Со мною находился и мой братъ, довѣренный предпріятій моихъ и мой товарищъ въ войнѣ; противъ меня шелъ Аннибалъ и въ особенности Аздрубалъ; войско мое уступало числомъ нынѣшнему.

Я проходилъ судами мимо Галліи. Услышавъ, что непріятель былъ тамъ, я вышелъ на берегъ, и пославъ конныхъ впередъ, съ прочимъ войскомъ сталъ лагеремъ у Роны. Въ дѣлѣ конномъ часть войска моего, имѣвшая случай сразиться съ непріятелемъ, разсѣяла его. Между тѣмъ непріятельскіе полки въ безпоряд-

кѣ бѣгства стремительно спасались. Не надѣясь достигнуть ихъ сухимъ путемъ, возвратился я на суда и отправившись немедлѣнно, прошелъ не малое пространство моря и земель, пока повстрѣчался у подошвы Алпійскихъ горъ. Уклоняясь отъ сраженія, отважился ли бы я нападать на страшнаго для меня непріятеля, его преслѣдовать, безпокоить и принуждать къ сраженію? Вы удостовѣритесь, не въ самомъ ли дѣлѣ земля чрезъ двадцать лѣтъ чудеснымъ образомъ произвела иныхъ Карѳагенцовъ, или они всѣ тѣже, какими были въ битвѣ при островахъ Егатскихъ и при Ерикѣ, гдѣ за дарованную имъ свободу заплатили вамъ осьмнадцать динаріевъ: не въ самомъ ли дѣлѣ также Аннибалъ сей есть второй Алкидъ, какъ величаетъ себя самъ, или данникъ и наемникъ, рабъ народа Римскаго, наслѣдовавшій участь сію отъ отца. Когда бы бѣшенство не ослѣпило его, какъ при Сагунтѣ, то конечно онъ привелъ бы себѣ на память, если не отечество, бывшее въ рукахъ побѣдителей, по крайнѣй мѣрѣ домъ свой, отца, самыя условія мира, написанныя рукою Амилькара; привелъ бы себѣ на память, какъ

отецъ его, получивъ повелѣніе отъ нашего Консула, принужденъ былъ вывести изъ Ерики охранное войско; какъ съ трепетомъ и прискорбіемъ принялъ тягостные законы, предписанные побѣдителями Карѳагену; какъ оставилъ Сицилію и обязался присылать народу Римскому ежегодныя дани. И такъ вы воружитесь, воины, не токмо всегдашнимъ мужествомъ своимъ, но мщеніемъ и яростію, такъ точно, какъ бы на рабовъ вашихъ, коварно поднявшихъ на васъ оружіе. Ничто не препятствовало намъ враговъ нашихъ, окруженныхъ при Эрикѣ, умертвить ужаснѣйшею для человѣчества казнію — голодомъ. Ничто не препятствовало съ побѣдоноснымъ флотомъ перенестись въ Африку и въ короткое время безъ сраженія истребить Карѳагенъ. Мы склонились на ихъ просьбы, сняли осаду, побѣжденнымъ даровали миръ, и потомъ во время опасной для нихъ войны Африканской приняли ихъ въ наше покровительство. За сіи благодѣянія идутъ они, подъ предводительствомъ безумнаго юноши, разорять отечество наше. Но къ сожалѣнію уже не честь токмо, цѣлость Республики требуетъ отъ васъ сей бит-

вы. Вы будете сражаться не за обладаніе Сициліею и Сардиніею, какъ въ минувшую войну, но за Италію. За нами нѣтъ другаго войска. Если не побѣдимъ, ничто не удержитъ непріятеля. Алпъ другихъ не будетъ, и враги наши, оставивъ ихъ за собою, могутъ воспользоваться новыми подкрѣпленіями. Воины! здѣсь должны мы противустать, и такъ сражаться, какъ бы подъ стѣнами Рима. Пусть помнитъ каждый, что несетъ оружіе не столько на себя, сколько для защиты жены и дѣтей малолѣтныхъ; пусть помнитъ вмѣстѣ съ семейственными предметами любви и то, что съ нами вся надежда Сената и народа Римскаго: отъ подвиговъ и мужества нашего теперь совершенно зависитъ жребій Рима и владычества нашего.

Сб Лат. А. Б.

Страшный судъ.

„Насъ праведныхъ Творецъ хранитъ, какъ милыхъ чадъ,“
Твердите вы: „но зримъ повсюду васъ попранныхъ.
„За добродѣтель вамъ не должно ждать наградъ,
„Подъ властію вы злыхъ успѣхами вѣнчанныхъ.
„Взывайте, Богъ сей вамъ покровъ!
„Да ополчится онъ сыновъ на отомщенье!
„Не слышитъ онъ, не зритъ, или на защищенье
„Безбожныхъ лишь готовъ?“—
„Хулу гласитъ о немъ престаньте, нечестивы!
„Иль, чтобъ ругаться имъ, онъ далъ вамъ рѣчь и гласъ?
„Не сѣтуемъ, когда онъ испытуетъ насъ;
„Въ безмолвьи ждемъ, сразитъ и васъ Богъ справедливый.
„О горе грѣшнымъ! Не далекъ,
„Уже спѣшитъ тотъ день на казнь опредѣленный.
„Вознаградитъ Богъ слезный токъ,
„За ваше торжество мы будемъ отомщенны.“
„Когда есть Богъ, почто жъ еще онъ не грядетъ?
„Но въ мірѣ праведный, нещастьемъ удрученной,

„Напрасно отъ него себѣ защиты ждетъ:
„Средь неба онъ почилъ надъ молньей притупленной.
„И Богъ сей щедръ и справедливъ?
„И мыслишь ты отъ сна онъ можетъ пробудиться?
„О смертный! поспѣшай весельемъ наслаждишься,
„Пороченъ будь, но будь щасшливъ.“—

Но слышенъ звукъ! трубы раздался гласъ священной
И ужасъ поселилъ въ сердцахъ;
На колесницѣ громъ летящей, распаленной
Все пожираетъ въ небесахъ.
Въ крови свѣтила всѣ и вѣтры разъяренны,
Освободившись отъ цѣпей,
Гласятъ ли вамъ, увы! о жители вселенны!
Послѣдній день назначенъ сей.

Вздымаетъ Океанъ свои кипящи воды
И въ облака волнами бьетъ,
Бунтуя борется съ законами природы.
Разрушенная твердь падетъ.
Свершилось все. Давно отъ глазъ сокрытый тьмою
Изъ нѣдръ небесъ, людьми забвенъ гдѣ отдыхалъ,
Явился Богъ! Се онъ! всемощною рукою
Престалъ міръ ограждать, и міръ на части палъ.
Страшитесь, смертные! здѣсь строгое зерцало

Верховнаго судьи!
Вѣнецъ и злато здѣсь недрагоцѣнно стало,
Здѣсь равенство между людьми.
Отверзла истина для казни неизбѣжной
Здѣсь книгу грозную: злодѣйства ваши въ ней,
И вѣра, матерью доселѣ бывъ къ вамъ нѣжной,
Безъ жалости разитъ ослушныхъ сыновей.

Усопшихъ души! пробудитесь
И прежнія принявъ тѣла,
Предъ Бога соберитесь:
Отъ гроба власть его васъ нынѣ извела.
Изъ мрака мертвые толпами поспѣшаютъ,
Подходятъ; на лицѣ ихъ блѣдномъ видѣнъ страхъ.
Изъ тишины гробовъ изшедши, отряхаютъ
Съ власовъ могильный прахъ.

Сколь много, о Сіонъ! въ обители священной
Твоей изъ разныхъ странъ народовъ нынѣ зримъ.
Магометанинъ здѣсь, кумирамъ покоренной,
Еврей, Христіанинъ, предъ Богомъ всѣ однимъ.
Какой ужасный шумъ! страданья тяжки стоны!
О небо! нѣсть числа, виновныхъ милліоны.
Съ неблагодарнымъ здѣсь
Убійца кроется и хитрыхъ лжей сплетатель,
Мздоимецъ въ златѣ весь
И воинъ битвы въ день отечества предатель.

Здѣсь зрю судей безстыдныхъ сихъ,
Которы кровію невинныхъ насыщались
Съ гонителями ихъ.

А тамъ вельможи тѣ, которые старались
Благотворителей священный видъ пріять,
Чтобы среди щедротъ обиды изливать.
Куда сокроются? вездѣ достигнетъ мщенье
Неправедныхъ владыкъ сихъ нынѣ безъ пор-
фиръ.
Степей, пещеръ ужъ нѣтъ, разрушенъ цѣ-
лый міръ,
Наполнило собой все Бога провидѣнье.

Протекъ помилованья часъ.
Приближтесь, грѣшные! къ суду сбирайтесь,
Зоветъ васъ строгій гласъ.
Слезами праведныхъ по прежнему ругайтесь.
Защиты имъ отъ Бога нѣтъ?
Вѣщайте, дайте намъ отвѣтъ.
Ужъ поздно слезы лить; вашъ стонъ насъ
утѣшаетъ,
Свершится сдѣланный торжественно обѣтъ
И адъ своей добычи ожидаетъ.

Какой вдругъ озарилъ меня отвсюду свѣтъ?
На лирѣ перстами невольно увлеченный,
Небесной сладостью на вѣки упоенный,
Души восторгъ мной на струнахъ воспѣтъ.
Сокройтесь, грѣшные! я Богомъ зрю избран-
ныхъ,
Они грядутъ съ улыбкой на устахъ
Вкусить отрадъ имъ обѣщанныхъ.
Не можетъ чадъ тревожить гнусный страхъ:

Отецъ пріемлетъ ихъ безсмертіемъ вѣнчанныхъ.

Увы! изъ тьмы людей питаемыхъ тобой
Немногіе законъ хранили твой святой,
О Боже! и тебѣ до гроба покарялись.
Младенцы, старцы лишь остались,
Страдальцевъ малое число.
Средь многихъ праведныхъ, которые призвались,
Едва ли есть вѣнчанное чело!
Куда сокрылися, преступниковъ народы
Сіона бывшихъ при вратахъ?
Всевышній лишь изрекъ, людей несмѣтны роды
Поглощены во адовыхъ устахъ.
Осуждены на вѣкъ отецъ тамъ вмѣстѣ съ сыномъ,
И матерь съ дочерью и братія съ сестрой;
Тамъ царь и вмѣстѣ льстецъ, невольникъ съ властелиномъ,
Друзья, любовники, и мужъ съ своей женой.
Злодѣевъ легіонъ, стыдясь себя познанья,
На люшыя терзанья
Преданны Божіей разгнѣванной рукой.
Но праведный теперь побѣду получаетъ
И послѣ бурь въ объятіяхъ Творца,
Сіяя славой, отдыхаетъ.
Безсмертнымъ сладостямъ не будетъ симъ конца.
Онъ зритъ и познаетъ, онъ чувствуетъ и дышитъ

Тѣмъ Богомъ, коимъ жилъ;
Хоръ ангеловъ онъ слышитъ
И слава вѣчнаго, которому служилъ,
Самимъ на небѣ имъ воспѣта.
Ненужный громъ Всевышній сокрушилъ,
Каранью болѣ нѣтъ предмета.
Исчезли годы, дни, часы;
Безъ крыльевъ время, безъ косы
Почило въ вѣчности среди развалинъ свѣта.

А. Пушкинъ.

Басня.

Лѣтучая мышь и двѣ ласточки.

Жестокую войну
Съ мышами ласточки имѣли,
Кого ни брали въ плѣнъ, всѣхъ ѣли.
Случилось какъ-то мышь летучую одну
Въ ночную пору
Занесъ лукавой въ нору
Къ голодной ласточкѣ. — А! а! прошу присѣсть,
Съ насмѣшкой ласточка сказала,
Ты мышь, тебя мнѣ можно съѣсть. —
„Помилуй, та ей отвѣчала,
Не ѣшь, а лучше разсуди
Да хорошенько погляди.
Въ своемъ ли ты умѣ, сестрица?
Вотъ крылья у меня, я птица! “ —
Уловкой этой жизнь спасла себѣ она.
Окончилась война
У ласточекъ съ мышинымъ родомъ;
Но съ птичьимъ уже брань онѣ вели народомъ,
И мышь летучая опять
Въ плѣнъ къ ласточкѣ попала. —
Ты птица? ты теперь летала? —
„За что меня такъ обижать?
Я мышь и изъ мышей природныхъ,
Былъ смѣлой плѣнницы отвѣтъ.
Похожа ль я на птицъ негодныхъ?
На мнѣ и перьевь вовсе нѣтъ!“ —

Въ другой разъ хитростью такой она спаслася,
И ложь и истина равно ей удалася.

*

Отъ страха не одинъ
Вчера былъ роялистъ, а нынѣ гражданинъ.

А. Измайловъ.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Лучше ли воспитывать дѣтей дома или вѣ училищахѣ?

(Изъ Ораторскихъ наставленій Квинтиліана. Кн. 1, гл. 2).

Дитя, мало по малу подрастая, выходитъ изъ-подъ надзора нянекъ и начинаетъ постоянно учиться. Тутъ въ особенности надлежитъ изслѣдовать вопросъ: лучше ли оставить учащагося дома, подъ семейственнымъ кровомъ; или отдать въ училище, подъ надзоръ наставниковъ общественныхъ? Послѣднее мнѣніе принимается какъ законодателями извѣстнѣйшихъ народовъ, такъ и отличнѣйшими писателями.

Надобно однакожъ признаться, что многіе отвергаютъ сей почти общепринятый обычай. Они приводятъ на то два доказательства. Первое, что чрезъ удаленіе ребенка отъ толпы воспитанниковъ одного съ нимъ возраста, весьма наклонныхъ къ порокамъ, гораздо легче предохранить нравы его отъ разврата; и второе, что каждый наставникъ у-

стремитъ все вниманіе свое на одного, не имѣя надобности раздѣлять оное между многими. Первая причина весьма важна: если бы извѣстно было, что въ училищахъ пріобрѣтаются успѣхи въ словесности не иначе какъ съ порчею нравовъ, то, кажется, я предпочелъ бы благонравіе всякому краснорѣчію. Но, по мнѣнію моему, качества сіи столь тѣсно соединены, что одно безъ другаго не бываетъ. Только честной человѣкъ можетъ быть Ораторомъ; и я желалъ бы, чтобъ сіе иначе не случалось. И такъ обратимся сперва къ сему предмету.

Полагаютъ, что нравы портятся въ училищахъ: портятся иногда, но точно также, какъ и дома. Много есть съ той и съ другой стороны примѣровъ, какъ опровергающихъ совершенно, такъ и подтверждающихъ съ величайшею достовѣрностію сіе мнѣніе. Все зависитъ отъ свойствъ и усилія каждаго. Имѣй мысли склонныя къ распутству, имѣй небреженіе о святости и храненіи невинности съ самаго малолѣтства: тогда представится и въ уединеніи столь же удобный случай къ худымъ поступкамъ. Можетъ случиться въ домѣ развратный на-

ставникъ; не менѣе также опасности отъ дурныхъ служителей и отъ нескромности всѣхъ вообще домашнихъ. Но если дитя отличныхъ свойствъ, если родители чужды слѣпой и закоренѣлой безпечности: то останется избрать самаго благонравнаго наставника, на что благоразумные обращаютъ особенное вниманіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежнѣйшій способъ воспитанія; а притомъ приставить къ дитяти друга изъ мужей почтенныхъ, или вѣрнаго дядьку, коего непрерывный надзоръ дѣйствителенъ къ поправленію дѣтскихъ свойствъ даже сомнительныхъ.

Незатруднительное средство было отвратить такое сомнѣніе. Ахъ, еслибы мы сами не портили нравовъ дѣтскихъ. Младенчество тотчасъ растлѣваемъ нѣгою. Слабое воспитаніе, именуемое баловствомъ, превращаетъ все расположеніе и духа и тѣла. Къ чему не будетъ пристрастенъ въ возмужалости тотъ, кто ползалъ въ младенчествѣ на пурпурѣ. Еще не говоритъ ни слова и уже различаетъ алой цвѣтъ, желаетъ наряднаго платья. Чувство вкуса направляется въ дѣтяхъ прежде, нежели рѣчь. Они

растутъ въ носилкахъ. Касаются земли не иначе, какъ поддерживаясь отовсюда и вися на рукахъ. Мы восхищаемся дерзкими ихъ рѣчами. Слова, непозволяемыя въ самыхъ распутныхъ домахъ, принимаемъ отъ нихъ со смѣхомъ и поцѣлуемъ. И неудивительно: мы сами научили ихъ — отъ насъ они переняли. Каждый пиръ оглашается неблагопристойными пѣснями. Постыдное для слуха представляется очамъ. Отсюда родится навыкъ и обращается въ природу. Нещастные вдаются въ пороки, не имѣя о нихъ даже понятія. Симъ способомъ развращенные и избалованные не заемлютъ зло сіе въ училищахъ, но въ училища приносятъ.

Утверждаютъ также, что заниматься ученіемъ одному съ однимъ досужнѣе. Но ничто не мѣшаетъ сему одному (я не знаю какъ назвать его) быть съ учащимся и въ училищѣ; а хотя бы то было и невозможно, я предпочелъ бы славу общественнаго заведенія безызвѣстности и уединенію: поелику всякой хорошій наставникъ съ большею охотою жертвуетъ способностями своими обществу, щитая, что кругъ его дѣйствій долженъ быть обширнѣе; напротивъ не-

имѣющіе равныхъ способностей самымъ чувствомъ недостатковъ своихъ убѣждаются служить частнымъ людямъ, дабы какъ нибудь удержать только званіе учителей. Но пусть иной по знатности, пріязни или богатству имѣлъ бы въ домѣ самаго искуснаго и превосходнаго учителя: неужели единообразность занятія чрезъ цѣлый день не утомитъ его? И можетъ ли въ самомъ учащемся быть столь неутомимо вниманіе, что бы оно отъ непрерывнаго напряженія подобно взору не притуплялось? При томъ для иныхъ занятій нужно совершенное уединеніе. При затверживаніи наизусть, письмѣ и сочиненіи не требуется учительскаго пособія, и въ сихъ занятіяхъ присутствіе посторонняго дѣлаетъ помѣху. Не при каждомъ также чтеніи и не безпрерывно нужны примѣръ и руководство, а иначе когда бы можно было прочитать столько сочиненій? Для назначенія занятія на цѣлой день не много времени требуется, и преподаваемое одному можетъ относиться къ большей части другихъ; а весьма многое, смотря по свойству предмета, должно предлагать однимъ голосомъ всѣмъ вообще. Я не у-

поминаю о разборѣ и чтеніи Риторскомъ, что, не смотря на число учащихся, производится такъ, какъ бы для каждаго въ особенности. Изустное учительское преподаваніе отъ множества лицъ не можетъ сдѣлаться недостаточнымъ, подобно пищѣ; но дѣйствуетъ на каждаго какъ солнечный свѣтъ съ одинакою пользою и силою. Равнымъ образомъ преподающій Граммашику, обучая произношенію словъ, изъясняя задачи, пересказывая исторіи и разбирая произведенія стихотворцевъ, дѣлаетъ все сіе съ успѣхомъ для каждаго внимающаго.

Правда, что при множествѣ учащихся не можно поправлять погрѣшностей каждаго, и не всякому достанется читать. Согласимся въ семъ неудобствѣ (ибо что бываетъ со всѣхъ сторонъ достаточнымъ?); но тутъ же противуположимъ и самыя выгоды. Я не совѣтую оставлять дѣтей гдѣ либо безъ надлежащаго надзора. Добрый наставникъ не обременитъ себя множествомъ, несоразмѣрнымъ его силамъ; а въ особенности надлежитъ приложить попеченіе о томъ, чтобы онъ имѣлъ къ намъ совер-

шенно дружеское расположеніе, и въ наставленіи руководился не однимъ долгомъ, но и привязанностію. Тогда множество совсѣмъ намъ не помѣшаетъ. Притомъ всякой сколько нибудь просвѣщенный наставникъ, замѣтивъ въ ребенкѣ отличную способность и умъ, обратитъ на него для собственной чести своей особенное вниманіе. Впрочемъ хотя и надобно избѣгать многолюдныхъ училищныхъ заведеній (я не разумѣю и въ семъ отношеніи приобрѣвшихъ чѣмъ либо отличную довѣренность); но изъ того не слѣдуетъ, что бы должно было уклоняться вовсе отъ училищъ. Имѣть отвращеніе отъ училищъ и дѣлать имъ разборъ—суть двѣ вещи различныя.

Разсмотрѣвъ противуполагаемыя мнѣнія, предложимъ теперь собственное наше. Прежде всего будущій ораторъ, предназначаемый для многолюдныхъ собраній и отличнаго круга въ обществѣ, долженъ съ малолѣтства привыкать къ обращенію съ людьми, преодолѣвая въ себѣ робость, свойственную уединенной и, такъ сказать, затворнической жизни. Надобно возбуждать и всегда поддерживать духъ, который, въ уединеніи сла-

бѣя, или заставляетъ каждаго скрываться во мракѣ, или напротивъ напыщаетъ пустою увѣренностію. Не сравнивающій себя ни съ кѣмъ думаетъ, что онъ превосходитъ всякаго. Когда же надобно показать знанія, мнимый блескъ при свѣтѣ тускнетъ и онъ, какъ приобрѣвшій для себя самаго свѣденія, нужныя для общества, обнаруживаетъ однѣ странности.

Я не говорю ни слова о дѣтскихъ связяхъ, которыя, утвердившись нѣжнѣйшею привычкою, ненарушимо продолжаются до самой старости: ибо изъ всѣхъ дружескихъ союзовъ самый священнѣйшій есть тотъ, въ который вступаемъ во время ученія.

Какъ можно приобрѣсть самыя понятія, именуемыя общими, устраняясь отъ сообщенія, которое свойственно не только людямъ, но даже безсловеснымъ животнымъ?

Прибавьте, что дитя можетъ замѣчать дома только то, что собственно ему, въ училищахъ же и то, что другимъ преподается. Каждой день будетъ слышать разныя разсужденія, разныя замѣчанія. Въ одномъ обнаружится посты-

дная лѣность, въ другомъ похвальное рвеніе. Похвала произведетъ въ немъ соревнованіе. Стыдно для него будетъ уступить равному, лестно превзойти лучшихъ. Все сіе воспламеняетъ души, и хотя честолюбіе само по себѣ порочно, однако часто бываетъ источникомъ добродѣтелей. Я помню, сколько для насъ полезенъ былъ обычай, введенный учителями нашими. Они, распредѣля учениковъ на разряды, назначали очередь для чтеніе рѣчей, соображаясь съ способностями каждаго. Превосходившій успѣхами читалъ рѣчь свою прежде. Для сужденія о семъ составлялись собранія. Каждый изъ насъ употреблялъ все усиліе, чтобъ превзойти прочихъ. Получить же первое мѣсто въ разрядѣ почиталось самымъ большимъ отличіемъ. Степени опредѣлялись не на всегда; послѣ тридцати дней каждому вновь давалось право оспоривать оныя. Симъ способомъ и въ отличныхъ поддерживалась ревность, и побѣжденные находили случай загладить постыдное для чести пятно. Я вѣрю, что установленіе сіе, сколько теперь припомнить могу, побуждало насъ къ успѣхамъ въ словесности болѣе учи-

тельскихъ напоминаній, надзора смотрителей и самыхъ родительскихъ увѣщаній.

Соревнованіе однако служитъ къ усовершенствованію только дѣйствительныхъ успѣховъ въ словесности. А для начинающихъ и неопытныхъ подражаніе товарищамъ и наставникамъ и пріятнѣе и легче. Отъ самыхъ начальныхъ основаній едва ли можно простирать надежду до той степени, которая почитается вѣнцемъ краснорѣчія. Лучше достигать сперва ближайшей; такъ какъ виноградныя лозы, посаженныя при деревахъ, сперва вьются около нижнихъ вѣтвей, а потомъ восходятъ къ верхнимъ. Сіе столько достовѣрно, что самый наставникъ, имѣющій дѣло еще съ необразованными умами, предпочитая пользу пустому блеску, не обремѣняетъ учащихся сверхъ возможности, но соразмѣряя силы свои съ ихъ слабостію, снисходитъ къ ихъ понятію. Сосудцы съ самымъ узкимъ горлышкомъ не вдругъ наполняются жидкостями, но мало по малу, и иногда каплями: равнымъ образомъ должно поступать съ дѣтскими умами. Все то, что требуетъ усилія

разсудка, не входитъ въ умы мало приучившіеся къ размышленію. Слѣдовательно желающій превзойти нѣкогда другаго должень сперва ему подражать, а тамъ постепенно можетъ надѣяться и большаго усовершенствованія.

Скажу и то, что самые наставники при одномъ слушателѣ не могутъ имѣть той силы и огня въ словѣ, какими они одушевляются въ многолюдномъ собраніи. Главнѣйшая часть краснорѣчія заключается въ духѣ. Одного должно растрогать, другому живо представить изображенія вещей и какъ бы возвысить его до внушаемыхъ ему понятій. Для ума высокаго и оплічнаго требуются и средства соразмѣрныя. Похвала возноситъ его выше себя самаго, трудности даютъ ему новую твердость и все необычайное производитъ въ немъ сильнѣйшіе порывы. Даръ краснорѣчія, приобрѣтаемый многими трудами, стѣсняется при одномъ слушателѣ какимъ-то тайнымъ отвращеніемъ. Стыдно бываетъ отступить отъ обыкновенной рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, представте въ мысляхъ, будто кто нибудь передъ однимъ слушателемъ произноситъ рѣчь со всѣми дѣй-

ствіями ораторскими, голосомъ возвышеннымъ, съ видомъ и тономъ прогающими, съ внутреннимъ и наружнымъ движеніемъ страсти, со всѣмъ усиліемъ и напряженіемъ духа и такъ далѣе: не показался ли бы такой человѣкъ похожимъ на сумасшедшаго? Краснорѣчіе не было бы искусствомъ, еслибъ мы говорили только другъ предъ другомъ.

А. Б.

III. КРИТИКА.

Избранныя мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ. Съ прибавленіемъ извѣстій о жизни и твореніяхъ писателей, которыхъ труды помѣщены въ семъ собраніи. Изданы Николаемъ Гречемъ, старшимъ учителемъ Руского языка въ Главномъ Нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра, и членомъ С. П. Бурескаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. Съ Епиграфомъ:

Equidem beatos puto, quibus Deorum munere datum est aut facere scribenda, aut scribere legenda. *C. Plin. Lib. VI. Ep. XVI.*

Санктпетербургъ. Въ Типографіи Ѳ. Дрехслера. 1812.

Изданіемъ сей полезной книги Г. Гречъ оказалъ большую услугу училищамъ, которыя до сихъ поръ не имѣли еще никакого собранія лучшихъ нашихъ прозаиковъ. Но по моему мнѣнію книга Г. Греча была бы еще полезнѣе, если бы онъ

при составленіи ея имѣлъ другой планъ. Вотъ правила, которыя были ему предписаны:

„1. Избрать мѣста изъ лучшихъ Рос„сійскихъ сочиненій и переводовъ, для „чтенія, перевода и разбора ихъ въ клас„сахъ. Къ трудамъ знаменитѣйшихъ Рос„сійскихъ авторовъ присовокупить со„чиненія и переводы писателей второй „степени, дабы учащіеся, сравнивая ихъ „съ первыми, научались различать хоро„шее и изрядное отъ лучшаго и прекрас„наго, и тѣмъ образовали свой вкусъ въ „словесности (*). — Для облегченія въ пре„подаваніи исторіи Рускаго языка и „Литтературы, помѣстить нѣкоторыя „статьи изъ древнихъ и старинныхъ „Рускихъ книгъ и изъ сочиненій писа„телей, славившихся въ *свое* время (**)."

(*) За чѣмъ между прекрасными сочиненіями помѣщать посредственныя, которыя здѣсь.

Ut gratas inter mensas symphonia discors,
Et crassum unguentum, et Sardo cum melle papaver,
Offendunt.

Horat. De arte poët.

Къ томужъ Г. Гречь не означилъ, которыя сочиненія принадлежатъ къ *трудамъ знаменитѣйшихъ авторовъ*, и которыя къ произведеніямъ *писателей второй степени*.

(**) Кажется, это лишнее. Лучше бы было помѣстить обозрѣніе Россійской словесности, въ которомъ Г. Гречь могъ бы говорить и о старинныхъ, забытыхъ уже нами, писателяхъ, не помѣщая ихъ произведеній между образцовыми.

„2. Наблюдать, чтобъ каждая статья, „сверхъ красоты въ отношеніи къ языку „и краснорѣчію (*), заключала въ себѣ „какія нибудь полезныя истины, или „имѣла нравоучительную цѣль, и чтобы „въ сей книгѣ не было ничего противо„наго благопристойности, двусмысленнаго или могущаго возбудить въ юно„шахъ вредное любопытство.“

„3. Къ образцамъ *письменнаго слога* „присовокупить формы тѣхъ дѣловыхъ „бумагъ, которыя необходимы для всякаго частнаго человѣка (**).“

„4. Помѣстить въ заключеніи крат„кія извѣстія о жизни и твореніяхъ пи„сателей, которыхъ труды внесены въ „сіе собраніе.“

Чтобы читатели Вѣстника имѣли ясное понятіе о книгѣ Г. Греча, назовемъ всѣ помѣщенныя въ ней піесы и замѣтимъ тѣ, которыхъ нельзя назвать даже *изрядными*.

(*) Можно ли требовать, что бы *каждая* статья имѣла *красоты* въ отношеніи къ языку и краснорѣчію, когда выше сказано, чтобъ помѣщать сочиненія и такихъ писателей, которые славились въ *свое* время, т. е. которые теперь забыты и не могутъ служить образцами для молодыхъ людей?

(**) Къ чему это? Не ужьли аттестаты и росписки относятся къ сочиненіямъ лучшихъ нашихъ прозаиковъ?

Она состоитъ изъ шести главъ.

Въ *первой главѣ* заключаются *повѣствованія вымышленныя и украшенныя*: —*Каллисѳенъ*, повѣсть Фонъ—Визина(*); *Бесѣда Кадма съ Римасидолъ*, Хераскова; *Фролъ — Силинъ*, Карамзина; *Вадимъ*, Жуковскаго; *Бедуинъ*, Бенишцкаго (**); *Кій и Дулебъ*, Нарѣжнаго (***); *Сраженіе Россіянъ съ Половцами* (изъ пѣсни о полку Игоревѣ съ переводомъ Шишкова); *Дервишъ въ глубокомысліи*, *Просвѣщеніе*, *Свистокъ*, переводъ Карамзина; *Великодушіе и благодарность*, Шишкова (****); *Бѣдный съ собакою* (изъ Мармонтелевыхъ повѣстей), Карамзина; *Осеннее утро* (Идиллія Геснерова) Пнина; *Сраженіе при Лорѣ* (изъ Оссіана) Кострова; *Кабудъ путешественникъ*, Жуковскаго; *Благоразумный человѣкъ*, Карамзина.

(*) Повѣсть сія не можетъ стоять на ряду съ лучшими.

(**) Жаль, что Г. Гречь, вмѣсто этой, не помѣстилъ другой прекрасной повѣсти Бенишцкаго: *великодушный*, которая напечатана въ Талiи.

(***) Напрасно помѣщенъ сей отрывокъ, писанный самымъ надутымъ слогомъ.

(****) Сей переводъ не можетъ служить образцемъ хорошаго слога: въ немъ очень много ошибокъ противъ языка.

Глава вторая содержитъ *повѣствованія и изображенія историческія: Призваніе Варяжскихъ Князей, изъ Нестора*, съ переводомъ Языкова; *Княженіе Олега*, Ломоносова; *Походы Великаго Князя Святослава*, Елагина; *О общемъ Рускія земли крещеніи при Великомъ Князѣ Владимірѣ*, Платона; *Отрывки о древностяхъ Рускихъ*, Болтина; *О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича*, Карамзина; *Жизнь Ломоносова*, Новикова (*); *Правленіе Августа* (изъ Тацита) переводъ Румовскаго; *Пирамиды* (изъ Ролленевой исторіи) Тредіаковскаго; *Битва при Иссѣ* (изъ Квинта-Курція) Крашенинникова (**); *Смерть Сократа* (изъ Барѳелеми) Карамзина; *Человѣкъ по сотвореніи, или открытіе чувствъ* (изъ Бюффона) переводъ Лепехина, Малиновскаго и Карамзина (***); *Описаніе Аравійской пустыни* (изъ Бюффона) Карамзина.

(*) Вмѣсто жизни Ломоносова, которую Новиковъ написалъ не очень хорошо, лучше бы взять жизнь Богдановича, сочиненную Карамзинымъ.

(**) Тредіаковскій и Крашенинниковъ не могутъ служить образцами.

(***) Не знаю, за чѣмъ Г. Гречь напечаталъ всѣ три. Кажется довольно и одного перевода Карамзина: онъ несравненно лучше прочихъ.

Въ *третьей главѣ* помѣщены письма: *Письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову* (*); *Фонъ-Визина къ его пріятелю о планѣ Россійскаго словаря*; *три письма изъ писемъ Рускаго путешественника*, Карамзина; *четыре письма изъ путешествія въ полуденную Россію*, Измайлова; *одно письмо Екатерины къ Циммерману*, переводъ Карамзина; *одно письмо изъ путешествія Дюпати*, Маршынова (**); *четыре письма Морица изъ Италіи*, Карамзина.

Потомъ слѣдуютъ: *формы бумагъ, необходимыхъ для частнаго человѣка* (но совершенно лишнихъ въ сей книгѣ): аттестаты, росписки, вѣрющія письма и проч..., послѣ которыхъ напечатаны *образцы высшаго дипломатическаго слога: три Высочайшихъ рескрипта*; *Указъ Екатерины о прерваніи сообщенія со Франціею во время революціоннаго правленія*; *Манифестъ Императора Александра I. о возстановленіи Орденовъ Св. Георгія и Св. Владиміра*; *Донесеніе Императору Павлу I Суворова изъ Швейцаріи.*

(*) О смерти Рихмана. Г. Гречь напрасно помѣстилъ оное въ числѣ хорошихъ писемъ: оно не стоитъ того.

(**) И взято не лучшее.

Четвертая глава заключаетъ въ себѣ *разговоры:—О щастіи*, Карамзина; *Стародумъ и Правдинъ* Фонъ-Визина; *Разговоръ Александра Великаго съ Аннибаломъ* (изъ Лукіана) переводъ Ломоносова; *Даметъ и Дориса*, Шишкова; *Маркеллъ въ городѣ Нолѣ* (изъ Мейснера), Подшивалова.

Въ *пятой главѣ* помѣщены *учебныя сочиненія: О любви къ отечеству и народной гордости*, Карамзина; *О пользѣ Физики*, Ломоносова; *Нравственныя размышленія*, Сумарокова (*); *Размышленіе о суетной жизни человѣческой*, Фонъ—Визина (**); *О Богѣ* (изъ Цицерона) переводъ Карамзина; *О досугѣ* (изъ Гарве) его же; *О честолюбіи* (изъ Вейса), Стружовщикова (***); *О возбужденіи, утоленіи и изображеніи страстей*, соч. Ломоносова; *Сокращеніе Славянскаго Баснословія*, Писарева; *Объ орудіяхъ чувствъ* (изъ Леске) переводъ Озерецковскаго; *Отличительныя свойства*

(*) О красотѣ природы, о большихъ бесѣдахъ, о гордости, о скорости и медленности. Ни по мыслямъ, ни по слогу, не могутъ они находиться въ числѣ хорошихъ сочиненій.

(**) Написанное на случай смерти Кн. Потемкина; весьма посредственное.

(***) Взято изъ книги: Основаніе или существенныя правила Нравственности, Политики и Философіи, соч. Вейса. Жаль, что Г. Гречь не взялъ еще нѣкоторыхъ статей изъ сей прекрасной книги.

разныхъ прозаическихъ сочиненій (изъ Эшенбурга); *Отрывки о высокомъ* (изъ Лонгина) Мартынова; *Критики*:— на книгу, *Кадмъ и Гармонія*, Карамзина; на *Сочиненія Дмитріева*, Макарова; *Разсмотрѣніе рѣчи говоренной Георгіемъ Архіепископомъ Могилевскимъ*, Шишкова (*).

Глава *шестая* заключаетъ въ себѣ *рѣчи*: 1.) *духовныя*: *Привѣтственное слово Ѳеофана на прибытіе Петра Великаго въ Кіевъ*;—*Слово при случаѣ совершаемыхъ молитвъ надъ гробомъ Петра Великаго*, Плашона (**); *Рѣчь на прибытіе Екатерины II въ Мстиславль*, Георгія Конисскаго; *Слово, говоренное при погребеніи Бецкаго*, Анастасія; *Отрывки изъ Массильйона*, переводъ Ястребцова; *Какъ должно разсышлять о смерти* (изъ Мозгейма), Каченовскаго; 2) *свѣтскія*: *Отрывки изъ похвальнаго слова Елисаветѣ* I, Ломоносова; *Рѣчь, говоренная отъ лица Сената и народа Россійскаго Екатеринѣ II. по заключеніи мира съ Турками въ Яссахъ*; *Рѣчь о пользѣ просвѣщенія*, Державина; *Побѣды*

(*) Въ этомъ *разсмотрѣніи* ничего нѣтъ, кромѣ восклицаній. Г. Гречь могъ бы взять прекрасный разборъ *похвальныхъ словъ* Ломоносова, сдѣланный Каченовскимъ.

(**) Почему Г. Гречь не помѣстилъ прекраснѣйшей Плашоновой рѣчи на возшествіе на престолъ Императора Александра I?

Екатерины, Карамзина (*); *три рѣчи изъ Тита Ливія*, переводъ Серязевскаго; *двѣ рѣчи изъ Тацита*, Карамзина; *Похвальное слово Марку Аврелію* (Томаса) перев. Фонь-Визина.

Въ концѣ книги напечатано *извѣстіе о жизни и твореніяхъ писателей, коихъ труды помѣщены въ семъ собраніи*. Сіе извѣстіе весьма недостаточно. Изъ него можно узнать только, когда родились нѣкоторые наши писатели, и когда были производимы въ чины; лучше бы Г. Гречь говорилъ мнѣніе свое о ихъ слогѣ, дабы молодой человѣкъ, читая книгу его, зналъ кому изъ нихъ должно подражать и кого остерегаться. Какое ученику дѣло до чиновъ Карамзина и Жуковскаго? ему нужно знать только то, что они лучшіе наши писатели, и что, подражая имъ, онъ самъ можетъ со временемъ писать хорошо; а подражая толпѣ безграмотныхъ Славянофиловъ, будетъ также смѣшонъ какъ и..... Но за чѣмъ договаривать?

Болтать, друзья, неосторожно;
Другаго и обидѣть можно,
А Боже упаси того!

Н

(*) Изъ Историческаго похвальнаго слова Екатеринѣ второй.

Басни и сказки Николая Невѣдомскаго, изданныя Д. Въ Санктпетербургѣ, въ Типографіи В. Плавильщикова, 1812.

Написать басню такъ, что бы съ удовольствіемъ можно было прочесть ее, не столь легко, какъ многіе воображаютъ. Сей родъ стихотвореній не терпитъ посредственнаго: посредственная басня столь же несносна, какъ худая игра на скрыпкѣ. Сколько у насъ было баснописцевъ, похожихъ на худыхъ скрыпачей! Тредіаковскій, Барковъ, Леонтьевъ, Майковъ и даже самъ Сумароковъ (*), не говоря уже о другихъ, утонувшихъ давно въ рѣкѣ забвенія, безъ милости уродовали бѣднаго Езопа, Федра и Лафонтена. Кажется, никто изъ сихъ нашихъ писателей не имѣлъ поняшія о томъ, какой слогъ и украшенія приличны баснѣ: нѣтъ у нихъ той любезной простоты и откро-

(*) Въ басняхъ Сумарокова встрѣчаются изрѣдка хорошіе стихи: но у него нѣтъ ни одной порядочно обработанной басни. Не смотря на это въ нынѣшнее время, когда мы имѣемъ Хемницера, Дмитріева и Крылова, нѣкоторые люди восхищаются притчами Сумарокова и предпочитаютъ его Лафонтену потому, что у Сумарокова Борей *дуетъ, плюетъ, суетъ и въ носъ, и въ рыло, и въ бока.* — См. *Драматическій Вѣстникъ*, Часть V, стр. 85.

венности, которыя составляютъ главнѣйшее достоинство поэта баснописца; нѣтъ тѣхъ натуральныхъ красокъ и разительныхъ чертъ, которыя живо представляютъ воображенію описываемый предметъ; нѣтъ тѣхъ щастливыхъ стиховъ, которые врѣзываются сами собою въ память читателей и становятся пословицами; словомъ, нѣтъ почти ничего, кромѣ обыкновенныхъ рифмъ, пустословія, плоскихъ шутокъ, варварскаго языка, низкихъ и часто неблагопристойныхъ выраженій. Можно утвердительно сказать, что на нашемъ языкѣ не было до Хемницера хорошихъ басенъ. Онъ весьма близко подошелъ къ Лафонтену своею откровенностію и простотою разсказа; но онъ не былъ Поэтъ и не владѣлъ животворною кистію Лафонтена. Дмитріевъ употребилъ ее первый съ особеннымъ искусствомъ. Хотя картины имъ писанныя суть большею частію копіи, но копіи такія, изъ коихъ многія не уступаютъ ни въ чемъ оригиналамъ перваго мастера, а нѣкоторыя даже и превосходятъ оные. Послѣдователь его Крыловъ также съ большимъ успѣхомъ началъ украшать остроумныя

свои басни цвѣтами Поэзіи.

Симъ лучшимъ баснописцамъ нашимъ и прочимъ стихотворцамъ весьма *слѣло* подражаетъ Г. Невѣдомскій. Я выпишу здѣсь, для сличенія, изъ его басенъ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ близко подходитъ къ извѣстнымъ писателямъ. Напримѣръ:

„И дряхлой старостью лишенъ послѣднихъ силъ,
Любезныхъ юношей и *дѣвъ младыхъ, прекрасныхъ*
Въ могилу проводилъ!.." (*)

(Басня IV, *Старикъ и Юноша, стр. 6.*)

Эпитетъ *любезныхъ* здѣсь не у мѣста; ибо рѣчь идетъ не *о любезности*, но о лѣтахъ и смерти. — *Дѣвъ младыхъ, прекрасныхъ*! Разумѣется, что прекрасная дѣвица должна быть молода; слѣдовательно слово *младыхъ* совершенно лишнее. Притомъ въ баснѣ также нельзя сказать *младыя дѣвы*, какъ написать въ одѣ *молодыя дѣвушки*.

„И можетъ быть, что я—какъ знать?
На старости глубокой, хилой,

(*) Ахъ! въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу.
(*Крыловъ* въ баснѣ: Старикъ и трое молодыхъ.)

Приду въ часъ утренній *смотрѣть изъ нѣдра водъ*
Свѣтила дневнаго восходъ
Надъ свѣжею твоей могилой!!—“ (*)
(тамъ же.)

Смотрѣть изъ нѣдра водъ свѣтила дневнаго восходъ — темно. По расположенію словъ выходитъ здѣсь такой смыслъ, что старикъ, который это говоритъ, хотѣлъ, стоя въ водѣ, смотрѣть на восхожденіе солнца, а не то, что солнце должно было показаться изъ нѣдра водъ. —

„Быть сильнымъ хорошо: согласенъ;
Но добрымъ быть, *милѣй* сто разъ!—“(**)
(Басня XI, *Борей и Зефиръ*, стр. 17.)

Хорошо въ уравнительной степени имѣетъ *лучше*, а не *милѣе*; да и безъ того слово *милой* было бы здѣсь не у мѣста.

„На дикомъ берегу сѣдаго Океана,
Какъ кедръ на высотахъ Ливана,
Въ *могучей* красотѣ дубъ гордый *процвѣталъ*;

(*) Ахъ! можетъ быть и то, что вашъ безумецъ хилой
Застанетъ мѣсяца восходъ
Надъ вашей розами усыпанной могилой.
(*Дмитріевъ* въ баснѣ того же содержанія.)

(**) Быть сильнымъ хорошо, быть умнымъ лучше вдвое.“
(*Крыловъ* въ баснѣ: Левъ и Человѣкъ.)

Стихій и времени надмѣнный *повѣлитель*,
Стоялъ какъ будто бы Атлантъ — Небодержитель." (*)

(Басня XV, *Дубъ*, стр. 24)

Могучими называли у насъ въ старину однихъ только богатырей; а *могучей красоты* и слыхомъ не слыхано. Можетъ быть, Сочинитель разумѣетъ подъ симъ *мужественную красоту*. — Дубъ ни когда не *процвѣтаетъ* и не *повелѣваетъ* стихіями, но противится имъ, или сражается съ ними; приличнѣе его назвать побѣдителемъ, какъ Востоковъ сказалъ о камнѣ.

„У дуба корни затрещали —
И онъ упалъ —
Упалъ!!! —" (**)

(тамъ же стр. 26)

Какъ мастерски окончена у Дмитріева однимъ словомъ *упалъ* прекрасная его басня! Г. Невѣдомскій сіе же самое слово повторилъ и все испортилъ. По

(**) Среди шумящихъ волнъ сѣдаго Океана
. . . . . .
Стихій надмѣнный побѣдитель
Сей камень какъ Атлантъ стоитъ небодержитель.
(*Востокова* въ Диѳирамбѣ: Тлѣнность.)

(*) И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ...
Упалъ.
(*Дмитріева* въ баснѣ: Дубъ и Трость.)

крайней мѣрѣ спасибо ему за то, что онъ поставилъ здѣсь три удивительныхъ знака.

„Любимцы щастія! смиритесь—вамъ урокъ!—
Не *тако ль* поступаетъ съ вами,
Ожесточенной рокъ!—“ (*)

(Басня XXIV, *Водопадъ*, стр. 43.)

„Открылся судъ его—въ судѣ дѣла пошли—
И что же сдѣлалось?—Мартышки и Ослы—
Лисицъ съ ума свели.—“ (**)

(Басня XXVII, *Левъ учредившій судъ*, стр 48)

„Ихъ *смертной* поцѣлуй, столь сладокъ,
страстенъ былъ,
„Какъ въ первые часы, когда ихъ обвѣнчали.“ (***)

(Басня XXVIII, *Щастливое супружество* стр. 50 и 51.)

„Я голоденъ и слабъ, о милая овца!
Нѣтъ пищи у меня—ахъ! дай въ займы сѣнца,
Хотя клочечикъ небольшой,

(*) Вельможи гордые! здѣсь вамъ урокъ.
Вы сильны, но и васъ сильнѣе люпый рокъ.
(*Остолопово* въ баснѣ: Фіалка и Подсолнечникъ.)

(**) Дѣла совсѣмъ другимъ порядкомъ пошекли:
Ослы Слоновъ съ ума свели!
(*Хемницеро* въ баснѣ: Левъ учредившій Совѣтъ.)

(***) Послѣдній поцѣлуй, когда ужъ умирали,
Такъ страстенъ былъ, какъ тотъ, когда ихъ обвѣнчали.
(*Хемницеро* въ баснѣ: Щастливое Супружество.

Я съ лихвою отдамъ, въ томъ волкъ порука мой.“ (*)

(Басня XXXIV, *Олень и Овца*, стр. 59.)

Изъ сихъ выписокъ можно видѣть, что такое подражаніе не стоило Г. Невѣдомскому большаго труда. Желательно, чтобы никто изъ молодыхъ нашихъ писателей не слѣдовалъ его примѣру.

Не должно также слѣдовать нѣкоторымъ его ложнымъ нравоученіямъ и дурнымъ совѣтамъ. Въ баснѣ: *Роза и Тюльпанъ* онъ говоритъ:

„Красавицы! вамъ здѣсь урокъ!—ахъ! не гордитесь,
Какъ милой юноша со вздохомъ и слезой
Вамъ скажетъ искренно: люблю со всей душой.
Красавицы! въ его объятія стремитесь...“
(стр. 15.)

И въ другой подъ заглавіемъ: *Мудрецъ и филинъ*:

„О вы! которымъ Богъ
Умъ здравый даровалъ, не тратьте словъ напрасныхъ;
Не думайте того, чтобъ разумъ вашъ возмогъ
Наставить, научить людей слѣпыхъ, нещастныхъ.“ (стр. 10.)

(*) Въ займы себѣ просилъ олень сѣна:
Пожалуй, говорилъ, сударыня овца,
Ссуди меня и дай мнѣ сѣна два три пука,
А я отдамъ тебѣ, въ томъ волкъ тебѣ порука.
(*Сумароковъ* въ баснѣ: Олень и Овца.)

Худо, очень худо будетъ, если красавицы, при первомъ объявленіи имъ любви, станутъ бросаться ко всѣмъ милымъ юношамъ на шею, а люди одаренные здравымъ умомъ не сдѣлаютъ изъ него самаго лучшаго употребленія. Въ баснѣ Пушкина: *Филинъ и Мудрецъ*, которой довольно *близко* подражалъ Г. Невѣдомскій, сказано иначе. Тамъ Филинъ говоритъ мудрецу, избавившему его отъ галокъ и воробьевъ:

„Къ согласью и любви хотѣлъ ихъ обращать
И правду говорилъ, но говорилъ напрасно:
Моя вина вся въ томъ, что ночью вижу ясно.“

Нравоученіе сей басни видно само собою; оно состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: *опасно говорить непріятную истину злымъ невѣждамъ*. Это весьма справедливо. Но думать, что бы совершенно умный человѣкъ не могъ наставить и научить людей, противно здравому разсудку и обидно для человѣчества. Мы видимъ на опытѣ, что кроткими средствами дѣлаютъ иногда изъ самыхъ злыхъ преступниковъ добрыхъ и полезныхъ гражданъ.

Надобно замѣтить еще, что Г. Невѣдомскій, заимствуя у извѣстныхъ фабу-

листовъ содержанія для своихъ басенъ, дѣлалъ въ нихъ весьма дурныя перемѣны. На примѣръ, басня его: *Левъ учредившій судъ*, такого же точно содержанія, какъ и Хемницерова *Левъ учредившій Совѣтъ*. У Хемницера Левъ, не могши набрать къ себѣ въ Совѣтъ полнаго числа Слоновъ, добавляетъ ихъ Ослами — противоположность самая разительная; ибо Слонъ почитается умнѣйшимъ, а Оселъ глупѣйшимъ животнымъ. Г. Невѣдомскій вздумалъ перемѣнить дѣйствующія лица и перемѣнилъ весьма неудачно. Послушаемъ, какъ говоритъ онъ:

„Какой-то *судъ Царь Левъ* изволилъ учредить,
За *красной* столъ лисицъ задумавъ посадить,
Еще прибавилъ къ нимъ почтенными судьями,
На мѣсто *тигровъ* и *волковъ*,
Мартышекъ иословъ;
Не знаю что за складъ!“ и проч. (стр. 47)

Подлинно, что за складъ! Хороши были бы судьи и *тигры* съ *волками*!

Дмитріевъ и Крыловъ перевели Лафонтенову басню: *Старикъ и трое молодыхъ*, не сдѣлавъ въ планѣ ея никакой перемѣны. Но Г. Невѣдомскому вздумалось изъ трехъ молодыхъ людей убавить

двоихъ. Спрашивается, хорошо ли онъ это сдѣлалъ? Можетъ быть, онъ скажетъ въ свое оправданіе, что у Латинскаго Баснописца Абстемія, отъ котораго Лафонтень занялъ содержаніе для своей басни, смѣется надъ старикомъ и умираетъ одинъ юноша, а не трое. Однако всякой чувствуетъ что преждевременная смерть троихъ молодыхъ людей производитъ въ насъ весьма сильное впечатлѣніе, и что оно становится несравненно слабѣе, когда старикъ, вмѣсто троихъ, переживаетъ только одного. (*)

Нельзя умолчать и о томъ, что въ басняхъ Г. Невѣдомскаго не соблюдены главнѣйшія правила стихосложенія. Безпрестанно попадается у него сряду нѣсколько женскихъ, а особливо мужескихъ стиховъ; напримѣръ:

„Орѣхъ себѣ нашла
И въ ротъ его скорѣй,
Но онъ былъ не по ней,
Такъ скушать не могла
И наконецъ его“ и проч. (стр. 4)

(*) То же самое говоритъ объ этомъ просвѣщенный Издатель Лафонтеновыхъ басенъ Г. Гильонъ. Вотъ его слова: On sent, combien trois jeunes gens, au lieu d'un seul, opposés au vieillard, qui leur survit à tous, multiplient l'intérêt. — *La Fontaine et tous les fabulistes par Mr Guillon*, tome II, page 336.

„Которые сплетясь широкими вѣтвями,
Склонились надъ волнами,
Гарунъ, Визирь Могола“ и проч. (стр. 27)

Встрѣчаются даже и семистопные стихи:

„Что бъ въ трепетъ всѣхъ привесть, довольно взора одного.“ (стр. 33)
„Пастухъ дуракъ! вчерась своими видѣлъ я глазами.“ (стр. 37.)

Сіи послѣднія ошибки произошли, можетъ быть, не отъ самаго Сочинителя, а отъ переписциковъ, или наборщиковъ. Г. Д..., издавшій въ свѣтъ басни Г. Невѣдомскаго, оказалъ ему весьма дурную услугу. Я не видалъ еще ни одной книги, въ которой бы такъ много было опечатокъ.

Чтобы читатели наши могли судить сами о слогѣ Г. Невѣдомскаго, я выпишу двѣ басни. Вотъ, по моему мнѣнію, самая лучшая со стороны отдѣлки:

Мальчикъ и Змѣя.

„Смотри какъ хороша собою!“—
Такъ мальчикъ говорилъ, увидѣвъ подъ травою
Лежащую змѣю—„и какъ пестра она,
„Черна, красна.
„Ужъ есть чѣмъ поиграть! — *чтобъ съ нею я разстался?*“

Онъ долго на змѣю смотрѣлъ и любовался
И наконецъ хотѣлъ поймать.
Змѣя шипитъ, пускаетъ ядъ
И жалитъ бѣдняка — мальчишка весь въ слезахъ
Со крикомъ прочь бѣжитъ: „ахъ! ахъ! какая злая!
„Негодная, дурная!
„И видъ ея одинъ меня приводитъ въ страхъ!—
(стр. 18.)

Вотъ другая подлиннѣе и гораздо похуже.

Мужъ и Жена.

Была жена
Прямая сатана;
Супругъ былъ глупъ, и такъ она
Не только имъ повелѣвала
И каждой день ему рога ковала,
(Дивиться нечѣму! когда супругъ дуракъ,
То изстари ведется такъ!—)
Но даже и бивала
Рукою сильной по щекамъ,
А иногда подъ часъ и палкой по плечамъ. —
Съ примѣрной твердостью супругъ сносилъ, молчалъ,
Лишь только иногда отъ боли воздыхалъ—
Но время есть терпѣнью! —
Такъ наконецъ и онъ усталъ
И день и ночь сносить удары, огорченья.
Однажды какъ она его

Побила по щекамъ *средь* гнѣва своего,
За моську можетъ быть, — за что нибудь
другое,
Иль онъ ей помѣшалъ къ несчастью своему,
Когда она ему
Готовила рога — но вѣрно за пустое? —
Отъ боли охая и съ битою спиною
Одумался супругъ и разсуждалъ съ собою:
Да долго ль мнѣ терпѣть! что развѣ я дуракъ? —
Вѣдь мужъ глава женѣ, и всякой скажетъ
такъ! —
Нѣтъ! полно ей шутить со мною! —
Ей! ей! кто тамъ? подай дубину мнѣ скорѣй,
Развѣдаюсь я съ ней! —
Извольте, вотъ она. — И сильною рукою
Дубину толстую беретъ,
На брань противъ жены идетъ —
Постой, голубушка! теперь то я съ тобою!
Весь долгъ свой заплачу:—да гдѣ она?—
Подай ее сюда, прибью и изувѣчу!—
Услышавъ грозной крикъ коварная жена,
Взяла большую плѣть, идетъ ему на встрѣчу.—
Что вздумалъ ты? вотъ я!... и плѣтію
грозитъ. —
Ай, ай! супругъ кричитъ
И въ сѣни поскорѣй съ дубиною бѣжитъ:
Кто тамъ! кто тамъ! спасите!
Отъ плѣти защитите —
И спрятался въ чуланъ пустой. —
Супруга въ слѣдъ за нимъ—могучею рукой
Махаетъ плѣтію большой —

Не думая и въ немъ найти себѣ спасенья,
Нашъ новой Геркулесъ прокрался и ушолъ—
А чтобъ избавиться отъ тяжкаго мученья
Онъ спрятался, куда жъ?—подъ столъ!
Прижался къ уголку—меня здѣсь не найдетъ
Проклятая жена, такъ говорилъ съ собою—
И ежели придетъ,
Не струшу я и самъ съ дубиною большою.
Она какъ шутъ—и съ плѣтію приномъ,
И что же? бѣдняка *узрѣла* подъ столомъ:
А! а! куда залѣзъ—подика ты сюда —
Теперь не такъ прибью, голубчикъ мой! поболѣ!
И бѣдненькой супругъ былъ долженъ по неволѣ
Оттуда вылѣзать — теперь пришла бѣда!
Трепещетъ предъ женой — бросаетъ прочь дубину
И подставляетъ ей съ покорностію спину.—
Какъ! какъ ты смѣлъ? —
Не васъ, сударыня, я Федьку бить хотѣлъ.

(стр. 60, 61 и 62.)

И.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

I.

Выписка изъ книги: Brief remarks on the character and composition of the Russian army &c. (*).

Почти всѣ иностранныя сочиненія, въ коихъ описываются нравы и обычаи Россійскаго народа, столько наполнены неправдами и клеветами, что нельзя ихъ читать безъ душевнаго огорченія. Иностранцы, кажется, сговорились разсѣвать и вкоренять дурное мнѣніе о нашемъ отечествѣ. Но сколь велико должно быть въ истинномъ Россіянинѣ негодованіе при чтеніи таковыхъ злословій, столь напротивъ того пріятно ему находить въ самыхъ же иностранцахъ людей приверженныхъ къ правдѣ и возражающихъ противу неосновательныхъ писаній о Россіи. — Таково было въ насъ чувствованіе, когда мы разсматривали полезное сочиненіе подъ названіемъ: *Краткія замѣчанія о свойствѣ и составѣ Русской арміи* и проч: (**)

(*) Доставлена отъ Г. Почетнаго Члена Общества Его Превосходительства Алексѣя Николаевича Оленина.

(**) Въ 1810 году, во время разрыва нашего съ Англіею, издана въ Лондонѣ книга извѣстнымъ въ Руской ар-

Сочинитель, исполненный любви къ справедливости, необинулся вѣщать истинну и обличать нелѣпости выдуманныя противу нашего отечества. — Онъ, выхваляя добрыя качества Русскихъ, не оставилъ однакожъ безъ должнаго замѣчанія нѣкоторыя ихъ недостатки. Мы ласкаемъ себя надѣждою, что Публика

міи и достойнымъ всякаго уваженія Англинскимъ Офицеромъ Серъ-Робертъ Вильсономъ подъ слѣдующимъ наименованіемъ:

Brief remarks on the character and composition of the Russian army, and a sketch of the campaigns in Poland in the years 1806 and 1807. — By Sir Robert Wilson, aide de Camp to the King, knight of the military order of Maria Theresa &c. &c. &c. London 1810. то есть:

Краткія примѣчанія о свойствѣ и составѣ Россійскаго войска и описаніе войны бывшей въ Польшѣ въ 1806 мъ и 1807 мъ годахъ, издана въ Лондонѣ 1810 года.

Одинъ томъ въ четвертку, содержащій въ себѣ 276 печатныхъ страницъ, карту военныхъ дѣйствій и 7 плановъ баталій.

Сіе сочиненіе содержитъ въ себѣ:

1. Краткое посвященіе отъ Автора Герцогу Іоркскому.
2. Предисловіе.
3. Краткія замѣчанія о свойствѣ и составѣ Россійскаго войска, раздѣленныя на слѣдующіе предметы:

Вступленіе.
О легкой пѣхотѣ.
О Императорской Гвардіи.
О Руской конницѣ.
Объ Артиллеріи.
О Козакахъ.
О Башкирахъ.
Объ Офицерахъ.
О Рускомъ Генералъ-Штабѣ.

удостоитъ своего вниманія предлагаемыя здѣсь выписки изъ сей книги — и можетъ быть, что сіе возбудитъ охоту въ людяхъ, имѣющихъ способность и досугъ, все сіе твореніе переложить на Руской языкъ и доставить соотчичамъ нашимъ удовольствіе видѣть, что есть правдивые писатели, которые, въ изобличеніе пристрастія и клеветы самыхъ своихъ единоземцовъ, чистосердечно свидѣтельствуютъ истинну о Россійскомъ народѣ.

О Коммисаріатѣ.
О Гошпиталяхъ.
Общія замѣчанія.

За симъ слѣдуетъ второе отдѣленіе сей книги, а именно:

Описаніе войны бывшей въ 1806 и 1807 годахъ между Руской и Французской арміями въ Польшѣ. — Къ сему описанію пріобщено прибавленіе, содержащее оффиціальные документы о произшествіяхъ сей войны, какъ то:

Французскіе документы или Бюлетени Французской арміи.

Россійскіе документы.
Рапорты Главнокомандующаго и проч:
Прусскіе документы.
Разныя бумаги къ сему предмету относящіяся — и наконецъ описаніе Пултускаго и проч: сраженій.

Предисловіе Автора.

Разсматривая изданное на Французскомъ языкѣ экстраофиціальное описаніе войны бывшей въ 1806 и 1807 годахъ и недавно вышедшую въ Англіи книгу о нравахъ, обычаяхъ и обрядахъ Рускихъ, съ разборомъ сего сочиненія, я наполнился негодованіемъ противу сихъ писателей, и дабы защитить отъ нихъ сей храбрый народъ, не смотря на то, что дружественныя сношенія Рускаго и Англинскаго Правительствъ перерваны, я рѣшился обнаружить здѣсь ложь и злонамѣренныя увеличенія общаго нашего непріятеля, противупоставя имъ вѣрное описаніе произшествій, по коему бы историкъ нѣкогда въ состояніи былъ разобрать истинну отъ клеветы.

Выгоды Россіи и Англіи сопряжены неразрывно. Но и въ самое то время, какъ мы сожалѣемъ о перемѣнѣ, послѣдовавшей въ политической системѣ вопреки *сему правилу*, неблагоразумно отчуждать отъ себя дружбу великаго народа разсказами, наполненными по крайней мѣрѣ грубостію, а особливо когда войска его пріобрѣли столько правъ на

благодарность къ нимъ и удивленіе — войска, съ такимъ безкорыстіемъ проливавшія кровь свою для защиты общаго дѣла и выгодъ.

Таковыя причины побудили меня къ сему предпріятію и я надѣюсь, что многіе благомыслящіе люди возмутъ мою сторону и дадутъ возторжествовать истинѣ.

Лордъ Гутченсонъ безъ сомнѣнія есть свидѣтель, заслуживающій всякое довѣріе. — Хотя о семъ сочиненіи я съ нимъ не сносился, но надѣюсь, что онъ не отречется подтвердить все сказанное мною вообще о Россіи и особенно о храбрости, поведеніи и достоинствахъ Россійской арміи; онъ равномѣрно отдаетъ справедливость чувствованіямъ чести, пламенной любви къ Отечеству и гражданскимъ добродѣтелямъ, составляющимъ отличительное свойство Рускихъ; онъ конечно вмѣстѣ со мною пожалѣетъ о томъ, что завистники силятся унизить достоинство сего народа, коего нравственныя и физическія способности столь быстро усовершенствовались; но всего болѣе пожалѣетъ о томъ, что человѣкъ, впрочемъ достойный по великимъ его

дарованіямъ и притомъ знаменитый писатель, изъ одного уваженія къ обстоятельствамъ времени, столь невыгодно и отвратительно описалъ общія качества Рускаго народа.

На замѣчаніе сего Сочинителя, будто „гостепріимство и обходительность Ру„скихъ ничто иное, какъ чванство,“ Лордъ Гунченсонъ, равно какъ и всякой благородномыслящій Англичанинъ, который бывалъ въ Россіи, скажутъ, что это есть сущее злословіе, само себѣ противорѣчущее. Точно таковъ же и слѣдующій упрекъ: „Во время прежняго разры„ва; когда знакомство съ Англичанами „подвержено было большой опасности, „хотя дворяне въ Москвѣ и принимали „ихъ ласково въ своихъ домахъ, не смотря „на весь страхъ, и даже запирали воро„та, скрывая отъ Полиціи таковое го„степріимство; но какъ все сіе проис„ходило изъ одного тщеславія и дабы вы„казать свою пышность, то кажется и „нѣтъ нужды присовокуплять, что въ „такомъ гостепріимствѣ не видно ни „прямаго человѣколюбія, ни благородст„ва чувствованій.“

Кто не скажетъ, что люди подвер-

гающіе себя столь великимъ опасностямъ, единственно для того, чтобы помогать изгнанникамъ, достойны большей пощады и уваженія; да и какое можно предполагать тщеславіе и желаніе выказывать свою пышность въ такихъ поступкахъ, которые по существу своему не дозволяли никакой огласки.

Англинскій купецъ, корабельщики, матросы, будутъ ревностно защищать Россіянъ отъ сихъ грубыхъ упрековъ и подтвердятъ, что во время высылки Англичанъ въ Сибирь въ прошедшія неблагопріятныя обстоятельства, какъ высшаго, такъ и низшаго состоянія людямъ, богатымъ и бѣднымъ безъ разбору, особливо въ Москвѣ, была оказываема самая безкорыстная, благородная и человѣколюбивая помощь, не смотря, что такое великодушное изъявленіе дружбы подвергало Рускихъ большой отвѣтственности. Всѣ находящіеся въ Англинскихъ конторахъ не только подтвердятъ сіе, но еще къ тому прибавятъ, что самыя искреннія услуги, безкорыстныя въ дѣлахъ сдѣлки и честное наблюденіе доброй вѣры даже до сего времени продолжаютъ уменшать зло, происходящее отъ поли-

тическихъ обстоятельствъ.

„*Таковы-то сіи варвары*„ ибо такими они представлены къ несчастію по ложному объ нихъ понятію нѣкоторыхъ писателей, впрочемъ искусныхъ, коихъ мнѣніе въ обществахъ принимается за законъ. „*Столько-то низокъ и строптивъ нравъ сего народа*,“ котораго постановленія и заведенія тотъ же писатель порицаетъ съ равнымъ негодованіемъ.

„*Городъ населенный* (говоритъ онъ) *и образованный посреди Сибири, за 1500 миль отъ Петербурга, есть столько же уродливое и чрезъестественное явленіе, какъ и основатель онаго.* Не уже ли Всемогущій Творецъ создалъ какую либо часть земнаго шара, которую просвѣщеннымъ людямъ возбранено воздѣлывать? Развѣ намѣреніе разпространить просвѣщеніе за 1500 миль отъ Петербурга есть преступленіе противное природѣ, и какъ бы насильственное вторженіе въ предѣлы, назначенные для жизни дикихъ? Не уже ли *Россійскіе Самодержцы* заслужили *порицаніе* за то, что дозволили обрабатывать непроходимыя степи и *сдѣлали ихъ пріятными* для тѣхъ, которымъ опредѣлено жить на

нихъ? Развѣ Петра Великаго должно почитать врагомъ рода человѣческаго за то, что онъ выбралъ берега прекраснѣйшей рѣки въ свѣтѣ и морскую пристань мѣстоположеніемъ одной изъ великолѣпныхъ его столицъ, которая ежегодно возрастая въ величіи и важности, разливаетъ обиліе и возбуждаетъ промышленность во всѣхъ предѣлахъ пространнѣйшаго Государства?

Самыя дѣла Правительства ясно доказываютъ, какъ оно далеко отъ того, чтобъ налагать новыя цѣпи рабства; но что на противъ, оно всѣми мѣрами старается разпространить благоразумную свободу. (*)

(*) Съ чувствами и съ правилами со всѣмъ противными *продавцу невольниковъ* я утверждаю, что самое большое несчастіе, могущее постигнуть Россію, было бы внезапное и общее изтребленіе крѣпостнаго права; никакое предпріятіе не могло бы возродить равныхъ бѣдствій и столь великаго негодованія. Чтобы сдѣлалось съ больными, хворыми и престарѣлыми, еслибъ они вдругъ лишились прокормленія? (**) Чтобы сдѣлалось даже съ здоровымъ, который, не имѣя никакой собственности, нигдѣ въ скоромъ времени не нашелъ бы мѣста для своего промысла? *Защитники революціи* не устрашатся всѣхъ сихъ запрудненій; но человѣкъ Государственный, добрый гражданинъ, разсматривая оныя, уважитъ послѣдствія, прежде нежели приметъ всѣ сіи умствованія. Отъ многихъ знатныхъ особъ въ Россіи можно удостовѣриться, сколько людей отпущенныхъ на волю и пришедшихъ въ старость просятъ убѣжища у ихъ прежнихъ помѣщиковъ.

(**) *Примѣч.* *Переводч.*: Прокормленія, которое имъ нынѣ обязаны давать помѣщики.

Еслибъ нужно было еще доказывать кротость Россійскаго правительства, то я привелъ бы въ примѣръ повѣденіе завоеванныхъ областей. Въ несчастное для Россіи время, когда непріятельская военная сила приближалась къ ея границамъ и когда представлялся многочислинному завоеванному народу удобный случай къ возмущенію, онъ конечно бы имъ воспользовался, еслибъ подданство Россіи было для него отяготительно. Но гдѣ являлись возмутители? Гдѣ измѣнники содѣйствовали нападающему непріятелю? Гдѣ оказался хотъ малѣйшій признакъ неудовольствія? Лифляндцы, Финляндцы, Курляндцы, Поляки, Татары и проч. покорены силою оружія; но однакожъ они нетокмо ничего не умышляли въ противность Россійской власти, но даже не обнаруживали никакого желанія къ улучшенію ихъ состоянія. Такъ ли бы вели себя народы, которые были бы жертвами несказанной жестокости, безпрестаннаго поруганія и обидъ, „*которыхъ прибѣжищемъ была бы смерть, и пристанищемъ гробъ*“?

Краткое примѣчаніе о свойствахъ и составѣ Россійской Арміи.

Пѣхота вообще составлена изъ людей атлетическаго (самаго крѣпкаго) сложенія отъ 18 до 40 лѣтъ, одаренныхъ великою силою, но ростомъ вообще не высокихъ; видъ ихъ и строеніе тѣла совершенно воинскія; они привычны ко всѣмъ перемѣнамъ погоды и нуждамъ, къ самой худой и скудной пищѣ, къ походамъ днемъ и ночью, къ трудным работамъ и тягостямъ; свирѣпы, но покорливы; упорно храбры, но удобно возбуждаются къ славнымъ подвигамъ, преданы своему Государю, начальникамъ и отечеству; — набожны, но непомрачены суевѣріемъ; терпѣливы и сговорчивы; они соединяютъ всю силу характера необразованнаго народа, со всѣми преимуществами просвѣщеннаго.

Недостатки, приписываемые Россійскому войску, суть токмо послѣдствія несовершенной военной системы, а не личной неспособности воиновъ. Сила ихъ требуетъ только направленія, а храбрость опыта.

Природа одарила ихъ самыми лучшими существенными способностями къ военнымъ дѣйствіямъ. Для устройства сего войска не нуженъ творческій геній, но нуженъ порядокъ въ управленіи и искуство въ начальствѣ.

Штыкъ есть истинное оружіе Рускихъ. Одни Англичане могутъ спорить съ ними о изключительномъ правѣ на сіе оружіе; но поелику Рускій солдатъ выбирается изъ большаго числа народа съ великимъ вниманіемъ къ его тѣлеснымъ качествамъ, то и полки ихъ должны имѣть гораздо большее превосходство.

Храбрость Рускихъ въ полѣ безпримѣрна. Но движенія ихъ войска, не соотвѣтствующія рускимъ правиламъ войны и тактикѣ Суворова, даютъ предпріимчивому и даже слабѣйшему непріятелю всѣ выгоды, произходящія отъ разстройства свойственнаго имъ военнаго порядка; самое трудное дѣло для человѣческаго ума (въ 1807 году) состояло въ томъ, чтобъ управлять Рускими во время отступленія.

Когда Генералъ Беннигсенъ, стараясь избѣгнуть нападенія непріятеля, реши-

ровался отъ Янкова во время темныхъ ночей Польской зимы, то не смотря на превосходство Французскихъ силъ, простиравшихся до 90 тысячь человѣкъ, негодованіе Рускихъ солдатъ было столь дерзко, требованіе сраженія столь сильно и неотступно и начавшійся отъ того безпорядокъ сдѣлался столь великъ, что Генералъ Беннигсенъ принужденъ былъ обѣщать исполнить ихъ требованіе...

Рускій, пріученный съ самыхъ молодыхъ лѣтъ считать Рускихъ за народъ первый въ свѣтѣ, почитаетъ самаго себя Членомъ необходимо нужнымъ въ составѣ непреоборимаго Государства. Суворовъ зналъ сей образъ мыслей и, пользуясь онымъ, достигалъ съ самыми малыми способами блистательнѣйшихъ успѣховъ; и хотя онъ менѣе дорожилъ человѣческою кровью, чѣмъ его предшественники, но солдатами былъ любимъ, какъ отецъ; и народная гордость, равно и личное къ нему удивленіе столь много его возвеличили, что Суворовъ по нынѣ признается божествомъ присутствующимъ при ихъ сраженіяхъ. Извѣстный составъ его Арміи, малозначущее число

солдатъ ея, внутреннія препятствія всегда ему встрѣчавшіяся, въ самомъ дѣлѣ возвышая достоинство подвиговъ его, даютъ ему все право на имя первѣйшаго военачальника, какой когда либо существовалъ въ свѣтѣ.

Рускій солдатъ вообще чрезвычайно наблюдаетъ повиновеніе и привязанъ къ своему Офицеру; а Офицеръ обходится съ нимъ весьма ласково и не такъ, какъ съ машиною, но какъ съ разумнымъ существомъ, котораго привязанность онъ долженъ пріобрѣтать. Наказанія у Рускихъ не столько часты и не такъ жестоки, какъ въ Арміяхъ другихъ народовъ. Рускіе имѣли случай удивляться какъ образу, такъ и частому употребленію наказаній въ войскахъ ихъ союзниковъ.

Рускій солдатъ, хотя родился въ рабствѣ, но духъ его не униженъ, и даже въ присутствіи Государя, кѣму повинуется, какъ Самодержцу, онъ всегда сохраняетъ достоинство человѣка и воина.

Объ Офицерахъ.

Рускіе Офицеры весьма ласковы къ солдатамъ, и съ весёлымъ духомъ раздѣляютъ съ ними всякую нужду. Весьма желательно, чтобъ и въ другихъ войскахъ Офицеры сему подражали. Они пользуются удовольствіями жизни, если вспрѣчаютъ ихъ, но не ропщутъ, если ихъ лишены. Съ удивленіемъ иностранцы должны взирать на то ихъ равнодушіе къ покою, нѣгѣ и даже къ необходимымъ нуждамъ въ общежитіи, съ каковымъ самые Бояре, пріобыкшіе къ роскоши въ Столицахъ, владѣльцы огромныхъ домовъ и доходовъ равныхъ царскимъ, выдерживаютъ трудности самыхъ тяжелыхъ походовъ.

Храбрость ихъ достойна Рускаго воина. Въ душѣ ихъ всегда горитъ *любовь къ отечеству и непреодолимое желаніе славы*, безпрестанно побуждающія ихъ къ подвигамъ и къ заслугѣ отличій.

Самая искренняя дружба, самое доброхотное хлѣбосольство соединяетъ Офицеровъ и составляетъ изъ нихъ нѣкоторый родъ братства. Ихъ безкорыстіе такъ велико, что собственность каж-

даго почитается собственностію всѣхъ его пріятелей и даже каждаго иностранца. Какъ богатый пиръ, такъ и насущный хлѣбъ раздѣляютъ они равно между званаго и незванаго гостя. Обычаи Москвы и Петербурга сохраняются и въ станѣ, и духъ щедраго хлѣбосольства не измѣняется ни скудостію средствъ, ни тягостію обстоятельствъ. (*)

Высоко цѣнитъ свою землю свойственно рускому Офицеру, какъ и солдату. Онъ досадуетъ, если на счетъ оной дѣлается какое либо замѣчаніе или разсказывается произшествіе, которое по его мнѣнію умаляетъ достоинство его отечества. (**)

(*) Когда накрытъ столъ, то всякому *добро пожаловать*. — Ихъ почтеніе къ правиламъ гостепріимства такъ велико, что высшіе воинскіе чины и самые почтеннѣйшіе особы, пришедши поздо къ столу, никогда не потерпятъ, чтобы Иностранецъ оставилъ для нихъ свое мѣсто.

(**) Нѣкогда Англинскій Офицеръ, удивляясь выраженію Рускаго Генерала, воскликнулъ въ восторгѣ, что чувство его есть Римское. А что такое Римское чувство спросилъ Генералъ? Но поелику онъ былъ человѣкъ весьма хорошо воспитанный, то Англичанинъ не могъ предполагать, чтобъ онъ не понималъ силы сего выраженія, однакожъ съ замѣшательствомъ началъ было толковать оное. Нѣтъ, любезный другъ, прервалъ Генералъ его толкованіе, я знаю силу твоего уподобленія, но для чего намъ въ примѣръ приводить Римъ и недовольствоваться Россіею, сказавъ просто, что это Руское чувство. Въ

Высшіе воинскіе чиновники щедры, благосклонны, ласковы, честны въ ихъ поведеніи и весьма откровенны; хорошо и скоро говорятъ многими языками, а особливо по-французски; но они не довольны тѣмъ, что сей послѣдній языкъ часто употребляютъ въ походѣ и даже при дворѣ. Когда одинъ Англичанинъ смѣялся надъ нѣкоторыми ошибками своего товарища, говорившаго по-французски: то Графъ Остерманъ защищалъ его въ большомъ обществѣ, которое было одного съ нимъ мнѣнія, замѣчая, что для каждаго народа похвальнѣе знать иностранной языкъ только до того, что бы умѣть объясняться на немъ, или говорить имъ обыкновенныя учтивости; но гораздо предосудительнѣе говорить имъ чисто единственно для того, что бы смѣяться надъ незнающими всѣхъ отличительныхъ свойствъ чужаго языка; и что ему, какъ Россіянину стыдно и

любви къ Отечеству мы не уступаемъ ни древнимъ, ни новѣйшимъ народамъ и лучше поймемъ тебя, естьли ты скажешь, что сіе чувство достойно Рускаго народа, ибо такое чувствованіе намъ природно и съ нами неразлучно; оно неподражаніе. (Многимъ бы людямъ рѣчь сія была неприлична. Но въ устахъ Графа Остермана она была истиннымъ изображеніемъ его характера и поведенія.)

досадно видѣть, что теперь французской языкъ столько уважается, что его скоро предпочитать будутъ даже и природному языку.

Вредная привычка къ картежной игрѣ весьма усилилась. Въ самомъ дѣлѣ карты составляютъ обыкновенное занятіе праздныхъ часовъ. Изъ знатныхъ людей не многіе получившіе лучшее воспитаніе, проводятъ свое время въ полезнѣйшихъ занятіяхъ; большая же часть губятъ его въ сей безполезной игрѣ.

Рускіе офицеры будучи великодушны по природѣ, щедры по обыкновенію военныхъ людей, кажется, не столько пекутся о приобрѣтеніи имѣнія, сколько охотно проживаютъ его съ другими. Довольные настоящимъ, и не заботясь о будущемъ, они бываютъ расточительны, но добрыя ихъ качества не раздѣльны съ ихъ характеромъ; проступки ихъ не суть закоренѣлые навыки: они исправляются и совершенно истребляются отъ времени. Порокъ пьянства ихъ непосрамляетъ. (*) Когда у нихъ есть

(*) *Примѣч. Перевод.* Здѣсь можно замѣтить, что изъ Европейскихъ народовъ одни только Рускіе въ трезвомъ состояніи идутъ неустрашимо на смертный бой противъ многочисленнаго непріятеля, слѣдуя въ томъ коренной Руской пословицѣ: „Смѣлымъ Богъ „владѣетъ, а пьянымъ чортъ шатаетъ.“

деньги, они бываютъ веселы за столомъ и любятъ угощать другихъ; но у нихъ нѣтъ Бахусовыхъ пиршествъ, гдѣ достоинства и человѣчество забываются и приводятся въ уничиженіе.

Руской офицеръ, хотя и часто дѣлаетъ самыя большія движенія, однакожъ склоненъ предаваться нѣгѣ въ то время, когда онъ не занятъ должностію, любитъ опидыхать послѣ обѣда, не охотникъ ходить, или ѣздить верьхомъ. Онъ обыкновенно ѣздитъ въ экипажѣ, даже и при переходѣ изъ одной квартиры въ другую; многочисленность таковыхъ повозокъ въ Руской арміи есть одно изъ важныхъ препятствій въ ея движеніяхъ, сверьхъ сего она весьма много уменьшаетъ и дѣйствительную силу полковъ, состоящихъ подъ ружьемъ.

Между нынѣшними Рускими офицерами нѣтъ недостатка въ людяхъ способныхъ; много есть также превосходныхъ Бригадныхъ и Дивизіонныхъ Генераловъ, но непрерывнаго попомства Суворовыхъ ожидать нельзя. (*)

(*) Недостатокъ въ истинно великихъ Полководцахъ есть всеобщій. Самъ Наполеонъ, однажды цѣня нынѣшнихъ своихъ Фельдмаршаловъ, называлъ иного изъ нихъ *пракою*, другаго *пустымъ болтушкою* и

О Козакахъ.

Воинскія достоинства козаковъ также отличительны какъ и всего Рускаго народа, но наслѣдственный навыкъ къ войнѣ, а можетъ быть и врожденное дарованіе къ оной умножаетъ и изощряетъ ихъ понятія и способности. По теченію звѣздъ, по направленію вѣтровъ, посредствомъ соображенія самыхъ остроумныхъ наблюденій, козакъ проходитъ чрезъ незнакомыя ему земли и чрезъ непроходимые лѣса достигаетъ своего назначенія, преслѣдуя непріятеля съ такою же точностію и упорствомъ, какъ гончій песъ преслѣдуетъ зайца. Ничто не можетъ избѣжать его дѣятельности, сокрыться отъ его проницанія и обмануть его бдительность. Неумолимый гнѣвъ начальства и вѣчное безчестіе навлекаетъ на себя козакъ, который небрежностію своею содѣйствовалъ успѣху непріятеля.—Вооруженный копьемъ, пистолетомъ и саблею, козакъ никогда не боится соперника въ единоборствѣ;

проч. и проч. замѣтивъ, что если онъ умретъ прежде ихъ, то такое описаніе его найдутъ совершенно справедливымъ, и что Европа удивится тому, съ какими малыми способностями были помощники его

а въ послѣднюю войну нападеніе козаковъ на всякую конницу даже въ чистомъ полѣ было непреодолимо. Страхъ предшествовалъ ихъ *натиску*. (*) Напрасно военное искуство спарается противупоставить направленнымъ ихъ копьямъ какую либо преграду.

Изъ Французскихъ солдатъ одни кирасиры надѣялись еще нѣсколько на себя и показывали видъ, что они презираютъ силу и искуство козаковъ; однакожъ въ Прейсишъ — Эйлаускомъ сраженіи, когда Французскіе кирасиры, сдѣлавъ отчаянное нападеніе на центръ Руской арміи,. проскакали чрезъ интервалъ, въ то время козаки тотчасъ опрокинувъ ихъ, ударили въ дротики, (**) сбили съ лошадей и вдругъ на полѣ сраженія явилось 530 козаковъ, одѣтыхъ въ доспѣхи убитыхъ непріятелей. Но козаки не думали надѣвать на себя желѣзныя ихъ латы въ будущихъ сраженіяхъ; они знали, что мужественнымъ воинамъ не нужны желѣзныя кольчуги. Козаки носили ихъ только въ тотъ день, чтобъ доспѣхи сіи

(*) *Примѣч. перевод*: Сіе слово употреблялъ великій нашъ Суворовъ на мѣсто иностраннаго слова *атака*.

(**) Козаки такъ называютъ свои пики или копья.

сдѣлать тѣмъ болѣе драгоцѣнными для тѣхъ, къ коимъ они назначили ихъ послать на Донъ и Волгу, гдѣ сіи напріятельскія вооруженія нынѣ хранятся, яко памятники ихъ мужества и славные трофеи ихъ народа.

Хотя козаки въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбивали своимъ *натискомъ* регулярную конницу; не должно однакожъ думать, чтобъ они назначены были вообще дѣйствовать въ строю. Козаки сражаются *въ разсыпную*, и если они когда соберутся ударить на непріятеля соединенными силами: то сіе нападеніе дѣлается безъ систематическаго порядка, а только *толпою*; но и въ семъ случаѣ оно производится не иначе, какъ по приказанію тѣхъ изъ ихъ офицеровъ, которые всего лучше знаютъ ихъ духъ и силы, или же оно должно бѣгать, какъ сіе часто случается, дѣйствіемъ добровольнаго побужденія, которое мгновенно воспламеняетъ къ бою весь корпусъ и обнаруживается крикомъ гораздо страшнѣйшимъ и ужаснѣйшимъ, нежели вопль дикихъ ратниковъ Канады.

Умѣя ловко владѣть лошадью, которую управляютъ одной уздечкою, они

могутъ на всемъ скаку изворачиваться во всѣ стороны въ самыхъ непроходимыхъ и трудныхъ мѣстоположеніяхъ.

Генералъ Платовъ передъ Гейльсбергомъ во время отступленія Напалеонова чрезъ рѣку Пасаргу съ однимъ своимъ полкомъ ударилъ на непріятеля въ сосновомъ лѣсу, (гдѣ Французскіе стрѣлки цѣлой день дрались съ 4000 человѣкъ Рускої пѣхоты) опрокинулъ его въ одну минуту и рѣшилъ сраженіе.

Кто не видалъ, какъ дѣйствуютъ козаки, тотъ можетъ быть по одному предразсудку не повѣритъ, сколько они превосходны въ конныхъ нашискахъ или аттакахъ.—И какое въ самомъ дѣлѣ войско вооруженное саблями, можетъ устоять противъ удара копья, которое, встрѣчая непріятеля съ лишкомъ зашесть футовъ передъ лошадиною головою и будучи укрѣплено весьма твердо, пускается въ него со всѣмъ стремленіемъ резваго коня? Козакъ вооружается пикою не передъ тѣмъ самымъ временемъ, когда онъ идетъ на войну, или когда достигаетъ уже совершенныхъ лѣтъ: нѣтъ! онъ играетъ ею въ ребячествѣ и не выпускаетъ ее изъ своихъ рукъ въ моло-

дыхъ лѣтахъ: такимъ образомъ онъ владѣетъ пикою, имѣющею отъ 14 до 18 футовъ длины, съ такою же ловкостію и свободностію, какъ лучшій воинъ въ Европѣ дѣйствуетъ саблею или палашемъ. Въ рукахъ, не столько пріученыхъ къ сему оружію, оно было бы совершенно безполезнымъ; но подъ управленіемъ столь сильнаго и ловкаго всадника становится ни чемъ непобѣдимымъ, кромѣ огнестрѣльныхъ орудій, и дерзкій непріятель, опрометчиво отваживающійся на неравной бой, обыкновенно погибаетъ или встрѣчаетъ постыдный для себя опытъ.

Руская регулярная конница переходила вплавь Двину и Вислу также какъ и козаки; но никакая конница въ свѣтѣ не можетъ, подобно имъ, продолжать предписаннаго ей движенія безпрерывно день и ночь, переходя горы, переплывая рѣки и пробѣгая равнины: такимъ образомъ судя по силѣ, свойствамъ и навыку козаковъ, нѣтъ конницы столь полезной и страшной, если ими управляютъ надлѣжащимъ образомъ. Десять тысячь такихъ воиновъ противустанутъ во всякомъ сраженіи превосходнѣйшему чи-

слу непріятеля и въ продолженіи кампаніи всегда одолѣвать будутъ своихъ противниковъ чрезъ усерднѣйшее исполненіе должности и чрезъ неутомимыя воинскія движенія.

Козаковъ и ихъ лошадей, по крѣпости сложенія, можно назвать желѣзными; никакой трудъ, никакая погода, никакая неудача не останавливаютъ ихъ дѣятельности, ниже ослабляютъ ихъ службы.

Между простыми козаками часто встрѣчаются люди рыцарскаго духа и исполненные чувства чести: многіе изъ нихъ могли бы быть украшеніемъ даже рыцарскаго вѣка и были бы достойны памяти въ потомствѣ по ихъ знаменитымъ подвигамъ вѣрности и мужества.

Когда одинъ Англинской офицеръ смотрѣлъ въ зрительную трубу на отступленіе Маршала Нея изъ Гутштата; то непріятель, завидя его киверъ и телескопъ, навелъ на него пушку: первое ядро попало въ грязь близъ ногъ лошади и только забрызгало ее и офицера; второй выстрѣлъ былъ столько же мѣшокъ. Тутъ провожавшій сего офицера козакъ

крискакалъ къ нему съ сердитымъ лицемъ, и указывая на его киверъ, просилъ его надѣть вмѣсто кивера козачью его шапку; но когда офицеръ на это не согласился, то козакъ хотѣлъ сорвать съ его головы киверъ и вмѣсто его насильно надѣть свою шапку. Во время сего спора ружейные выстрѣлы непріятеля испугали лошадей и они разъѣхались въ разныя стороны. Послѣ того, когда Атаманъ съ притворнымъ гнѣвомъ выговаривалъ козаку за его неучтивость; то козакъ на сей выговоръ отвѣчалъ:„ я „видѣлъ, какъ непріятель наводилъ пуш„ку на Англинскаго офицера, примѣ„тивъ его по киверу и перу;—вы прика„зали мнѣ беречь его,—я зналъ, что на„шей братьи козаковъ у васъ много, а „чужихъ только одинъ человѣкъ; итакъ „я подумалъ отвести отъ него бѣду на „свою голову, дабы послѣ вамъ и всѣмъ „козакамъ нашимъ не тужить, что „гость погибъ въ нашей службѣ„.

2^e

ОДА.

На случай настоящей войны съ Французами. (*)

Россія! дщерь небесъ избранна,
Героевъ и побѣды мать,
Одна изъ царствъ земныхъ воззванна
Чтобъ дерзость сопостатъ карать;
Еще ли гнѣвъ твой не пылаетъ
Когда коварный врагъ дерзаетъ
Какъ наглый въ ярости Титанъ.
Вступаешь съ огнемъ въ твои границы,
И въ нихъ подобно алчной львицы
На грудь бросаться Россіянъ?

*

Тебѣль богинѣ полусвѣта
Сѣдящей на семи моряхъ,
Которую столь многи лѣта
Зрѣлъ міра Беллоной на войнахъ,
Тебѣль терпѣть чтобъ безъ препоны,
Достоинство твоей короны
Смѣлъ унижать надменный Галлъ?
Гордынѣль рогъ ты не стирала,
И злобуль въ адъ не прогоняла?
Противъ тебя кто устоялъ?

(*) Сія и предыдущая піеса доставлены Обществу въ то время, когда печатаніе 7 й книжки Вѣстника уже оканчивалось; потому и помѣщены онѣ въ прибавленіи.

Разгни временъ прошедшихъ книги,
Гдѣ перстомъ истинны святой
Начертаны дѣла велики
Произведенныя тобой;—
Вездѣ геройство, мудрость, сила,
Чрезъ кои жребій царствъ рѣшила
И судъ творила ты царямъ:
Изчисли сѣчи всѣ кровавы,
Не стольколь памятниковъ славы
Исторія воздвигла намъ?

*

Еще ты на рукахъ у Кія
Играла въ дѣтскихъ пеленахъ,
Уже орлы твои младыя
Носили въ древни грады страхъ;
Трясли стѣнами Константина,
Свирѣпство чернаго Евксина
Не страшно было для Славянъ;
Въ пучинахъ имъ казались мѣли,
Лишь у твоей бы колыбели
Разсыпать дани чуждыхъ странъ.

*

Гдѣ дикіе орды Могола
Что хищною дерзалъ рукой,
Касаться твоего престола
И осквѣрнять въ ней скипетръ твой?
Воззри на тѣ поля пространны,
Гдѣ вѣнценосны ІОАННЫ,
Въ бугры сметавши ихъ какъ соръ,
По всѣмъ распутьямъ раскидали,
Чтобъ мимошедшіе кивали
Главой на вѣчный ихъ позоръ.

Не всяль вселенна трепетала
Какъ на тебя Сарматы шли,
И прахъ твой видѣть ожидала
Разсыпанъ по лицу земли,
Уже на дщерь твою любезну,
Тяжелу палицу желѣзну
Литовскій Голіафъ взмахнулъ—
Но что его гигантска сила?
Твоя рука его сломила———
Одинъ въ дали раздался гулъ.

*

Въ предвѣчномъ Богъ судилъ совѣтѣ,
Какъ царствы міра Онъ творилъ,
Чтобъ ПЕТРЪ, твой Геній, въ цѣломъ свѣтѣ,
Твое величество явилъ;
Облекъ тебя въ одежды новы,
Враговъ твоихъ разрушилъ ковы,
Невежество прогналъ во тьму: ——
И Чтобъ онъ могъ тебя прославить,
Подъ солнцемъ выше всѣхъ поставить,
Своей далъ силы часть ему.

*

Во гнѣвѣ духъ его жестокомъ
Мятется въ вѣчности теперь;
Съ смертельнымъ борется онъ рокомъ,
Небесъ разторгнуть хочетъ дверь,
Чтобъ снова на земли явиться,
Какъ съ Шведомъ, съ Галломъ такъ сразиться,
И раздавивъ его пятой,
Взлетѣть на небо въ блескѣ славы,
Возставя честь твоей державы
Что хочетъ врагъ похитить злой.

Но се уже твои Алкиды
Во львы Немейски облеклись;
Горя отмстить твои обиды,
Громовой тучей собрались — —
Текутъ на новаго Мамая,
Ему тужъ казнь уготовляя
Какую древній испыталъ,
Какъ въ жертву Росскаго покоя
Донскаго отъ руки героя
На полѣ бранноносномъ палъ.

*

Ужъ быстраго питомецъ Дона
Неустрашимый твой Полканъ,
Не зная въ свѣтѣ что препона,
Приводитъ въ ужасъ вражій станъ:
Лѣса, топь, рѣки и стремнины,
Ему все гладкія равнины,
Ему мракъ ночи тотъ же свѣтъ;
Вездѣ и всякою порою,
Злодѣевъ гонитъ предъ собою
Иль въ узахъ за собой ведетъ.

*

Не Марсаль Витгенштейнъ во бронѣ,
Побѣды на крылахъ летитъ
Къ твоей Петрополь оборонѣ? —
Въ крови ужъ мечь его и щитъ;
Враговъ онъ силы презирая,
Въ ихъ легіоны ударяя
Рядами ихъ полки кладетъ;
Въ паденьи ихъ земля трясется,
Ихъ кровь смѣшавшись съ желчью льется
И на ряду съ Двиной течетъ. — — —

О славы лучь ЕКАТЕРИНЫ.
Хранитель Геній нашихъ дней!
Кого рѣшителемъ судьбины
Господь избралъ Европы всей,
Кутузовъ! — предъ лицемъ вселенны,
Яви, что мечь твой изощренный
На ребрахъ сопостатъ крутыхъ,
Есть мечь царей земныхъ отмститель
И правъ народныхъ охранитель
Отъ замысловъ и козней злыхъ.

*

Освобожденные народы
И ихъ спасенные цари,
Тебѣ воздвигнутъ въ родъ и роды
Въ своихъ предѣлахъ олтари. — —
Да будетъ общая отрада
Твоихъ великихъ дѣлъ награда;
Вѣкъ АЛЕКСАНДРА ....., честь твоя,
Хвала .., . Отечество, — трофеи .....
Лишенны силъ вредить злодѣи,
А монументъ .... Европа вся.

Графъ Сергѣй Салтыковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

АВГУСТЪ 1812. № 8.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Рѣчь Аннибала къ его воинамъ.

(Изъ Ливія кн. XXI. гл. 42, 43 и 44.)

Аннибалъ находилъ нужнымъ сперва ободрить воиновъ примѣромъ, а потомъ словами. Съ симъ намѣреніемъ учредилъ онъ позорище, для котораго войско составило круговую цѣпь. На срединѣ поставлены были захваченные на горахъ плѣнные съ поверженнымъ у ногъ Гальскимъ оружіемъ. Аннибалъ повелѣлъ чрезъ переводчика вызвать изъ нихъ охотниковъ на единоборство мечемъ другъ противъ друга, съ тѣмъ что побѣдитель будетъ свободенъ отъ оковъ и получитъ въ даръ оружіе и коня. Когда всѣ до одного потребовали мечей для такой битвы; то положено рѣшить дѣло жребіемъ.

Каждый плѣнный умолялъ судьбу, чтобы она избрала его для сего единоборства. Показанные жребіемъ получали отъ товарищей поздравленія, и съ живостію и восхищеніемъ прыгая по своему обычаю, схватывали оружіе. Всѣ ихъ ошибки сопровождались со стороны товарищей и самихъ зрителей одинакимъ чувствомъ удивленія къ падшимъ смертію славною и къ самимъ побѣдителямъ. Послѣ сихъ поединковъ, кои воспламенили воиновъ, позорище прекращено, и Аннибалъ, какъ сказываютъ, вскорѣ потомъ говорилъ передъ воинами слѣдующую рѣчь:

Воины! Если вы съ тою же рѣшимостію, которую недавно предпочитали въ чужой крайности, пойдете сами путемъ рока своего: побѣда наша! видѣнное вами позорище изображаетъ ваше собственное положеніе. И я не знаю, кому приготовилъ рокъ крѣпчайшія оковы и большія опасности, вамъ или плѣнникамъ вашимъ? Съ той и съ другой стороны преградою вамъ море, гдѣ для спасенія вашего нѣтъ у васъ ни корабля. Передъ вами рѣка Падъ, гораздо большая и стремительнѣйшая самой Роны. За вами гордыя Альпы, едва уступившія силамъ

вашимъ неутомленнымъ и бодрости совершенной. Воины! Здѣсь при первой ошибкѣ съ непріятелемъ, должно побѣдить или умереть. Здѣсь судьба приведшая васъ на битву, предоставляетъ вамъ за побѣду награды, какихъ больше человѣку не возможно пожелать отъ безсмертныхъ Боговъ. Когдабы мужество наше способствовало намъ возвратить токмо Сицилію и Сардинію, у нашихъ отцовъ захваченныя: то и сіе составилобъ для насъ не малый выигрышъ; но вамъ будетъ принадлежать все: побѣды Римлянъ, ихъ приобрѣтенія, сокровища—сами Римляне. Воздаяніе чрезвычайное! Ступайте же и съ помощію Боговъ несите оружіе. Гоняясь за звѣрями на пустыхъ горахъ Лузитанскихъ и Цельтиберскихъ, не имѣли вы доселѣ награды за толь многіе труды тягостные и опасности преодолѣнныя. Пора воспользоваться изобильными и самими лучшими плодами, пора познать важную цѣну подвиговъ, понесенныхъ вами въ походахъ чрезъ толь многія горы и рѣки и сквозь тьмы мечей непріятельскихъ. Здѣсь судьба даровала конецъ трудамъ вашимъ; здѣсь за подвиги ваши даруетъ вамъ награду достой-

ную. Не думайте, что побѣда будетъ для насъ столь же трудна, сколь громко имя настоящей войны. Нерѣдко и слабый непріятель проливаетъ рѣки крови; напротивъ великіе народы и цари побѣждаются въ нѣсколько минутъ. Римляне, кромѣ имени славнаго, что имѣютъ такое, чѣмъ бы равнялись съ вами? Я почитаю за излишнее говорить о двадцатилѣтнихъ вашихъ приготовленіяхъ къ войнѣ сей, о вашемъ мужествѣ и пособіяхъ, кои вы имѣете. Вы отъ сполиповъ Алкидовыхъ, отъ самаго океана и края земли, проникли сюда съ побѣдами надъ толь многими и сильными народами Испаніи и Галліи. Будете имѣть дѣло съ войскомъ неопытнымъ, разбитымъ, уже побѣжденнымъ отъ насъ и держаннымъ въ осадѣ отъ Галловъ, съ войскомъ не пріобрѣвшимъ довѣренности вождя своего и не имѣющимъ оной къ самому вождю. Сравню ли также и себя; я, такъ сказать, рожденный и взросшій въ ставкѣ родителя моего, величайшаго изъ полководцевъ, я усмиритель Испаніи и Галліи, покоритель народовъ Альпійскихъ, и, что гораздо болѣе, самихъ Альпъ — сравню ли себя съ вождемъ полугодовымъ, бѣжав-

шимъ отъ воинства своего, съ вождемъ, который, если бы представить ему вмѣстѣ Карѳагенянъ и Римлянъ безъ знаменъ, смѣло утверждаю, не зналъ бы, чьимъ почитать себя Консуломъ, пѣхъ или другихъ? Воины! Выгода важная на моей сторонѣ, что я въ войнѣ имѣлъ случаи столь часто отличаться въ виду вашемъ, что будучи товарищемъ и свидѣтелемъ вашего мужества, могу воспоминать съ вами дни и мѣста подвиговъ своихъ. Я, вашъ ученикъ въ дѣлѣ военномъ, вашъ вождь, отъ котораго тысячекратно слышали вы похвалы, тысячекратно принимали награды, вступлю въ сраженіе съ войскомъ и вождемъ безъ взаимныя между собою пріязни, безъ взаимныя довѣренности. — Куда ни обращусь, все ободряетъ меня, все увѣряетъ, что силы наши превосходны: пѣхота заслуженная, всадники знатнѣйшихъ народовъ ополченные и не ополченные, вы союзники вѣрнѣйшіе и храбрѣйшіе, вы Карѳагеняне, защитники Отечества и каратели злобы. Перенесши пламень войны въ Италію и означивъ слѣды свои опустошеніемъ, тѣмъ съ большею отважностію и мужествомъ будемъ сражаться, чѣмъ большія надеж-

ды, большую смѣлость приносятъ нападающіе, нежели защищающіеся. Притомъ намъ нельзя забыть злости, ненависти, коварства Римлянъ собственно противъ насъ. Они для наказанія сперва требовали меня, потомъ и васъ всѣхъ, бывшихъ при осадѣ Сагунта. Преданные не миновали бы мы люпѣйшихъ казней. Народъ властолюбивый и гордый! Онъ всѣмъ по своей волѣ думаетъ распоряжать. Почитаетъ своимъ правомъ вмѣшиваться вездѣ и въ наши войны и въ наши союзы. Предписываетъ черту нашихъ владѣній и опредѣляетъ ее горами и рѣками, съ тѣмъ чтобъ мы далѣе не смѣли подвигаться. Проведенную черту опять отмѣняетъ. Ему угодно, чтобъ мы не переступали за Ибръ; не имѣли бъ дѣла до Сагунтянъ, а Сагунтъ не за Ибромъ; нигдѣ не сдѣлали бъ ни шагу впередъ. Не доволенъ захвативши древнѣйшія области наши Сицилію и Сардинію. Ему нужны Испанскія. Уступимъ сіи: тогда захочетъ переплагнуть въ Африку. Говорю захочетъ? Уже и посланы оба нынѣшніе Консула, одинъ въ Африку, другой въ Испанію. Намъ уже не осталось ничего. Наше одно то, что получимъ оружі-

емъ. Кто не все потерялъ, кто надѣется, не встрѣтивъ въ пути битвы, опасностей и препятствъ, укрыться на своихъ поляхъ, въ своей родинѣ, тому еще можно быть робкимъ и слабымъ; но вы непремѣнно должны быть мужами крѣпкими и не имѣя въ виду для себя совершенно ничего, кромѣ побѣды и смерти, или побѣдить, или, если такъ велѣла судьба, пасть на полѣ битвы, а не въ постыдномъ бѣгствѣ. Когда твердо и рѣшительно положено вами въ душахъ такое намѣреніе, еще скажу: побѣда наша! Безсмертные Боги никого не вели къ ней толь непремѣнною дорогою.

Б.

Рѣчь Фабія Максима къ Емилію.

(Изъ Ливія.)

Когда бы товарищъ твой подобенъ былъ тебѣ, Емилій (чего я желалъ бы всего болѣе), или ты товарищу своему; тогда бы слова мои были безполезны. Бывши оба достойные Консулы, вы и безъ меня, изъ одного усердія къ Республикѣ, сдѣлали бы для ней все полезное. Напротивъ если бы сана сего не заслуживали оба, не захотѣли бы ни внимать, ни слѣдовать совѣтамъ моимъ. Нынѣ же зная и товарища твоего, и твои достоинства, къ одному тебѣ обращаю всю рѣчь мою. Къ чему послужатъ въ тебѣ дарованія отличнаго Полководца, когда Республика относительно другаго Консула не можетъ похвалиться ничѣмъ хорошимъ? При каждомъ благонамѣренномъ дѣлѣ твоемъ встрѣтишь препятство съ его стороны съ правомъ и властію равными твоимъ. Такъ, Емилій, тебѣ предстоитъ не сомнѣнная и не меньшая борьба съ товарищемъ твоимъ, какъ и съ самымъ Аннибаломъ; и я не знаю, кто изъ нихъ бу-

дешъ непріязненнѣе для тебя, врагъ сей, или противникъ оный? Съ первымъ будешь имѣть дѣло токмо во время сраженія; со вторымъ на всякомъ мѣстѣ и каждый часъ. Противу Аннибала и его легіоновъ станутъ вмѣстѣ съ тобою и конные и пѣшіе ратники твои; Теренцій поставитъ противу тебя собственное твое войско. Да не сбудется предсказаніе мое и да погибнетъ самая память того, что случилось съ Фламиніемъ! И тотъ однако, будучи уже Консуломъ въ провинціи ему ввѣренной, принявъ начальство надъ войскомъ, впалъ въ свое безразсудство; сей же безумствовалъ такимъ образомъ до объявленія требованій своихъ на Консульство, во время самыхъ требованій тѣхъ; какъ безумствуетъ нынѣ будучи Консуломъ, но еще не видавъ ни лагеря, ни непріятеля. Проповѣдуя въ нѣдрахъ мирныхъ семействъ крамолы, брани и ополченія, уймется ли онъ отъ того при видѣ вооруженнаго воинства и на полѣ ратномъ, гдѣ за словами слѣдуетъ тотчасъ исполненіе? Когда же, какъ говоритъ онъ, тотчасъ приступитъ къ сраженію: то, или я не знаю вовсе ни военнаго искусп-

ва, ни произшествій настоящей войны и самаго непріятеля, или послѣдуетъ для насъ поражніе новое, гораздо важнѣйшее Тразименскаго. Дѣло касается не до соперничества въ славѣ, и я пренебрегая ее болѣе, а не гоняясь за нею, подвергнуль себя нарѣканію. Но какъ быть? Инаго способа нѣтъ вести войну противу Аннибала, кромѣ того, которымъ она мною ведена. Не токмо случай минувшій (онь даетъ уроки глупцамъ) удостовѣряетъ въ етомъ; но какой-способъ оставался прежде, тотъ самый остается и останется безъ всякой перемѣны, пока не послѣдуютъ обстоятельства другія. Мы ведемъ войну въ Италіи, между своими жилищами, среди земли своей. Во всѣхъ мѣстахъ около насъ лежащихъ обитаютъ наши сограждане или союзники, которые доставляютъ намъ и оружіе и воиновъ, и коней и потребности военныя и все то доставлять и впредь не отрекутся. Въ етомъ порукою ихъ вѣрность въ противныхъ для насъ обстоятельствахъ. Время отъ времени открывается посреди насъ болѣе добродѣтелей, благоразумія, постоянства. Аннибалъ на про-

нивъ въ странѣ чуждой, непріязненной, гдѣ все дышетъ на него злобою и мщеніемъ; далеко отъ родины, далеко отъ отечества; ни земля, ни море не представляютъ ему спасенія; никакіе города, никакія крѣпости не отворятъ воротъ предъ нимъ. Онъ ничего не имѣетъ своего. Всякой день живетъ хищничествомъ. Едва у него остается уже и третія часть воиновъ, перешедшихъ съ нимъ черезъ Ибръ. Голодъ истребилъ ихъ болѣе, нежели самый мечь. Остальные, не многіе числомъ, не имѣютъ чѣмъ питаться. Какъ же думать, чтобъ мы безъ сраженія, не восторжествовали надъ непріятелемъ, который день ото дня приходитъ въ безсиліе, и лишенъ съѣстныхъ припасовъ и денегъ? Возможно ли ему держаться въ Геронскомъ замкѣ, среди пустой Апуліи, такъ какъ бы въ укрѣпленіяхъ Карѳагенскихъ? Я ни сколько не помышляю прославиться передъ тобою. Тебѣ извѣстно, съ какимъ искуствомъ избѣгали также сраженія съ нимъ Консулы наши Сервилій и Апилій. Въ семъ состоитъ единственное средство къ спасенію нашему, и средство такое, котораго успѣхи запруд-

нятъ и остановятъ развѣ одни сограждане наши, а не сами непріятели. Такъ, въ семъ случаѣ воины твои помогутъ непріятельскимъ; въ семъ случаѣ самъ Теренцій, Консулъ Римскій, послужитъ видамъ Карѳагенскаго Военачальника Аннибала. Тебѣ надобно будетъ устоять противу покушеній обоихъ предводителей сихъ; а устоишь тогда, когда никакая молва, никакіе толки народные не поколеблютъ твердости твоей; когда останешся равнодушнымъ и къ пустой славѣ товарища и къ мнимому безчестію своему. Истина рано или поздно, какъ говорится, восторжествуетъ. Не ослѣпляющійся славою минутною достигнетъ всегдашней. Пускай не назовутъ тебя осмотрительнымъ, но робкимъ; не назовутъ благоразумнымъ, но медлительнымъ; ниже искуснымъ, но безопытнымъ въ дѣлѣ военномъ. Уваженіе непріятеля стоитъ похвалъ сограждакъ неразсудительныхъ. Дерзкаго презираетъ Аннибалъ, осторожнаго боится. Я не то говорю, что бы ты ничего не предпринималъ, но чтобъ предпріятіями твоими управлялъ разсудокъ, а не случай. Все въ твоей власти состоятъ,

все служить тебѣ долженствуетъ. Стой съ оружіемъ въ рукахъ и въ готовности сразиться. Умѣй пользоваться выгодами своими и отнимай ихъ у непріятеля. Не торопясь, все обозришь въ видѣ ясномъ и вѣрномъ; поспѣшность напротивъ никогда не бываетъ ни проницательною, ни дальновидною.

На рѣчь сію послѣдовалъ отъ Емилія отвѣтъ, которымъ подтверждая истину сказаннаго, представилъ неудобства въ исполненіи. „Диктаторъ, говорилъ онъ, со всею властію своей, не могъ принудить начальника конницы къ повиновенію; какуюжъ возможность и право найдетъ Консулъ обуздать злонамѣренное неистовство товарища? Въ прежнее Консульство мое пострадала моя честь отъ безпокойныхъ головъ въ народѣ, желательно, чтобъ настоящее было для меня удачнѣе. Но когда случится какое нещастіе, скорѣе паду отъ мечей непріятельскихъ, нежели стану внимать приговору оскорбленныхъ сограждан.“

Б.

Отрывокъ изъ Шекспировой Трагедіи Троилъ. (*)

Агамемнонъ и Цари Греческіе.

Агамемнонъ.

Цари! Отъ чего такое уныніе помрачаетъ ваши лица? Во всѣхъ предпріятіяхъ на землѣ начинаемыхъ, пышные обѣщы, какіе надежда даетъ человѣку, совершенно — никогда не исполняются. Препоны и несчастія раждаются въ самыхъ нѣдрахъ подвиговъ великихъ и знаменитыхъ: такъ отъ суковъ, раждаемыхъ на пнѣ противоположеннымъ теченіемъ чрезмѣрно обильнаго сока, повреждается гордая, крѣпкая сосна, и изгибистыя жилы ея препинаются отъ быстраго и уклоняются отъ прямаго роста. Не странное и не новое, Цари, для очей нашихъ явленіе, что стѣны Иліона, послѣ семи-

---

(*) Отрывокъ сей есть часть 9го явленія въ 1мъ дѣйствіи упомянутой Трагедіи; но не красоты трагическихъ должно искать въ немъ; чистое нравоученіе, глубокія истины, коими онъ исполненъ, заслуживаютъ вниманіе: а всего болѣе превосходныя мысли, о необходимости терпѣнія и твердости въ важныхъ предпріятіяхъ и о бѣдствіяхъ происходящихъ отъ нарушенія порядка и повиновенія начальству. Г—ъ.

лѣтняго облежанія, стоятъ еще незыблемы. — Вѣки протекшіе, о коихъ преданіе сохранило память, свидѣтельствуютъ, что начинанія всегда встрѣчали препоны, отдалявшія ихъ отъ цѣли; что во всѣхъ дѣяніяхъ человѣческихъ успѣхи никогда не были увѣнчаны тѣмъ блескомъ, какимъ воображеніе въ мечтахъ себя плѣняетъ. — Почтожъ, о Цари, взираете вы на дѣло наше съ такимъ смущеніемъ? Почто находите вы столько безчестія въ сей медлѣнности, которая вѣрно есть испытаніе, всемогущимъ Зевсомъ продолжаемое, чтобы укрѣпить постоянство въ сердцѣ человѣка. Не во дни благополучія, не во время ласканій Фортуны познается сила высокой, истинной доблести: въ сіе время малодушный и мужественный, мудрый и несмысленный, человѣкъ жестокой и человѣкъ чувствительный подобятся другъ другу и являются въ видахъ единаго рода. Въ бурѣ, воздвигаемой гнѣвомъ сей Богини, подъ силою грознаго ея дыханія совершается раздѣленіе: ея дхновеніе далеко разсѣваетъ пустую и легкую плеву; но все, что имѣетъ существо и тѣло, пребываетъ неколебимо своею тяжестію, своимъ до-

спокойствомъ, и наконецъ является безпримѣсно и чисто.

Несторъ.

Агамемнонъ, я примѣню рѣчь мою къ послѣднимъ словамъ твоимъ. Когда море тихо, сколько малыхъ и легкихъ людей дерзаютъ пускаться по его мирному и спокойному лону и плавать близъ великаго корабля. Но когда Борей раздражитъ Ѳетиду, посмотрите, какъ корабль широкими и крѣпкими ребрами сѣчетъ горы волнъ и, какъ бурный Персеевъ конь, скачетъ межъ двухъ стихій. Гдѣ тогда дерзкая ладія, которая смѣла, нѣтъ еще мига, спорить съ силою и величіемъ. Она убѣгла въ пристань, или уже какъ червь поглощена Нептуномъ. Такъ, въ бурѣ бѣдствій обнажается ложная доблесть и является доблесть прямая. Насѣкомыя только въ ясный день тревожатъ стада остріемъ жалъ своихъ; когдажъ вѣтръ возшумитъ надъ главою дуба, они скрываются подъ сѣнь его; но животное безстрашное и сильное, но тигръ воспаляетъ ярость свою яростію бури, воспламеняется, люшѣетъ съ нею, и на свирѣпство и грозу враждебныхъ

стихій отвѣчаетъ своимъ грознымъ ревомъ.

Улиссъ.

Агамемнонъ, знаменитый вождь воинства Греческаго, Несторъ, долготою лѣтъ почтенный, должно воздать хвалу вашимъ рѣчамъ; но удостой, великій Царь, и ты мудрый старецъ, выслушать Улисса.

Агамемнонъ.

Вѣщай Царь Иѳкскій; мы вѣдаемъ, что ты не начинаешь суетныхъ вѣщеній.

Улиссъ.

Иліонъ, до нынѣ въ основаніяхъ твердый, былъ бы разрушенъ, убійственный мечь Гекторовъ не имѣлъ бы уже обладателя — безъ препонъ, которыя изчислю.—

Законъ и права начальства у насъ презрѣны. Видители, сколько шатровъ Ахейскихъ возвышается на сей долинѣ? Столько у насъ крамолъ. Шатеръ царя царей не подобенъ уже улію, въ который слѣпаются всѣ пчелы по полю разсѣянныя. Различіе должностей смѣшано, почтеніе къ сану забыто и послѣдній

человѣкъ подъ личиною, является подобнымъ первому изъ смертныхъ. Самыя небеса, свѣтила и сей шаръ, средоточіе вселенной (*), соблюдаютъ чреду, первенство и взаимное разстояніе; порядокъ въ путяхъ, непремѣнный ходъ, времена года, ихъ виды и польза, все распредѣлено, все устроено, все слѣдуетъ непреложному закону. И въ силу сей всемірной гармоніи, солнце, сіе превосходное свѣтило, возсидя на тронѣ, сіяетъ какъ Царь посредѣ другихъ его окружающихъ; свѣтлый и благотворный взоръ его отводитъ пагубныя воззрѣнія свѣтилъ вредоносныхъ, и его всемогущее вліяніе, какъ повелѣніе Царя, движетъ и правитъ безъ препонъ и сопротивленія свѣтилами вредными и благотворными. — Но если возмущенныя свѣтила сіи совращаются съ путей и неустройно блуждаютъ по небу, тогда (*) сколько бѣдствій, сколько бичей опустошающихъ землю! Какое смятеніе, какой хаосъ во вселенной! И моря свирѣпствуютъ, и земля колеблется, и неистовст-

(*) По системѣ Птоломея, во время Шекспира уважаемой.

(**) Поэтъ принялъ древнее мнѣніе, что блуждающія Кометы являются въ предзнаменованіе какихъ либо великихъ несчастій роду человѣческому.

Переводч.

вуютъ вѣтры; бунты и раздоры, брани и кровопійства, моръ и гладъ, всѣ люшѣйшія бѣдствія разторгаютъ единство, разрушаютъ согласіе, возмущаютъ все и до основанія ниспровергаютъ миръ государствъ и спокойство народовъ. — Равнымъ образомъ, когда нарушено повиновеніе, сія лѣствица всѣхъ великихъ намѣреній, предпріятія человѣческія слабѣютъ и рушатся. Какимъ средствомъ общества и союзы въ городахъ, мирная торговля между отдаленными брегами, права природы, преимущества лѣтъ, коронъ, скипетровъ и лавровъ геройскихъ, какимъ образомъ, если не повиновеніемъ могутъ быть удержаны въ своемъ законномъ порядкѣ? Уничтожте повиновеніе, отнимите сію струну изъ строя, и какое разногласіе, какое разстройство! Каждое существо становится враждебнымъ, противится и сражается: воды заключенныя въ ихъ лонѣ, воздымаютъ хребетъ свой превыше береговъ и потопляютъ землю. Сила становится властелиномъ и тираномъ слабости: и люшый сынъ — отца простираетъ мертвымъ у ногъ своихъ. Насиліе похищаетъ права, или лучше, правый и неправый, которыхъ

разлучало правосудіе, сидящее посредѣ ихъ вѣчнаго прѣнія, теряютъ свои наименованія и самое правосудіе изчезаетъ. Тогда все вооружается властію, власть волею, воля страстію, а страсть, сей тигръ ненасытимый, также подкрѣпляемая властію и волею, должна необходимо разрушить все и наконецъ пожрать самую себя. —

Вотъ, Агамемнонъ, неизбѣжныя слѣдствія, когда нарушено и погублено повиновеніе; а повиновеніе погибаетъ, когда каждый помышляетъ только о своей, а не общей пользѣ, и дыша тайною завистію проискиваетъ надъ другимъ возвыситься. Вождь презираемъ воиномъ одною степенью его низшимъ, сей слѣдующимъ, и такимъ образомъ развращеніе, рожденное примѣромъ перьваго, изъ степени въ степень нисходитъ до послѣдняго, который высшаго себя пренебрегаетъ. Тогда все повреждается, все поражается болѣзнію зависти, блѣднымъ и низкимъ совмѣстничествомъ, которое ищетъ власти не для того, чтобы дѣйствовать, а чтобъ кичиться ею, которое самому себѣ и обществу — пагуба. И сія-то болѣзнь зависти сохраняетъ

стѣны Иліона, а не собственная крѣпость ихъ. Иліонъ существуетъ не отъ своей силы, но отъ нашей слабости.

Несторъ.

Улиссъ вѣщалъ мудро; онъ открылъ зло, которымъ заражено все наше воинство.

Съ перев. Ле Тур. Г—ъ.

О задумчивости и уединеніи.

Напрасно будемъ искать щастія въ совершенномъ уединеніи; человѣкъ чувствуетъ необходимость любить и быть любиму. Естьли онъ убѣгаетъ себѣ подобныхъ, то все имѣетъ привязанность къ какимъ нибудь предметамъ; онъ обработываетъ цвѣты, ищетъ между животными такого существа, которое бы принимало его попеченія, и возвращало ему ласки, отъ него получаемыя. Слабая помощь! Пустынникъ находится подъ бременемъ започенія; нетерпѣливо ожидаетъ конца своей жизни; видитъ только въ могилѣ начало своего спокойствія и предѣлъ своимъ страданіямъ.

Нѣсколько уединенія нужно. Кто всегда преданъ бурямъ свѣта, тотъ не можетъ образовать ни ума, ни сердца; принадлежитъ тысячѣ человѣкъ, а не себѣ; увлекаясь пустыми предпріятіями и ложными удовольствіями, теряетъ время наслаждаться жизнію. Не будемъ пустынниками, но будемъ жить въ уединеніи.

Естьли въ нашей волѣ выбрать себѣ мѣсто жилища, должно жить или въ деревнѣ, или въ большемъ городѣ; въ нихъ

легче провести жизнь пріятно. Малый городокъ содержитъ для сего менѣе выгодъ: тамъ обязанности общества чрезвычайно велики, многими наблюдаются очень строго, и взыскиваются совершенно всѣми; прибавьте къ сему несносное любопытство жителей, утомительные разговоры объ издержкахъ, ссорахъ и дѣлахъ ихъ сосѣдей; глупые ихъ раздоры и смѣшныя требованія. Словомъ сказать, въ маленькомъ городкѣ, нельзя найти ни нравовъ и спокойствія деревень, ни разнообразныхъ удовольствій столицы.

Большой городъ есть жилище просвѣщенія и удовольствій. Въ немъ столько же средствъ заниматься науками, какъ и увеселеніями. Каковъ бы ни былъ образъ жизни, который вы будете вести; его не только не станутъ порицать, но даже и не замѣтятъ. Будучи окружены людьми всякаго рода, вы можете составить для себя общество, по вашему вкусу. Одну часть дня можно посвятить для своихъ занятій, другую для семейства и друзей, а третью опредѣлить на удовольствія, доставляемыя искусствами и словесностью.

Но съ симъ множествомъ выгодъ смѣшиваются прискорбныя неудобства. Въ большихъ городахъ можно наслаждаться совершенною независимостію только потому, что тамъ люди равнодушны одинъ къ другому. Не тяжко ли, будучи посреди ста тысячь человѣкъ, сказать себѣ: „Всѣ сіи люди не знаютъ другъ друга; каждой почитаетъ себя существомъ отдѣльнымъ и не принимаетъ никакого участія въ тѣхъ, которые его окружаютъ?“ — Многолюдные города бываютъ театромъ самыхъ подлыхъ происковъ, самыхъ гнусныхъ пороковъ. Я знаю, что живучи въ неизвѣстности, можно не взирать на сіе зрѣлище; но какимъ образомъ можно избѣжать поразительной противоположности между чрезвычайною бѣдностію и чрезвычайною роскошью? Она вездѣ за вами слѣдуетъ. При видѣ сихъ мѣстъ, гдѣ роскошь выказываетъ свои сокровища и глупости, невольно вспоминаешь, что близко оттуда нещастные умираютъ съ голоду: можетъ ли такое жилище быть пріятнымъ для мудраго?

Мнѣ кажется, что щастливѣе жить въ деревнѣ. Тамъ можно съ посредствен-

нымъ состояніемъ наслаждаться довольствомъ и свободою. Въ деревнѣ рѣдко встрѣчаются предметы, могущіе возбудить зависть, и почти всегда можно имѣть удовольствіе облегчать судьбу нещастныхъ. Люди, которыми мы бываемъ тамъ окружены, имѣютъ менѣе пороковъ, чѣмъ городскіе жители; въ нихъ нѣтъ большаго ума, но за то они имѣютъ довольно здраваго смысла.

И деревня имѣетъ свои невыгоды, особливо для того человѣка, которой не въ ней воспитанъ. Иногда будетъ онъ съ сожалѣніемъ воспоминать объ удовольствіяхъ столицы и о средствахъ, которыя находятся тамъ для образованія разума. И въ деревнѣ не всегда можетъ онъ скрыться отъ скуки; часто онъ долженъ принимать къ себѣ своихъ сосѣдей, которые будутъ разсказывать ему о своихъ ссорахъ и тяжбахъ, выбирать его посредникомъ и мучить своими приглашеніями.

И такъ какое бы мѣсто ни избрали мы себѣ жилищемъ, нигдѣ не можемъ найти совершеннаго щастія: ибо оно зависитъ не столько отъ мѣста, сколько отъ насъ самихъ. Кто умѣетъ зани-

маться, быть выше людскаго мнѣнія и смотрѣть съ снизхожденіемъ на слабости людей, тотъ вездѣ можетъ жить щастливо.

Не довольно удалиться отъ свѣтскаго шуму, чтобъ быть щастливымъ; иногда нужно предаваться совершенному уединенію. Въ уединеніи мы принадлежимъ самимъ себѣ: тогда наслаждаемся мы сладостными ощущеніями, которыя доставляются намъ размышленіемъ, воспоминаніями и надеждами. Всѣ тѣ, которые одарены добрымъ сердцемъ и живымъ воображеніемъ, безъ сомнѣнія почитаютъ часы, проведенные ими въ уединенныхъ прогулкахъ, въ числѣ щастливѣйшихъ часовъ своей жизни.

Часто вкушалъ я совершенное блаженство, но я признаюсь, что сладостнѣйшія ощущенія онаго я имѣлъ не въ нѣдрахъ моего семейства, не посреди друзей моихъ. Я чувствовалъ потребность находиться, на нѣсколько времени, въ удаленіи отъ всякаго общества, и быть, такъ сказать, одному съ моимъ щастіемъ. Я искалъ такого мѣста, гдѣ бы я ничего не видѣлъ, кромѣ природы,—гдѣ бы меня никто не видѣлъ, кромѣ

Творца ея. Тамъ, воспоминая мои радости, увѣрясь, что не сновидѣнія, не мечты обольщаютъ меня, я переставалъ размышлять, думать и только чувствовалъ мое блаженство. Когда я приходилъ въ себя, то первое чувство, которое находилъ я въ своемъ сердцѣ, было пламенное желаніе содѣлать тѣхъ людей, которыми я любимъ, столь же щастливыми, сколько былъ я въ то время. Послѣ сихъ-то обворожительныхъ часовъ узнавалъ я, что всѣ плоды честолюбія, тщеславія, корысти, суть не иное что, какъ тѣнь удовольствія, и никогда не въ состояніи дать понятія о томъ щастіи, которымъ человѣкъ наслаждаться можетъ.

Иногда, побуждаемый другимъ чувствованіемъ, я предавался уединенію, что бы облегчить снѣдающую меня скорбь. Оно было моимъ утѣшителемъ. Въ мѣстахъ уединенныхъ господствуетъ какое-то спокойствіе, которое истребляетъ безпокойство душевное; и можетъ быть, человѣкъ менѣе имѣетъ слабостей по мѣрѣ удаленія своего отъ пребыванія людей.

Уединеніе должно быть пріятно и

въ то время, когда душа не ощущаетъ ни радостей, ни печалей. Воображеніе становится въ немъ живѣе, надежды производятъ болѣе сладостныхъ мечтаній; словомъ сказать, въ немъ научаются познавать всѣ прелести задумчивости.

Когда удовольствія наши очень сильны, то съ ними соединяется умиленіе. Рожденіе дитяти, выздоровленіе отца, возвращеніе друга извлекаютъ слезы изъ глазъ нашихъ. Природа даетъ иногда удовольствію нѣкоторые знаки печали; кажется, что, опредѣливъ намъ испытывать попеременно оба сіи чувствованія, она хотѣла сдѣлать не столь ощутительнымъ переходъ отъ одного къ другому.

Не тѣ воспоминанія самыя пріятнѣйшія для насъ, которыя могутъ возбуждать въ насъ веселость, какъ напримѣръ воспоминаніе о шумныхъ увеселеніяхъ и праздникахъ; но тѣ, съ которыми соединяется умиленіе: воспоминанія нашего дѣтства, первой любви, опасностей, которыхъ избѣжали мы, добра, которое сдѣлано нами. Вспомните щастливѣйшую минуту своей жизни — и вы почувствуете умиленіе.

Не будемъ смѣшивать задумчивости съ мыслями мрачными; онѣ мало между собою сходствуютъ и ихъ дѣйствія весьма различны. Сочиненія страшныя, которыя въ разное время хотѣли ввести въ моду, могутъ производить ту задумчивость, которую должно исцѣлять искусствомъ; но никогда не произведутъ той, которая нравится душамъ истинно чувствительнымъ. Съ трудомъ могу повѣрить, что нѣкоторые думали вдохнуть ее странными драмами и ужасными романами, въ которыхъ гнусныя лица представляютъ отвратительныя дѣйствія. Не ужели, по вашему мнѣнію, эта большая фигура, блѣдная и изсохшая, покрытая саваномъ, изображаетъ Меланхолію?... Изображеніе Меланхоліи есть изображеніе невинности; сладостныя мечтанія ее занимаютъ; въ глазахъ ея появляются слезы, а на устахъ улыбка.

Люди, которые стараются увеличивать ужасы могилъ, дожидаясь ночи, чтобъ ихъ посѣщать, и терзая воображеніе свое, чтобъ населить ихъ призраками, сіи люди имѣютъ душу холодную. Естьли они одарены чувствительностію,

то за чѣмъ употреблять столько усилій, чтобъ быть тронуту.

Въ прошломъ году я былъ на кладбищѣ. Я увидѣлъ много памятниковъ съ надписями. Сей видъ меня поразилъ. Хорошо, думалъ я, что мертвые не забыты тѣми, которые ихъ пережили: и ихъ также будутъ помнить. Я со вниманіемъ прочелъ множество надписей, въ числѣ коихъ есть много трогательныхъ. Въ одной говоритъ отецъ, что у него было пятеро дѣтей и что сія могила, скрываетъ послѣдняго, который ему оставался. Въ другой отецъ съ матерью говорятъ, что дочь ихъ умерла на семнадцатомъ году, будучи жертвою безразсудной моды. Я былъ сильно тронутъ, однакожъ находилъ нѣкоторое удовольствіе раздѣлять грусть тѣхъ семействъ, которыхъ познавалъ я нещастія, и платить имъ ту дань, которую они требовали отъ прохожаго, приведеннаго случаемъ въ сіе мѣсто. Одно обстоятельство оставило во мнѣ горестное чувство. Я замѣтилъ, что родители воздвигнули много памятниковъ своимъ дѣтямъ, мужья женамъ, жены мужьямъ; но что

только два памятника было сдѣлано дѣтьми отцамъ.

Можно иногда наслаждаться прелестями задумчивости на развалинахъ и гробницахъ; но привычка видѣть печальные предметы опасна. Она притупляетъ чувствительность и побуждаетъ всегда искать сильныхъ ощущеній; сверхъ того она питаетъ душу мрачными мыслями, несовмѣстными съ совершеннымъ щастіемъ. Я знаю, что есть такіе люди, которые, ничего не желая кромѣ смерти, могутъ находить нѣкоторое утѣшеніе въ предметахъ печальныхъ. Юнгъ, лишась своей дочери и просивъ тщетно уголка земли для сей нещастной, былъ принужденъ самъ приготовить ей могилу. Юнгъ могъ убѣгать людей и любить только ночь, уединеніе и гробы. Такимъ-то образомъ иные осуждены злополучіемъ своимъ питать вѣчную и мрачную задумчивость. Но тѣ, которые напрягаютъ воображеніе свое, желая подражать имъ, смѣшны и скучны. Ежели имъ пріятно притворяться нещастными, я не хочу лишать ихъ этого удовольствія; но будемъ остерегаться, чтобъ не жертвовать своимъ щастіемъ смѣшному удо-

вольствію отличаться своею странностію.

Нужно ли окружать себя гробами, чтобъ извлекать слезы изъ глазъ своихъ? Всѣ предметы могутъ возбуждать въ насъ печальныя мысли, когда станемъ разсматривать ихъ глазами Философа. Чтобъ почувствовать печаль, не довольно ли помыслить о томъ, что человѣкъ гонится за мечтами? Не довольно ли помыслить о томъ, съ какою быстротою изчезаютъ наши удовольствія?

Р.

Горацiева ода къ Лицинiю.

(Rectius vives Licini).

Коль хочешь щастливъ быть, Лициній, не стремися
Всегда въ открытый понтъ; но также не всегда
Въ унылой робости близь берега держися.
Какъ дерзость, такъ и страхъ опасенъ иногда.

*

Умѣетъ кто найти посредственность златую,
Далекъ отъ зависти и сожалѣнья тотъ:
Ни пышный онъ Дворецъ, ни хижину простую
Въ жилище никогда себѣ не изберётъ.

*

Валится гордый дубъ, сраженный Аквилономъ;
Гроза свирѣпствуетъ сильнѣе на горахъ,
И съ трескомъ падаютъ низверженные Крономъ
Тѣ башни, что главы скрывали въ облакахъ:

*

Мудрецъ, предвидящій перевороты рока,
Спокоенъ въ щастiи, спокоенъ среди бѣдъ.
Не вѣчно царствуетъ въ поляхъ зима жестока;
Прелестная весна всегда спѣшитъ ей въ слѣдъ.

Сегодня, злобною судьбою угнетённый,
Заутра ожидай улыбки щастья ты.
Не вечно Аполлонъ лукъ держитъ напряженный
И часто по струнамъ звучатъ его персты.

Коль буря грозная въ валахъ тебя застанетъ,
Мужайся и руля изъ рукъ не выпускай;
Но также и—когда попутный вѣтръ потянетъ—
Не всѣ вѣтрила распускай.

Н. Федоровъ.

Къ Меценату.

Когда лютѣйшій сынъ, корыстью ослѣпленный,
Прерветъ родителя преклонны дни священны:
Для изверга сего извлечь бы должно въ ядь
Чесночный злѣйшій огнь, а не цикуты хладь.

Пусть каменная чернь чеснокъ употребляетъ!
Онъ внутренность мою палитъ и разрываетъ,
Какъ бы сосалъ въ землѣ змѣй ядовитыхъ кровъ,
Или отравщицы въ немъ тлился злобный ковъ.

Не сокомъ ли его Медея окропила
Язона, чтобъ предъ нимъ смирилась злая сила?
И не его ль огонь влила въ коварный даръ,
Чтобъ сжечь совмѣстницу, произвести пожаръ?

Подъ небомъ пламеннымъ Апуліи безводной
Не можетъ моему найтиться жаръ подобной;
Не большимъ пламенемъ въ одеждѣ роковой
И самъ Ираклъ сгоралъ, свершивши трудъ земной.

Но вѣдай, Меценатъ, что кушанье такое
Впредь за меня тебѣ готовитъ мщенье злое:
Ты будешь милыхъ устъ лобзанія лишенъ
И на одрѣ любви уснешь уединенъ.

А. Бируковъ.

Къ моимъ друзьямъ, Ж. Б. и С.

Гдѣ вы товарищи — друзья?
Кто разлучилъ соединенныхъ
Душой, руками сплетенныхъ?
Одинъ безъ сердцу драгоцѣнныхъ,
Одинъ теперь тоскую я!

✲

И можетъ быть, сей сердца стонъ
Вотще по воздуху несется,
Вотще средь ночи раздается;
До васъ онъ, можетъ, не коснется,
Не будетъ вами слышенъ онъ!

✲

И можетъ быть, въ сей самый часъ,
Какъ ночи сонъ трекожитъ вьюга,
Одинъ изъ васъ въ борьбахъ недуга,
Угасшимъ гласомъ имя друга
Въ послѣдній произноситъ разъ!

✲

Почій, счастливецъ, кроткимъ сномъ!
Стремлюсь надеждой за тобою...
Отъ бури, ты идешь къ покою.
Пловецъ, томившійся грозою,
Усни на берегу родномъ!

Но долго ль васъ, друзья, мнѣ ждать?
Когда просвѣтитъ день свиданья?
Иль — жертвы вѣчнаго изгнанья —
Не будемъ чаши ликованья
Другъ другу мы передавать?

✡

Иль суждено, чтобъ сердца хладъ
Уже во мнѣ не согрѣвался,
Какъ вѣтръ въ пустынѣ стонъ терялся,
И съ взглядомъ друга не встрѣчался
Бродящій мой во мракѣ взглядъ?

✡

Давноль съ любовью пополамъ
Плели намъ рѣзвыя Хариты
Вѣнки, изъ свѣжихъ розъ увиты,
И пѣли юные Піиты
Гимнъ благодарности Богамъ?

✡

Давно ль?— И сладкій сонъ исчезъ!
И Гимны наши—голосъ муки,
И дни восторговъ — дни разлуки!—
Вотще возносимъ къ небу руки,
Пощады нѣтъ намъ отъ небесъ!

✡

А вы товарищи — друзья
Явитесь мнѣ хоть въ сновидѣньи,
И оживя въ воображеньи
Часовъ протекшихъ наслажденьи,
Обманомъ счастливъ буду я!

Но вотъ ужъ мракъ сошелъ съ полей,
И вьюга съ ночью удалилась,
А васъ душа не допросилась;
Зарей окрестность озлатилась....
Приштиль когда зари моей?

К. В.

Вологда.
Октябрь, 1812 году.

*Посланіе къ П. Н. П****

Любезный родственникъ, Поэтъ и Камергеръ!
Пожалуй на досугѣ
Похлопочи о другѣ!
Ты знаешь мой манеръ;
Хозяинъ я плохой и не на мѣстѣ вѣчно;
То въ Питерѣ живу, шатаюсь то въ Москвѣ,
И скоро—проживусь конечно;
Подъ часъ приходитъ жутко мнѣ....
Но дѣло не о томъ. Башмашникъ мой, повѣса,
Картежникъ, пьяница, въ больницу отданъ былъ,
И чтожъ? Отъ доктора онъ лыжи навострилъ,
Въ Тверской губерніи поиманъ среди лѣса
Въ Іюнѣ мѣсяцѣ, подъ стражу тотчасъ взятъ,
И скоро, по дѣламъ, онъ въ рекруты назначенъ.
Я очень радъ,
Что онъ солдатъ;
Онъ молодъ, силенъ, взраченъ,
И строгій Капитанъ исправитъ въ мигъ его;
Но мнѣ квитанцію взять должно за него.
Башмашника зовутъ Кузьмою,
Отецъ его былъ Фролъ, прозваньемъ Карпушовъ,
И такъ, безъ лишнихъ словъ,
Скажу, что новому герою
Желаю лавровъ я, квитанціи себѣ.
Въ селеніи моемъ, благодаря судьбѣ,

Хотя крестьяне пьютъ, за то трудятся,
пашутъ;
Пусть съ радости поютъ и пляшутъ,
Узнавъ, что отдали въ солдаты бѣглеца,
И что остался сынъ у бѣднаго отца.
Отвѣтствуй мнѣ скорѣй, хоть прозой, хоть
стихами,
Но будь здоровъ и помни обо мнѣ.
Въ прелестной юности содѣлавшись друзьями,
Въ какой бы не былъ ты странѣ,
Повѣрь, что мысль моя стремится за тобою;
И если лѣтнею порою,
Поѣду въ Питеръ я, останусь дни два, три;
У друга моего въ Твери;
Возсяду съ лирой золотою
На Волжскихъ берегахъ крутыхъ
И тамо, съ пламенной душою,
Блаженство воспою я жителей Тверскихъ.

Пушкинъ.

Любовь и мудрость.

(Подражаніе.)

Неосторожное дитя
Амуръ однажды разшалился,
И темнымъ вечеркомъ за Нимфами бродя,
Набрелъ на яму — оступился.
И въ ямѣ онъ сидитъ — разплакался, взмолился
Минервѣ: (а она по близости спала
Въ сосѣднемъ храмѣ)
„Помилуй, помоги!“—На крикъ его пришла,
Да только безъ свѣчи, Минерва къ ямѣ,
И руку помощи подавъ Божку,—
Не плачь, голубчикъ мой! Богиня говорила;
Охотно бъ я тебѣ и посвѣтила;
Да вотъ что: вѣдь тебѣ, любезному дружку,
Когда бы все увидѣть ясно;
Не приносилъ бы ты намъ радость, но всечасно
Ввергалъ въ мученье и въ тоску.

А. В.

Эротъ, Юноша и Минерва.

Однажды юноша, занявшись,
Задумчивъ съ книгою сидѣлъ;
Эротъ изъ за двери подкравшись,
Стрѣлой сразить его хотѣлъ.
Минерва юношу укрыла
Щитомъ, сказавши: *занятъ онъ!*
Эротъ вздохнувъ, вложилъ уныло
Стрѣлу въ колчанъ и вышелъ вонъ.

И. В.

Эпиграмма.

„Что изъ деревни ты такъ скоро возвратился?",
—Ахъ! страшно умирать въ цвѣтущія лѣта!—
„Чего же струсилъ ты?" — Чуть жизни не лишился;
Въ моемъ селѣ падежъ *рогатаго скота.*

Н.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Шиллерово разсужденіе о Высокомъ.

„Kein Mensch muſs müſsen (человѣку не должно по неволѣ начинать что нибудь),“ говоритъ Наѳанъ Дервишу (*); и изреченіе сіе, въ смыслѣ обширнѣйшемъ, нежели какъ думаютъ, справедливо. *Воля* есть то, что отличаетъ человѣка отъ другихъ тварей; ибо и самый разумъ въ немъ есть ничто иное, какъ правило воли. Разумно поступаетъ (т. е. сходственно съ разумомъ дѣйствуетъ) вся природа: человѣка же преимущество въ томъ, что онъ по совѣсти и по волѣ поступаетъ разумно. Всѣ другія вещи принужденіемъ управляются: человѣкъ управляется хотѣніемъ.

Потому то самому недостойнѣйшій съ человѣкомъ поступокъ есть приневоливаніе, или принужденіе его силою; ибо оно, уничтожая свободу, уничтожаетъ самаго человѣка. Кто принуждаетъ насъ

(*) Въ Лессинговой Трагедіи Nathan der Weiſe (*Наѳанъ премудрый*), на отзывъ Дервиша „ich muſste“—говоритъ Наѳанъ вышеприведенныя слова.

силою, оспориваетъ намъ драгоцѣннѣйшее достояніе наше — человѣчество. Кто малодушно дѣлаетъ что по неволѣ, отвергаетъ свое человѣчество. Но таковое требованіе, оставаться совершенно свободнымъ отъ приневоливанія, предполагаетъ существо одаренное достаточною силою, для отраженія силы чуждой; ежели же требованіе сіе возродится въ такомъ существѣ, которое не есть могущественнѣе всѣхъ окружающихъ его, то произойдетъ изъ того токмо нещастная распря между желаніемъ и возможностію.

И въ таковомъ положеніи находится человѣкъ. Окруженный толь многими силами, кои всѣ его могущественнѣе и коихъ онъ бываетъ игралищемъ, требуетъ онъ по природѣ своей не быть ни отъ которой изъ нихъ одолѣннымъ. Правда, что онъ посредствомъ ума искуственно возвышаетъ естественныя свои силы, и до извѣстной степени дѣйствительно удается ему физически господствовать надъ всѣмъ физическимъ же. Отъ всего, кромѣ отъ смерти, избавиться можно; говоритъ пословица. Но сіе единственное исключеніе — ежели подлинно оно

шаково въ строгомъ смыслѣ—рушило бы все поняшіе о свободѣ человѣческой. Не будешъ человѣкъ уже существомъ, которое управляется хотѣніемъ, ежели хотя одинъ останешся случай, въ коемъ онъ непремѣнно долженъ несши то, чего не хотѣль бы. Сіе одно страшное, гдѣ онъ *не хочетъ*, *а долженъ*, повсуду будешъ подобно привидѣнію сопутствовашь, и предавашь его—что и бываешъ съ большою частію людей—въ добычу слѣпымъ страхамъ воображенія. Хваленая его, *неограниченно* понимаемая, свобода, вся будешъ ничтожна, ежели онъ въ одномъ только пункшѣ связанъ. Инакъ надлежишъ, чтобъ *образованіе* (или *воспитаніе нравственное*) сдѣлало человѣка свободнымъ и помогло ему достичь предполагаемаго имъ совершенства человѣческаго. Опъ *образованія* долженъ человѣкъ получишь возможность поступашь по своей волѣ; ибо человѣкъ есшь существо, которое управляется хотѣніемъ.

А сіе двоякимъ образомъ возможно, либо *вещественно*, когда человѣкъ силѣ противупоставляешъ силу: когда онъ какъ вещество, другія вещества превоз-

могаетъ; либо *мысленно*, когда онъ изъ границъ вещества выступаетъ, и такимъ образомъ, относительно къ себѣ, уничтожаетъ идею *силы*. Къ первому приводится онъ *образованіемъ физическимъ*, когда воздѣлаетъ въ себѣ смыслъ и чувственныя способности до того, что, либо умѣть будетъ обращаться съ окружающими его силами Естества, какъ бы съ орудіями собственной своей воли,—познавши законы, коими онѣ управляются; либо умѣть будетъ предохранять себя отъ такого ихъ дѣйствія, коимъ онъ самъ управлять не можетъ. Но силы Естества допускаютъ собою управлять или себя отводить до извѣстной токмо степени: преступивъ за оную, посмѣваются онѣ власти человѣка, и подклоняютъ его подъ свою.

Тутъ бы ему слѣдовало потерять свободу, ежели бы онъ неспособенъ былъ ни къ какому другому образованію кромѣ физическаго. Но онъ долженъ безъ изъятія быть человѣкомъ; слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не долженъ приневоливаться. А когда онъ не возможетъ уже чуждымъ силамъ физическимъ противупоставить собою равную физичес-

кую же силу, тогда одинъ только останется ему способъ противъ насилія, а именно: прервать совершенно сіе столь невыгодное для себя *отношеніе*, и—насиліе *въ самой вещи* претерпѣваемое, *въ понятіи* или *въ умѣ* уничтожить, а уничтожить *въ умѣ* дѣйствіе силы какой либо чуждой, не иное что значитъ, какъ принять на себя оное добровольно. Образованіе, его къ сему ведущее, называется нравственнымъ.

Нравственно образованный человѣкъ, и онъ только одинъ, совершенно свободенъ. Онъ, либо силами превосходитъ окружающую его вещественную природу, либо уступаетъ превосходству силъ ея, и въ такомъ случаѣ все, что она надъ нимъ ни дѣлаетъ, не есть насиліе: поелику еще прежде нежели до него коснется, превращается оно уже въ *собственное* его добровольное *дѣяніе*, и природа *динамическая* (силами своими вооруженная) никогда сама до него не досягаетъ, потому что онъ отъ всего, до чего она досягнуть можетъ, произвольно отрѣшается. Но сей образъ мыслей, которому учитъ философія, называя оный покореніемъ себя необходимости, а рели-

гія — преданіемъ себя въ волю Божію, — сей образъ мыслей, чтобъ быть въ человѣкѣ плодомъ единаго разсудка и свободнаго выбора, предполагаетъ въ немъ большую ясность мыслей и высшую бодрость воли, нежели каковыя ему даны въ обыкновенномъ кругу житейскомъ. Однако же есть, по счастію, не только въ духовномъ его естествѣ моральная способность, которая можетъ воздѣлана быть разумомъ; но и въ чувственно-умномъ, т. е. въ *человѣческомъ* его естествѣ, направленіе къ тому Эстетическое, которое пробуждается отъ извѣстныхъ чувственныхъ предметовъ, и чрезъ посредство очищенныхъ въ немъ чувствъ, къ сему мысленному восторгу души возпаряетъ. О сей-то по понятію и по существу своему мысленной (идеальной) токмо способности, которую однако и сами Реалисты (вещественники) въ житейскихъ опытахъ довольно ясно на себѣ обнаруживаютъ, хотя въ системѣ своей ея не признаютъ (*), — о сей-то способности нынѣ говорить буду.

(*) Какъ и вообще нѣтъ ничего такого во всемъ, что называютъ совершенно идеальнымъ, чего бы совершенный Реалистъ не познавалъ дѣйствительно въ

Уже и однѣ разкрывшіяся въ насъ чувствованія изящнаго или прекраснаго достаточны къ содѣланію насъ до извѣстной степени независимыми отъ природы *динамической*. Душа, которая до того уже облагородствована, что болѣе бываетъ тронута формою, нежели матеріею вещей, и которая, не ища ни мало обладанія ими, отъ одного размышленія о образѣ ихъ явленія не принужденное почерпаетъ веселіе, — такая душа носитъ сама въ себѣ внутреннее неизтощимое обиліе жизни, и поелику она не имѣетъ нужды присвоивать себѣ окружающіе ее предметы, то и не страшится потери ихъ. Но наконецъ, и для всякаго явленія формы или вида, нужно тѣло, на поверьхности коего видъ образуется; а съ потребностію прекрасныхъ видовъ будетъ потребно бытіе самихъ предметовъ, и слѣдственно спокойствіе наше еще останется зависящимъ отъ природы какъ отъ *силы*, виновницы всякаго бытія. Ибо великая разность въ томъ, когда мы желаемъ, чтобъ только доброе и изящное намъ представлялось;

практикѣ самъ на себѣ, но что онъ по несоображенію только отрицаетъ въ теоріи.

или когда желаемъ только, чтобъ представляющееся намъ было добро и изящно. Послѣднее желаніе совмѣстно съ величайшею свободою духа; первое напротивъ. Чтобъ въ представляющихся намъ предметахъ видѣть изящное и доброе, это отъ насъ зависитъ; и мы этого отъ себя можемъ требовать. Но чтобъ изящные и добрые тотчас предметы были намъ представляемы, этого, — какъ не отъ насъ зависящаго — можемъ мы только желать. То состояніе духа, которое симъ безплоднымъ желаніемъ не занимается и не заботится, существуетъ ли изящество, доброта и совершенство, но которое со строгою разборчивостію требуетъ, чтобъ существующее было изящно добро и совершенно,—называется по превосходству *высокимъ* и *величественнымъ*; потому что обладаетъ всѣми тѣми же наслажденіями, какими и *чувство изящнаго*, не имѣя тѣхъ же неудобствъ.

Знакъ добрыхъ и изящныхъ, но притомъ всегда слабыхъ душъ, есть: нетерпѣливо настоять, чтобъ нравственные ихъ идеалы сбылись на дѣлѣ, и при всякомъ встрѣтившемся тому препятствіи

поражаться горестью. Такіе люди приводятъ себя въ печальную зависимость отъ случая, и навѣрно положить можно, что они, какъ въ морали, такъ и въ эстетикѣ, слишкомъ много слушаются своей плоти, и не выдержатъ надъ собою высочайшей пробы характера и вкуса. Недостатки моральные не должны причинять намъ страданія и горести, кои всегда болѣе означаютъ неудовлетвореніе плоти, нежели неудовольствіе духа. Послѣднее сопровождается бодрственнѣйшимъ чувствомъ, и долженствовало бы паче скрѣпить душу и придать ей твердости, нежели дѣлать насъ малодушными и несчастными.

Двухъ геніевъ дала намъ природа вожатыми на жизненскомъ поприщѣ. Одинъ, дружелюбный и кроткій, веселыми играми сокращаетъ намъ трудный путь, содѣлываетъ для насъ легкими цѣпи необходимости, и ведетъ насъ, между радостями и забавами, до опасныхъ мѣстъ, гдѣ уже опредѣлено дѣйствовать намъ какъ чистымъ духамъ, сложа съ себя все плотское; — ведетъ до познанія истины и до исполненія долга. Тутъ онъ оставляетъ насъ, ибо только чувственный

міръ есть область его; за рубежи онаго не можетъ прелетѣть бренное его крило. Но тогда заступаетъ мѣсто его другой, строгъ и безмолвенъ, и сильною мышцею переноситъ насъ чрезъ бездонную пучину.

Въ первомъ изъ сихъ геніевъ узнаемъ чувство изящнаго или прекраснаго, во второмъ чувство высокаго или возвышеннаго. И ощущеніе красоты есть уже признакъ свободы; но не той, которая возноситъ насъ надъ область натуры вещественной, и отъ всякаго тѣлеснаго вліянія освобождаетъ, а той, которою мы въ предѣлахъ сей натуры, человѣчески, наслаждаемся. Мы чувствуемъ себя свободными при *изящномъ*, потому что тутъ чувственныя склонности наши согласуются съ законами разума; мы чувствуемъ себя свободными при *высокомъ*, потому что тутъ чувственныя склонности не имѣютъ ни власти ни вліянія на законодательство разума; потому что тутъ душа такъ дѣйствуетъ какъ будто бы ни отъ кого, кромѣ отъ себя самой не принимала законы.

Чувство высокаго есть смѣшенное чувство. Смѣсь горести, коей высшая

степень есть трепетный ужасъ, и радости, которая достичь можетъ до восхищенія, и хотя не есть въ собственномъ смыслѣ *удовольствіе* или *услажденіе*, однако же для душъ тонко чувствующихъ несравненно предпочтительнѣе всякаго услажденія. Сіе совмѣщеніе двухъ несогласныхъ ощущеній въ одномъ чувствѣ, доказываетъ моральную нашу самосущность неопровержимымъ образомъ. Ибо какъ само по себѣ невозможно, чтобъ одинъ и тотъ же предметъ состоялъ въ двухъ противуположныхъ къ намъ отношеніяхъ, то и слѣдуетъ, что *мы сами* въ двухъ разныхъ состоимъ отношеніяхъ къ предмету: что слѣдовательно два противоположныя естества должны въ насъ соединены быть и принимать въ себя представленія предметовъ совершенно противнымъ другъ другу образомъ. И такъ узнаемъ мы по *чувству высокаго*, что состояніе духа нашего не имѣетъ необходимаго съ состояніемъ плоти соотношенія; что законы Физическіе не суть необходимо законами для насъ, и что мы самобытное имѣемъ въ себѣ начало, отъ чувственныхъ движеній независящее.

Предметъ высокаго можетъ разсматриваться въ двоякомъ отношеніи. Либо относимъ мы его къ разуму нашему и признаемъ за невозможное вмѣстить его въ воображеніи, или составить о немъ понятіе. Либо относимъ мы его къ душевнымъ силамъ нашимъ, и признаемъ въ немъ могущество, предъ коимъ наша мочь изчезаетъ. Однако не смотря на то, что мы по дѣйствію его въ обоихъ случаяхъ дознаемъ мучительное чувство ограниченности нашей: не убѣгаемъ мы высокаго, а еще привлекаемся къ нему непреодолимою силою. Могло ли бы сіе статься, когда бы границы воображенія нашего были пропомъ и границами нашего разумѣнія? Могли ли бы мы охотно принимать напоминаніе о самовластныхъ надъ нами силахъ природы, естьли бы не имѣли въ самихъ себѣ нѣчто не могущее имъ стать добычею? Мы находимъ утѣху въ изображеніяхъ безконечнаго для чувствъ: потому что мы еще думать о томъ можемъ, чего уже не принимаютъ чувства и не вмѣщаетъ понятіе. Мы одушевляемся при видѣ ужаснаго: потому что еще хотѣть можемъ того, отъ чего плоть отвращается, и

отвергать то, чего она желаетъ. Охотно позволяемъ мы воображенію въ царствѣ явленій находить себѣ предѣлы; ибо все это значитъ только то, что одна чувственная сила другую чувственную же силу превозмогаетъ. Но до существующаго въ насъ самихъ неограниченно-великаго ни вся натура во всей безпредѣльности своей досягнуть не можетъ. Охотно покоряемъ мы физической необходимости благоденствіе и бытіе наше; увѣрены будучи, что ей не дано располагать правилами дѣяній нашихъ: человѣкъ находится въ рукахъ ея, но воля человѣка въ собственныхъ его рукахъ.

И такимъ образомъ употребила природа даже чувственное средство къ наученію насъ, что мы болѣе нежели чувственны. Такимъ образомъ умѣла она воспользоваться самыми ощущеніями, дабы насъ направить на стезю онаго открытія, что мы отнюдь не должны быть рабами ощущеній. И сіе есть совсѣмъ иное дѣйствіе, нежели каковое красота или изящность произвести можетъ. Красота, говорю, вещественная; ибо въ мысленной красотѣ или изящности и высокое даже заключается. При красотѣ

вещественной разумъ и чувственность другъ съ другомъ согласны, и по причинѣ сего-то согласія красота насъ плѣняетъ. Но за тѣмъ также, по единой только красотѣ, не узнать бы намъ вѣкъ, что мы назначены и способны явить себя неподвластными плоти, чистыми духами. При высокомъ напротивъ того, разумъ съ чувственностію не согласуются. И въ этомъ-то самомъ раздорѣ ихъ состоитъ очарованіе, каковымъ душу нашу объемлетъ созерцаніе высокаго. Здѣсь физическій человѣкъ отъ нравственнаго человѣка самымъ рѣзкимъ образомъ отдѣляется; ибо у такихъ именно предметовъ, гдѣ первый чувствуетъ только ограниченность свою, получаетъ другой случай испытать свои силы, а чрезъ самое то безконечно возвышается, чѣмъ другой пригнѣтенъ ко праху.

Вообразимъ себѣ человѣка имѣющаго всѣ добродѣтели, изъ сліянія коихъ состоитъ характеръ *изящный*. Положимъ, что онъ въ томъ свое удовольствіе находитъ, чтобъ быть правдивымъ, благодѣтельнымъ, воздержнымъ, твердымъ и вѣрнымъ. Всѣ обязанности, налагаемыя ему обстоятельствами, да будутъ для

него легки и пріятны, и фортуна да не затруднитъ ему никакого дѣла, къ которому бы только подвигнулось сердце его человѣколюбивое. Кого не восхититъ толь изящное согласіе природныхъ склонностей съ предписаніями разума, и кто не полюбитъ такого человѣка? Но можемъ ли мы, при всей къ нему приверженности, точно увѣрены быть, что онъ въ истинномъ смыслѣ человѣкъ добродѣтельный и что его примѣромъ доказывается вообще существованіе добродѣтели? Ежели сей человѣкъ искалъ только пріятныхъ для себя ощущеній, то онъ не могъ, не бывъ безумцемъ, поступать иначе; и былъ бы ненавистникомъ собственной своей пользы, ежели бы вдался въ пороки. Можетъ быть и основаны дѣянія его на безкорыстіи: но объ этомъ судиться ему съ собственнымъ своимъ сердцемъ; не намъ знать это. Мы видимъ его исполняющаго только то, что исполнить долженъ человѣкъ *благоразумный*, обожатель своего токмо удовольствія. Слѣдовательно плотію или чувственностію изъясняется весь феноменъ его добродѣтели; и намъ со всѣмъ не нужно искать причину ея внѣ плоти.

Но сей самый человѣкъ вдругъ, положимъ, впалъ въ великое несчастіе. Лишенъ имущества, добраго имени, — недугами поверженъ на мучительный одръ, — всѣхъ, кои ему любезны были, видитъ смертію похищенныхъ, — всѣхъ, коимъ онъ довѣрялъ, видитъ покидающихъ его въ нуждѣ. Въ такомъ состояніи поищемъ его, и потребуемъ теперь отъ несчастнаго исполненіе тѣхъ добродѣтелей, къ которымъ счастливый столько прежде готовъ бывалъ. Ежели въ семъ пунктѣ найдемъ мы его по прежнему; ежели бѣдность не умалила въ немъ благотворительности, людская неблагодарность—услужливости, болѣзнь—твердости, собственное бѣдствіе—участія принимаемаго въ чужомъ благѣ; если перемѣна его обстоятельствъ примѣтна только по его наружности, а не поступкамъ, по скуднѣйшему составу его дѣлъ, а не по худшему ихъ образу. Тогда конечно нельзя уже изъяснить сего понятіями въ Физикѣ почерпнутыми (по коимъ необходимо требуется, чтобъ настоящее основывалось на прошедшемъ, какъ дѣйствіе на причинѣ): нельзя,—поелику самое явное противорѣчіе было бы, пола-

гать, что тоже дѣйствіе произходитъ отъ другой уже несогласной съ прежнею причиною. И такъ надобно отложить всякое при этомъ физическое изъясненіе, и не приписывая вовсе обстоятельствамъ или впечатлѣнію предметовъ таковое поведеніе, искать лучше причину онаго не въ порядкѣ міра вещественнаго, а въ порядкѣ инаго міра, до коего разумъ идеями своими хотя и долетаетъ, но коего не можетъ чувственность вмѣстить въ свои понятія. Сіе открытіе неограниченной нравственной силы независящей отъ условій физическихъ, придаетъ горестному чувству, при видѣ такаго человѣка нами овладѣвающему, ту особенную не-изъяснимую прелесть, которая находится въ высокомъ, и кромѣ его нигдѣ — ни въ какомъ чувственномъ удовольствіи, коль бы оное ни утонченно было.

И такъ *чувство высокаго* служитъ намъ способомъ выйти изъ чувственнаго міра, въ которомъ *красота* охотно бы желала навсегда задержать насъ плѣнными. Не мало помалу (ибо отъ зависимости нѣтъ постепеннаго перехода къ свободѣ), но вдругъ, и чрезъ потрясеніе

изторгаетъ оно самосущный духъ изъ сѣтей сплетенныхъ ему утонченною чувственностію и кои тѣмъ неразрывнѣе, чѣмъ тоньѣе ихъ сплетеніе. Хотя бы чувственность, непримѣтнымъ вліяніемъ изнѣженнаго вкуса, столько уже взяла власти надъ человѣкомъ,—хотя бы удалось ей уже подъ обольстительною личиною *красоты духовной* вкрасться въ сердце, и завладѣвъ тамо престоломъ законодательства нравственнаго, отправить святость правилъ въ самомъ ихъ источникѣ — бываетъ однако нерѣдко одинъ ударъ *высокаго* достаточенъ къ тому, чтобъ разторгнуть сіе сплетеніе обмана и возвратить связанному духу однимъ разомъ опять всю его упругость, представить ему предъ очи истинное предопредѣленіе его, и принудить его хотя на минуту возчувствовать свое достоинство. Красота, подъ именемъ богини Калипсы, очаровала сына Улиссова и могуществомъ прелестей своихъ долгое время удерживала его на островѣ своемъ плѣннаго. Долго мечталъ онъ безсмертному въ ней Божеству воздавать почтеніе, обожая токмо Роскошь. — *Новысокое* впечатлѣніе мгно-

венно обымаетъ его во образѣ Ментора: онъ воспоминаетъ благороднѣйшее предопредѣленіе свое, бросается въ волны и становится свободенъ.

(*Окончаніе впредь*)

III. КРИТИКА.

Похвальное слово Императору Петру Великому, отцу отечества, мудрому преобразователю Россіи. — Сочиненное Гатчинскимъ первой гильдіи Купцомъ Григорьемъ Зубчаниновымъ 1811 года. С. П. Б. въ Типографіи И. Байкова, 1812 года.

Купецъ-*литтераторъ*, есть рѣдкое явленіе не только въ Россіи, но даже и въ шѣхъ странахъ, гдѣ ученость давно процвѣтаетъ, и на множайшія состоянія разпространяется. Тѣмъ любопытнѣе видѣть опытъ Рускаго купца въ такомъ родѣ сочиненій, который почитается однимъ изъ труднѣйшихъ, — витійствѣ. Читатель, можетъ быть, такъ какъ и рецензентъ, съ сомнительною улыбкою разкрылъ сочиненіе Гна Зубчанинова; не ожидая чтобъ *купецъ* могъ написать въ этомъ родѣ что нибудь путное, когда уже и записные авторы неудивили насъ *Похвальными Словами*

своими: однако, продолжая читать съ терпѣніемъ, найдетъ онъ дѣйствительно хорошія мѣста, — и ежели не всѣмъ будетъ совершенно доволенъ, покрайней мѣрѣ безъ скуки до конца дочитаетъ. Но и какой панегирикъ можетъ быть правдивѣе и занимательнѣе для Рускаго! Кто изъ насъ не одушевится восторгомъ благодарности, читая (въ самомъ даже дурномъ повѣствованіи) житіе величайшаго, человѣколюбиваго изъ царей, героевъ, законодателей Петра Великаго! Мы уже видѣли силу сего чувства надъ Патріотами Рускими: купецъ *Голиковъ* съ помощію того сдѣлался историкомъ Петра Великаго, — покрайней мѣрѣ, трудолюбивымъ собирателемъ его дѣяній. Сіе же чувство могло другаго купца теперь сдѣлать панегиристомъ его, даже послѣ Ломоносова.

Новый сей панегиристъ не можетъ конечно сравниться съ Ломоносовымъ, въ правильности разположенія рѣчи и въ искуствѣ размѣщенія фигуръ риторическихъ. Но въ замѣну того можно найти у него то, чего у Ломоносова нѣтъ; а именно: болѣе разнообразія въ предметѣ, болѣе истинности въ чув-

ствахъ, благородную свободу мыслей и Философію, которая преподаетъ уроки Царямъ, представляя имъ въ безпрестанный примѣръ Петра Великаго, а въ противуположность къ нему тиpановъ и честолюбцевъ, враговъ человѣческаго рода.

Выпишемъ два, или три мѣста, для показанія читателю слога и образа мыслей Автора:

Стран. 30. „Герои познаются на по„лѣ брани; но они часто пожинаютъ „лавры отважностію и крѣпостію мышцъ „воиновъ своихъ, военною хитростью, „не искуствомъ и ошибкою сопротивна„го вождя, выгоднымъ мѣстоположеніемъ, „а нерѣдко и щастіемъ, сопутствую„щимъ оружію. Но великія души позна„ются въ великомъ бѣдствіи. И чѣмъ бо„лѣе бѣдствіе, тѣмъ величественнѣе яв„ляется великая душа. Подобно какъ по„знается искусный кормчій, постигну„тый бурею посредѣ неизмѣримыхъ пу„чинъ, когда корабль его поглощаютъ „волны, когда молніи вокругъ его блиста„ютъ, когда разражаются надъ нимъ гро„мы, когда мачты сокрушаются, а онъ „и тогда не спрашась распоряжаетъ;

„онъ крѣпкою рукою держитъ кормило и
„управляетъ; онъ не спѣшитъ спасать
„жизнь свою, но ободряетъ всѣхъ. Обо-
„дряетъ — и сохраняетъ драгоцѣнный
„грузъ ему ввѣренный. Тако великій *Мо-*
„*нархъ* въ крайнемъ бѣдствіи явилъ без-
„примѣрное присутствіе духа своего.
„Брега Пруша, вы свидѣтели тому! Онъ
„въ военномъ станѣ окруженъ ополчені-
„емъ враговъ. — Враги, какъ враны по-
„крыли собою необозримую степь: тьмо-
„численное оружіе и стрѣлы ихъ подоб-
„ны были мрачной тучѣ, сокрывающей
„свѣтъ солнца. Онъ удаленъ отъ предѣ-
„ловъ Россіи, всѣхъ средствъ и пособій.
„Онъ во время темной нощи, когда у-
„шружденные бранію воины сомкнули вѣ-
„жди свои, и когда сладкій сонъ погру-
„зилъ ихъ въ забвеніе, входитъ въ ша-
„шеръ свой. Онъ тамъ не покоится; но
„размышляетъ, и размышляетъ не о со-
„храненіи жизни своей и свободы, но о
„славѣ Россіи и благоденствіи народа
„своего. Онъ размышляя начерталъ пи-
„саніе Сенату. „Я бѣдствую! и когда
„нещастіе постигнетъ меня, изберите
„себѣ достойнаго *Монарха*, не внимайте
„моимъ повелѣніямъ доколѣ меня не у-

„зриме: щастіе любезнаго моего отече-
„ства да будетъ непоколебимо, нещастіе
„мое да не потрясетъ могущества и ве-
„личія Имперіи.„ Мужъ мудрый и вели-
„кій, кто подобенъ тебѣ бысть! Тотъ
„еще не великъ, кто не умѣетъ пережить
„своего нещастія. Катонъ! ты сохра-
„нилъ свою вольность; но оставилъ оте-
„чество и не спасъ Римъ.“

Стран. 54. „Полководцы Рима, завое-
„ватели вселенной, правящіе по зако-
„намъ народомъ даннымъ, нарушаютъ
„законы. Мамертинцы напоминаютъ на-
„рушителямъ, и гордый Помпей отвѣ-
„чаетъ: престанете ли намъ твердить
„о законахъ, — намъ препоясаннымъ ме-
„чами.—Но Царь Россовъ, держай скипетръ
„въ десницѣ, царь безпредѣльной власти,
„слѣдуетъ законамъ. Къ вамъ обращаюсь
„народы вселенной! Васъ вопрошаю: чего
„желаете? Царя ли мудраго, правящаго
„по законамъ, или законовъ безгласныхъ,
„попираемыхъ препоясанными мечами?“,

Панегирикъ оканчивается слѣдую-
щимъ воззваніемъ: „Россы! я не витія;
„но гражданинъ. Я не могу украсить до-
„бродѣтелей *Великаго Монарха*. И къ че-
„му украшенія добродѣтели? Дѣла *Петро-*

„вы и добродѣтели его есть (надлежало „бы: *суть*) неизобразимая красота! И „дерзая повѣствовать о дѣяніяхъ его, не „могу я изчислить подвиговъ его; но мо„гу засвидѣтельствовать предъ потом„ствомъ и вселенною о любви нашей и „преданности такому *Императору*, ко„торый трудами своими содѣлалъ вели„кою Россію; который имѣлъ попеченіе „не о своемъ величіи и славѣ, но о на„шей. Который давъ намъ новое бытіе, „далъ и новыя чувства. Мы оныя умѣ„емъ сохранять, умѣемъ наслаждаться „свободою и щастіемъ на насъ имъ изліянным. Да познаетъ вселенная, что „мы слѣдуемъ не примѣрамъ другихъ на„родовъ (раболѣпствующихъ безъ разли„чія); но чувствамъ нашимъ и воскли„цаемъ тѣмъ кого любятъ наши сердца. „Что мы благотворимъ тѣхъ, которые „дѣйствительно и нашего и вселенной „восклицанія и обожанія достойны. Да „познаетъ вселенная, что народъ по„мнитъ Великаго благодѣтеля Отца оте„чества, и приноситъ нелестное, но пріятнѣйшее благоговѣніе и праху его. Да „познаетъ вселенная, что народъ чувст„вуя такъ есть и пребудетъ великъ.“

Читатель замѣтитъ при семъ несвойственное употребленіе слова: *восклицаніе* (вмѣсто хвалебнаго или поздравительнаго клика, воскликновенія, acclamatio) и другія неисправности въ слогѣ, о каковыхъ мы будемъ говорить послѣ.

Сіе *похвальное слово* можно назвать *Историческимъ*, въ тѣснѣйшемъ еще смыслѣ, нежели Карамзиново похвальное слово Екатеринѣ II. — Виніи начинаетъ повѣствовать о героѣ своемъ съ отроческихъ его лѣтъ, и продолжаетъ по порядку времени до самой его кончины. Разсматриваетъ его государственныя и частныя, военныя и мирныя добродѣтели, по мѣрѣ какъ оныя представляются ему съ произшествіями. Исправно ссылается на авторовъ: Голикова, Туманскаго и пр. изъ коихъ заимствовалъ доводы свои и утвержденія. Въ приличныхъ мѣстахъ приводитъ и собственныя Петра Великаго письма къ разнымъ особамъ — драгоцѣнные документы, кои всякой Россіянинъ съ удовольствіемъ перечитывать будетъ, не смотря на пестрый ихъ *Голландско-Русской* языкъ: этотъ языкъ служилъ выраженіемъ великихъ намѣреній, добраго сердца, и проницатель-

наго, всеобъемлющаго ума. Одними документами сими, собранными вмѣстѣ, могло бы уже составишься прекраснѣйшее *похвальное слово* великому преобразителю Россіи.

Замѣтимъ теперь тѣ мѣста въ сочиненіи Гна Зубчанинова, кои требуютъ поправленія.

Во первыхъ, неловко самое вступленіе рѣчи. Оно начинается такъ:

„Россы!„

„Едва предки наши свергли иго Та„тарскаго порабощенія, едва только на„чинали забывать тяжкую неволю, какъ „паки настали времена смятеній и „безначалія, — времена ложныхъ Дмит„ріевъ.“ — Это уже слишкомъ издалека начато! Но посмотримъ, какъ свяжется это начало съ продолженіемъ рѣчи о Петрѣ? Витія изчисляетъ за симъ бѣдствія, претерпѣнныя въ тѣ времена Россіею отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ; упоминаетъ о вѣроломномъ опторженіи Шведами сѣверозападныхъ областей Россіи, и о подвигахъ Минина, спасшихъ Россію отъ владычества Польскаго. „Но—продолжаетъ Витія — Россія

„съ скорбію еще взирала на страну и „на сыновъ ея, насиліемъ отъятыхъ. Рос„сы лишенные отечества, родственни„ковъ и друзей, едва не столѣтіе подъ „владычествомъ чуждымъ сносили плѣнъ „и рабство.“— Рецензентъ долго не могъ догадаться, о какихъ Россахъ идетъ здѣсь рѣчь: поелику съ воцареніемъ Романовыхъ, всѣ собственно Рускія области, Новгородъ, Смоленскъ и пр. возвращены изъ подъ чуждаго владычества. Но здѣсь подразумѣваетъ видно Авторъ *Ингрію* и *Карелію*, остававшіяся за Шведами. „Они (т. е. Ижорцы и Карелы) обреме„ненные печалію простирали къ ней „(т. е. къ Россіи) руки, стенали и мо„лили избавить ихъ плѣна и неволи.“ „И се отъ небесъ ниспосланное Божест„во, се изваяніе избавителя и спасителя „страны сей! Но что я сказалъ? се извая„ніе *Великаго Монарха*, Героя, Побѣдите„ля, Законодателя, Виновника славы, „величія и блаженства Россіи.“ (При семъ выноска: „Читатель да предста„вляетъ, что онъ находится предъ па„мятникомъ Петра Великаго.“—!!)

„Россы! Потомство и иноплемен„ные народы всегда будутъ зрѣть, что

„изображенный въ семъ изваяніи былъ та-
„кой Императоръ, который для величія,
„славы и блаженства народа своего жер-
„твовалъ своею жизнію и не имѣлъ по-
„коя, который не повѣствованіями ви-
„шій, но дѣяніями доказалъ, что онъ
„былъ премудръ, правосуденъ, благъ и
„великъ.“

Переходъ — отъ ложныхъ Дмитріевъ и отъ Минина чрезъ отнятыя отъ Шведовъ провинціи до монумента Петра Великаго—довольно крутъ. Да и за чѣмъ сіе изваяніе? Развѣ витія не могъ оживить въ воображеніи читателей своихъ образъ Петра Великаго, не приводя ихъ на Исакіевскую площадь?...

Послѣ сего приступа разточаетъ Авторъ на 4 хъ страницахъ фигуры *вопрошенія*, *единоначатія* и другіе цвѣты риторическіе. Слова: „что можетъ быть „пріятнѣе“ и пр. повторены одиннадцать разъ сряду. „Я зрю„ и пр. одиннадцать же разъ.

Стран. 20. „Пріявъ *бразды* правленія на *одни рамена* свои.“ — вмѣсто: *бразды* т. е. возжи; но и сіи не на рамена, т. е. не на плечи берутъ, а въ руки.

Превознося великодушіе Петра при

взятіи Нарвы, гдѣ собственный мечъ его былъ обращенъ на защиту враговъ, говоритъ Авторъ (стран. 25): „Бытописа„нія не являютъ намъ толикаго снизхож„денія, ни въ царяхъ, ни въ полководцахъ. „Они являютъ намъ разореніе градовъ, „огнь и смерть побѣжденнымъ.“ Вмѣсто *снизхожденія* поставилъ бы я здѣсь приличнѣйшее слово: *человѣколюбіе*.

Черезъ нѣсколько строкъ слѣдуетъ сравненіе или противуполуженіе совсемъ неумѣстное между мечемъ, который отъ Траяна врученъ былъ одному Римскому Трибуну, на жизнь его покушавшемуся, и мечемъ, которымъ Петръ воздержалъ необузданность своихъ воиновъ при взятіи Нарвы. Мы выпишемъ сіе мѣсто: „Траянъ, подавая мечъ Началь„нику Рима, сказалъ: возьми сей мечъ, „естьли я буду царствовать по законамъ, „то употреби его за меня, естьли буду „тиранъ, то обрати противъ меня. — Но „здѣсь мечъ, изъятый противъ враговъ, „обращенъ на защиту ихъ.“

Стран. 38. „Но что я зрю! Не мечта „ли, не видѣніе ли, не обманываетъ ли „меня воображеніе мое! — Нѣтъ! не мечта; „но истинное бытіе! „— Что такое? —

„Императоръ шествуетъ къ темницамъ „и отверзаетъ ихъ, разрѣшаетъ узы ви„новныхъ; прощеніе! свобода! рекъ Отецъ „Отечества! о радость неизъяснимая! и „вселенная вѣщаетъ: Монархъ Россовъ „Отецъ Отечества!“—Даруемое прощеніе виновнымъ для радости какого нибудъ торжественнаго дня есть поступокъ въ обычай вошедшій у всѣхъ Государей, въ которомъ столько же можетъ участвовать политика, сколько истинное милосердіе; а потому и кажется, что сей поступокъ такихъ эмфатическихъ восклицаній не заслуживаетъ.

Стран. 41. „Въ странѣ, гдѣ не было „просвѣщенія, гдѣ народъ не чувствовалъ „славы и чести, гдѣ народъ былъ порабо„щенъ, гдѣ не было другаго имени, кромѣ „имени холопъ.“ Это говоритъ Авторъ о состояніи Россіи до Петра Великаго. Но не слишкомъ ли уже унизительно! Такъ могутъ отзываться только иностранцы, которые злы на Россію!..

Стран. 90. „Они (т. е. Русскіе до Петра) не имѣли гражданскаго книгопеча„танія единственнаго средства къ про„свѣщенію.“—?? Развѣ нельзя бы было съ

буквами церковной печати достигнуть до просвѣщенія?

Стран, 92. „Уже восточныя поселе„нія наши на берегахъ Америки. Мы и „тамъ производимъ свободно, удобно и „безопасно, такъ какъ переходимъ въ со„сѣдній домъ на пиръ!“— Производимъ—что?

Стран. 95. „Повелѣніе произвело „справедливость, защиту царства и ща„стіе народа;“ и тамже чрезъ нѣсколько „строкъ:„ хотѣлъ лучше престать быть „царемъ, и не царствовать, нежели нару„шить увѣреніе.“ Кто пойметъ, что здѣсь *повелѣніе* значитъ искуство или умѣніе повелѣвать; а *увѣреніе*: вѣрность, храненіе даннаго слова?

На стран. 154. Витія зоветъ слушателей своихъ въ храмъ, гдѣ покоится прахъ Петра Великаго, и надъ гробницею его заставляетъ ихъ сказать дѣтямъ своимъ какіе-то стихи Богдановича:

„Сей камень, камень покрываетъ
И тотъ камень кто о немъ слезъ не проливаетъ.“

Но мы надѣемся, что слушатели не скажутъ дѣтямъ своимъ такихъ дурныхъ стиховъ, кои изъ одной игры словъ

состоятъ и содержатъ въ себѣ самую нелѣпую похвалу.

Замѣтимъ еще нѣкоторыя, такъ сказать, дурныя привычки нашего Автора: у него вездѣ *Порфира и Виссонъ*, когда говорится о царскомъ облаченіи; хотя Виссонъ совсемъ не принадлежитъ къ оному. *Князья и Бояра*, когда говорится о Вельможахъ; хотя довольно бы было однихъ Бояръ, ибо и при Алексѣѣ Михайловичѣ уже точно такъ какъ теперь Князья у насъ не были урожденными Вельможами. Шведовъ вездѣ называетъ онъ *Готѳами*, а Татаръ *Гуннами*! *Источники* Сибирскихъ горъ; стр. 90: изъ *источниковъ* Потозскихъ стр 92, вмѣсто *рудниковъ*!

Ингермоландія (стран. 24); преобрѣсти, преобрѣтешъ, (стран. 15); непрекосновенну (стр. 29), вмѣсто пріобрѣсти, неприкосновенну. Не говорю уже о типографскихъ ошибкахъ, о не соблюденіи препинаній и пр.

В.

О фосфорной кислотѣ, яко вѣрнѣйшемъ средствѣ противъ енилости, сочиненіе Карла Эккартсгаузена. Переведъ У. М. Въ С. Петербургѣ, въ Типографіи Дрехслера, 1811 года. (*)

Нѣсколько лѣтъ уже извѣстно въ словесности нашей имя Нѣмецкаго писателя *Эккартсгаузена* по переводамъ многихъ его сочиненій, и не смотря на то, что сей писатель въ Германіи никогда не имѣлъ имени истинно ученаго писателя, и что большая часть его твореній сколько темна и непонятна, столькоже и безполезна, если не вредна, — у насъ, къ сожалѣнію, доселѣ отъ многихъ почитается онъ настоящимъ Оракуломъ просвѣщенія. Сіе предубѣжденіе, совершенно неосновательное, и молчаніе рецензентовъ, какъ бы одобряющее ложныя мнѣнія о *Эккартсгаузенѣ*, побудили меня сдѣлать замѣчанія на сіе сочиненіе.

Авторъ составилъ оное изъ химическихъ и врачебныхъ положеній о добротѣ воздуха, о кислотахъ, о чистотѣ

(*) Сія рецензія прислана въ Общество отъ неизвѣстнаго.

и порчѣ воздуха, о составныхъ частяхъ онаго, о произхожденіи заразы въ воздухѣ, о трехъ разныхъ заразахъ онаго и ихъ дѣйствіяхъ на тѣла, о порчѣ воздуха во время скотскаго падежа, и напослѣдокъ о фосфорной кислотѣ въ особенности; все же сіе прикрасилъ по обыкновенію своему Метафизико-моральнымъ введеніемъ о вредныхъ дѣйствіяхъ страстей человѣческихъ, а Г-нь У. М., переводчикъ и по видимому искренній почитатель *Эккартсгаузена*, не забылъ съ своей стороны напечатать VIII страницъ Предувѣдомленія въ похвалу отличныхъ достоинствъ своего Автора и его сочиненій.

Слѣдуя порядку книги, мнѣ надлежало бы начать мои замѣчанія съ предувѣдомленія: но по долгу предпочтенія начну съ Автора.

Стр. 10. „Со времени, какъ Химики открыли, что обыкновенный атмосферный воздухъ, коимъ мы дышемъ, разлагается еще на разные другіе, которые названы газами, и которые суть какъ бы составныя части его, наука естества сдѣлала великіе успѣхи.„

Такъ начинаетъ Г. Эккартсгаузенъ

свое сочиненіе, и Г. переводчикъ, сколько примѣтно, не унизилъ своимъ переводомъ слогъ Автора: но Г. Эккартсгаузенъ, при столь пышномъ началѣ, забылъ только одно — основательность познанія о своемъ предметѣ. Атмосферный воздухъ, всегда обыкновенный, есть тѣло сложное, но не разлагающееся на разные другіе воздухи, а раздѣляющееся на сложныя же и только нѣкоторыми общими свойствами сходствующія между собою тѣла, называемыя воздухообразными жидкостями, или газами: ибо онъ есть только механическая смѣсь извѣстныхъ газовъ, а не химическій составъ оныхъ, который бы подлежалъ разложенію; изъ чего слѣдуетъ, что Г. Эккартсгаузену не извѣстно даже опредѣленіе разложенія, химическаго сродства и механическаго смѣшенія или силы скопленія. Впрочемъ, можетъ быть, сдѣсь ошибка переводчика, а не автора; но переводя ученое сочиненіе должно знать собственный, такъ сказать, языкъ науки, дабы не подать повода къ заблужденію.

Далѣе Г. Эккартсгаузенъ пишетъ: „Къ числу чудесъ нашего вѣка принадлежитъ и открытіе разныхъ родовъ воздуховъ,

между коими такъ названный *обезгорюченный*, который Приспѣемъ справедливо наименованъ *жизненнымъ*, есть Царь надъ всѣми. „

Иперболическое выраженіе Г. Автора: *къ числу чудесъ*, здѣсь со всемъ не у мѣстѣ: открытія въ природѣ предметовъ, доселѣ бывшихъ неизвѣстными, чудесъ не составляютъ. Слово же *обезгорюченный* показываетъ, что Г. Эккартсгаузень пишетъ по той системѣ Химіи, которая основана была Шталемъ на мнимомъ горючемъ существѣ или флогистонѣ, коимъ Шталь и его послѣдователи думали дополнить пустоты, остававшіяся во время ихъ въ химическихъ изъясненіяхъ отъ недостатка опытовъ и наблюденій, произведенныхъ и объясненныхъ послѣ. Но за 20 почти лѣтъ до появленія въ свѣтъ разбираемаго мною Эккартсгаузенова сочиненія обнаружены были несовершенства Шталевой теоріи, Флогистонъ опровергнутъ совершенно и система Химіи получила вовсе противный видъ; изъ чего слѣдуетъ, что нашъ Авторъ долженъ бы уже, выдавая себя за Химика, знать Химію Антифлогистическую и писать по ней, оставляя прежнія выдумки, дабы

самому ему исполнить симъ обязанность истинно свѣдущаго Химика, не ввести менѣе свѣдущихъ въ заблужденіе и доставить своимъ сочиненіемъ надлежащую пользу. Если же онъ зналъ систему Антифлогистическую, а терминами противной системы хотѣлъ показать только, что ему извѣстно и Шталево ученіе: то онъ столько же не правъ и съ сей стороны, помрачая понятія ложными терминами и умаляя симъ достоинство своего сочиненія. — Но что разумѣетъ Эккартсгаузенъ подъ словами: *разные роды воздуховъ*: то вѣрно извѣстно только ему и его послѣдователямъ; мы же знаемъ одинъ воздухъ — атмосферный, а воздухообразныя постоянныя жидкости называются въ наше время и за долго до сочиненія Эккартсгаузенова, т. е. до 1797 года, назывались газами, кои впрочемъ особенными своими свойствами вообще отличны отъ атмосфернаго воздуха и не составляютъ родовъ онаго.

Стр. 10. „Узнавъ свойства сего воздуха, нашли, что онъ по особенной своей чистотѣ удобнѣе всѣхъ къ дыханію; ибо человѣкъ дышущій имъ чувствуетъ нѣкое особливое удовольствіе, и симъ

воздухомъ можно бы не сказанно долго продлить жизнь человѣка и пр.„

Здѣсь видно, что Г. Авторъ не знакомъ съ понятіями о газахъ, кои называетъ воздухами; и хотя мнѣнія свои излагаетъ онъ столь увѣрительно, что не знающій Химіи не осмѣлится, можетъ быть, въ нихъ ни мало усумниться, но разборъ ихъ покажетъ, что всѣ они совершенно ложны. — Обезгорюченный воздухъ его, справедливо именуемый по системѣ антифлогистической кислотворнымъ газомъ, не по особенной чистотѣ, какъ говоритъ Эккартсгаузенъ, но по особенному свойству своему и свойству органическихъ тѣлъ, удобнѣе прочихъ газовъ для дыханія животныхъ: ибо прочіе газы въ самомъ чистѣйшемъ состояніи вовсе не способны для дыханія и даже убійственны. Не менѣе погрѣшилъ нашъ Авторъ и въ заключеніи своемъ о удобности кислотворнаго газа для дыханія по ощущаемому удовольствію при вдыханіи онаго: ибо въ Химіи извѣстенъ одинъ газъ неспособный для дыханія, но при кратковременномъ вдыханіи доставляющій особенное удовольствіе. Сей газъ есть ничто иное, какъ окись удушливаго

газа: но видно Г. Эккартсгаузенъ не зналъ объ ономъ. — Также ошибся Г. писатель и въ томъ, чтобы помощію кислотворнаго газа можно было несказанно долго продлить жизнь человѣческую: опыты сему совершенно противорѣчатъ. Кислотворный газъ ускоряетъ дыханіе, произведеніе животной теплоты, кровообращеніе и зависящія отсюда отправленія живаго организма: но за то дышущій имъ организмъ скорѣе и умираетъ, нежели въ обыкновенномъ атмосферномъ воздухѣ, гдѣ дѣйствіе кислотворнаго газа умѣряется примѣсью удушливаго; а по сему чистый кислотворный газъ, по справедливому сравненію Шапталя, столь же мало полезенъ для дыханія животныхъ, какъ перегнанная вода для питья. — Сіе болѣе вредное, нежели полезное дѣйствіе чистаго кислотворнаго газа на живый человѣческій организмъ извѣстно какъ въ здоровомъ состояніи организма, такъ и въ болѣзненномъ, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ доставлялъ онъ временное облегченіе, и что есть вещество необходимо нужное для дыханія и жизни. — Отсюда явствуетъ, что Г. Эккартсгаузенъ совсемъ не зналъ того, о

чемъ писалъ. Вооружимся однако терпѣніемъ и послушаемъ его далѣе.

„Онъ (*кислотв. газъ*) есть жизненная сила человѣка — бальзамъ цвѣтовъ, причина цѣлебныхъ свойствъ травъ, наидрагоцѣннѣйшій подарокъ природы, чистѣйшій источникъ здравія и жизни животныхъ.„

Здѣсь Г. Эккартсгаузенъ открываетъ намъ великую тайну природы. Смѣлою рукою совлекая непроницаемый покровъ, доселѣ скрывавшій основаніе жизни нашей, онъ показываетъ намъ сіе непостижимое существо и нарекаетъ оное кислотворнымъ газомъ: но вмѣсто сего таинственнаго существа мы видимъ только одно чудовищное произведеніе его невѣжества. Кислотворный газъ составляетъ необходимую потребность жизни; но не составляетъ основаніе оной, точно такъ, какъ и разныя другія вещества необходимо нужныя для жизни, и сія истинна дознана всѣми; откуда же Г. Эккартсгаузенъ почерпнулъ свое нелѣпое мнѣніе, какъ не изъ невѣжества своего? — Но взглянемъ на мнѣніе его еще съ другой стороны, и тогда увидимъ, что онъ самъ вѣритъ и

своихъ читателей заставляетъ вѣрить чистому матеріализму: ибо признавая жизненною силою человѣка кислотворный газъ, онь признаетъ основаніемъ жизни вещество, не смотря на то, что невещественность жизненной силы, возбуждаемости или (что все одно и тоже) души, не подлежитъ ни малѣйшему даже сомнѣнію, а не только опроверженію, и самому ему стоило только взглянуть на живой и мертвой организмъ, чтобы увѣриться въ общей истинѣ. Столь же ложны и прочія его мнѣнія, что кислотворный газъ есть бальзамъ цвѣтовъ и причина цѣлебныхъ свойствъ травъ: ибо бальзамы и газъ сей суть тѣла совершенно различнаго рода, а цѣлебныя свойства травъ не зависятъ отъ сего газа, поколику оный не находится въ растеніяхъ, какъ составная часть; если же, какъ показываютъ опыты, изходитъ изъ нихъ при дѣйствіи свѣта, то сіе зависитъ отъ разложенія воды, содержащейся въ растеніяхъ, а не отъ того, чтобы газъ сей былъ составная часть растеній. — Правда, выраженіе Г. Эккартсгаузена могло бы подходить ближе къ истинѣ, если бы онь, на мѣсто обезгорю-

ченнаго воздуха или кислотворнаго газа, поставилъ основаніе онаго — кислотворное вещество, которое дѣйствительно принадлежитъ къ составнымъ частямъ растеній, и отъ котораго нѣкоторыя изъ нихъ, но не всѣ, имѣютъ извѣстныя врачебныя свои свойства: но Г. Эккартсгаузену неизвѣстно сіе различіе; а изъ сего видно, что онъ не имѣетъ самыхъ первыхъ понятій въ Химіи, хотя и силится показать себя знатокомъ. Дабы же еще болѣе увѣриться въ его невѣжествѣ, стоитъ прочесть слѣдующее за вышеприведеннымъ выраженіе:

„Многіе вѣки оставался онъ невѣдомымъ, скрываясь во всѣхъ царствахъ природы: въ травахъ, кореньяхъ и минералахъ, и заблуждавшіе Химики мучительски выгоняли его изъ оныхъ вонъ чрезъ свои реторты.„

Съ давнихъ временъ принято всѣми естествословами вообще раздѣленіе природы на 3 царства: царство животныхъ, растеній, изкопаемыхъ, и сіе раздѣленіе извѣстно всякому, кто хотя самомалѣйшее имѣетъ понятіе о природѣ, выключая знаменитаго нашего Автора, которой вопреки разсудку раздѣляетъ въ при-

родѣ травы и коренья, какъ будто существа совсемъ различнаго рода, составляетъ изъ нихъ два царства природы и между шѣмъ изключаетъ изъ естества — животныхъ. Изъ сего видно, сколь ничтожны познанія Г. Эккартсгаузена и сколь нелѣпы его сужденія. — Я не хочу уже останавливаться на словахъ: *заблуждавшіе Химики*, и доказывать, что онъ несправедливо называетъ древнихъ Химиковъ заблуждавшими въ томъ, чего они вовсе не знали: неосновательность Г. Эккартсгаузена видна здѣсь сама собою. Оставляю также и слѣдующія далѣе положенія его, равно неосновательныя; въ разсужденіи же такъ названныхъ имъ 11ти правилъ, напечатанныхъ на 11, 12 и 13й страницахъ, скажу только то, что они не заслуживаютъ даже никакого возраженія, какъ совершенный вздоръ. Но какъ на 14й страницѣ Г. Эккартсгаузенъ отъ теоріи переходитъ къ практикѣ, и обѣщаетъ опытами доказывать свои мнѣнія, то и я перейду къ онымъ.

Стр. 14. „Химическіе опыты подтверждаютъ: 1. Что чистый жизненный воздухъ упругимъ своимъ веществомъ препятствуетъ гніенію. — Положи ку-

сокъ гнилаго мяса въ бутылку наполненную чистымъ жизненнымъ воздухомъ, увидишь, что оно въ корошкое время сдѣлается опять свѣжимъ.„

Упругость газовъ, слѣдственно и кислотворнаго, зависятъ отъ теплотвора, содержащаго основанія оныхъ въ разствореніи, теплотворъ же не только не препятствуетъ гніенію, но способствуетъ оному и даже необходимо нуженъ для того; а изъ сего слѣдуетъ, что Г. Эккартсгаузенъ опять сказалъ неправду. — Несвѣжее мясо и сгустившаяся кровь краснѣютъ, правда, въ кислотворномъ газѣ, но гнилые не дѣлаются свѣжими; а напротивъ сего изъ опытовъ извѣстно, что сей газъ способствуетъ гніенію животныхъ тѣлъ и что гніеніе возпящается, коль скоро прекращенъ доступъ кислотворнаго газа къ гніющему тѣлу.

3. „Чистый жизненный воздухъ непремѣнно нуженъ къ сохраненію какъ растительныхъ, такъ и животныхъ тѣлъ. Опыты подтверждаютъ, что безъ него ни свѣча горѣть, ни животное жить не можетъ: слѣдовательно онъ есть начало жизни въ Физической природѣ.„

Что чистый кислотворный газъ не непремѣнно нуженъ для растеній и животныхъ, о томъ я говорилъ выше. Хотя же и справедливо то, что горѣнія не льзя произвести безъ кислотворнаго, но только не газа по необходимости, а вещества, и что животныя, только дышущія, безъ сего газа жить не могутъ: однако изъ того не слѣдуетъ, что газъ сей есть начало жизни въ физической природѣ (симъ прилагательнымъ, кажется, Эккартсгаузенъ хочетъ поправить свой матеріализмъ, выше мною замѣченный); ибо онъ, или точнѣе сказать, основаніе его есть только необходимо нужное, но не единственное необходимое побужденіе для явленій жизни, о чемъ я также говорилъ выше. Не смотря однако на уловку, коею Эккартсгаузенъ хотѣлъ прикрыть здѣсь свой матеріализмъ, чрезъ 10 строкъ, изъ коихъ первыя пять, къ удивленію, совершенно справедливы, опять обнаруживаетъ оный слѣдующимъ Софизмомъ:

Стр. 15. „6. Какъ для жизни животнаго необходимо нужно глотаніе жизненнаго воздуха: то чѣмъ болѣе бываетъ сіе поглощеніе, тѣмъ веселѣе, бодрѣе и силь-

нѣе бываетъ животное. Ишакъ жизненный воздухъ есть начало животныхъ силъ. „

Сей софизмъ послѣ представленныхъ мною опроверженій не заслуживаетъ никакого особеннаго вниманія; не понятно здѣсь только то, какъ Г. Эккартсгаузенъ, при всей своей всеобъемлемости, которую превозноситъ въ немъ переводчикъ его (Предувѣдомл. стр. VI), могъ не знать или забыть, что животное, находящееся въ матернемъ чревѣ, бываетъ живо и при томъ не дышетъ, или, иначе сказать, не поглощаетъ жизненнаго воздуха до самаго своего рожденія, и что живущій безъ дыханія зародышъ имѣетъ силы, и слѣдственно бодрость. Непонятно еще и то, какъ Г. Эккартсгаузенъ могъ впасть въ матеріализмъ, будучи *трансцендентальнымъ Богословомъ*, какъ называетъ его Шпренгель, и какимъ выказываетъ онъ себя въ мрачныхъ сочиненіяхъ своихъ, къ сожалѣнію, переведенныхъ на нашъ языкъ и хвалимыхъ многими. — Отдадимъ однако должную справедливость ему въ томъ, что въ разбираемомъ мною сочиненіи изрѣдка открываются истины, оправданныя несомнѣнными доказа-

шельствами; такъ на пр. на той же 15й страницѣ весьма справедливо сказано: „что основаніе чистаго воздуха въ атмосферѣ есть начало всѣхъ кислотъ, которыя прежде почитались за особенныя сущности, но въ самомъ дѣлѣ онѣ суть составныя существа;“ жаль только что сія истинна выражена переводчикомъ не только неправильно, но и превратно: вмѣсто *основаніе чистаго воздуха въ атмосферѣ* должно было сказать: *основаніе кислотворнаго газа*; вмѣсто особенныя *сущности*, особенныя *вещества*; а вмѣсто *составныя существа — сложныя вещества*, каковыя погрѣшности показываютъ, что нашъ переводчикъ столь же мало знакомъ съ Химіею, какъ и его Авторъ. — Впрочемъ истинна сія, при всей своей несомнѣнности, служитъ новымъ доводомъ неосновательности познаній Г. Эккартсгаузена: ибо она показываетъ, что ему извѣстно основаніе Антифлогистической Химіи и что онъ признаетъ ея истинны, но не зная оной столько, сколько потребно для настоящаго Химика, смѣшиваетъ съ Флогистическою, то есть: бытіе съ ничтожествомъ, и симъ производитъ нелѣпости,

свойственныя только его воображенію. Доказательства сего находятся на всѣхъ страницахъ разбираемаго мною сочиненія; а посему дабы не утомить вниманіе читателей, я оканчиваю разборъ химической части Эккартсгаузенова сочиненія и перейду къ части врачебной.

На стр. 44 Эккартсгаузенъ, начиная разсужденіе *о заразахъ*, говоритъ: „Заразы воздуха различны; но всѣ онѣ различаются мѣрою пресыщенія атмосферной влажности мефитическимъ, горючимъ, или постояннымъ воздухомъ.„ Но удушливый (мефитическій) и водотворный (горючій) газы не только не могутъ пресыщать атмосферную влажность (воду), но и насыщать ее; ибо съ нею не соединяются, и избытокъ сихъ газовъ въ атмосферѣ заразъ не составляетъ, хотя каждый изъ нихъ можетъ произвести болѣзненныя явленія въ живомъ организмѣ и даже смерть, при большемъ, или меньшемъ недостаткѣ газа кислотворнаго.

„По разности смѣшенія сихъ воздуховъ происходитъ такая или такая кислота, и по качеству составныхъ ея час-

шей, она есть либо мефитическая, либо горючая, либо постоянная.„ Ни отъ какого смѣшенія сихъ газовъ не происходитъ и не можетъ произойти никакая кислота: ибо для образованія кислотъ потребно кислотворное вещество, безъ коего не можетъ быть ни одна кислота, и Г. Эккартсаузенъ забылъ здѣсь то, что говорилъ на страницѣ 15, противорѣча самъ себѣ. По сему нѣтъ никакой кислоты собственно мефитической, либо горючей, либо постоянной.

Стр. 45. „Каждый заражающій ядъ можетъ быть разложенъ и изслѣдованъ, естьли достанешь его кислоту и оную разложишь на воздухи.„ — Прочитавъ сіе выраженіе не льзя не удивишься, сколь плодовитъ Г. Эккартсгаузенъ въ своихъ бредняхъ и съ какою безстыдною увѣрительностію предлагаетъ оныя. Не зная различія ни между ядами, ни между заразами, бредитъ о кислотахъ, какъ будто объ основаніяхъ оныхъ, не помысливъ о томъ, что не всѣ яды кислы, и что до сихъ поръ въ разныхъ заразахъ не только никто не могъ открыть присутствія кислотъ, но на противъ того замѣченъ недостатокъ кислотворнаго вещества,

какъ то подтверждаетъ особенная польза употребленія различныхъ кислотъ въ заразительныхъ болѣзняхъ.— Я не вхожу уже въ разборъ прочихъ его бредней, на тойже страницѣ помѣщенныхъ: но въ доказательство рѣдкой неосновательности замѣчу, что на слѣдующей 46 страницѣ онъ противорѣчитъ тому, что сказалъ на предшедшей и опровергаетъ самъ себя. Увѣряя, что каждый заражающій ядъ можетъ быть разложенъ и изслѣдованъ, ниже говоритъ о невозможности разлагать и изслѣдовать оные. На слѣдующей же 47 страницѣ опять впадаетъ въ прежній бредъ:„приступая къ леченію заразительной болѣзни, должно прежде всего изслѣдовать ядъ ея, и стараться разложить оный химически, дабы узнать настоящія составныя части онаго.“ Вотъ Логика мудраго и всеобъемлющаго Эккартсгаузена! Вотъ достоинства его сочиненія, къ стыду времени нашего переведеннаго на языкъ нашъ! — Я останавливаюсь на половинѣ онаго: ибо остальная часть наполнена такимъ же вздоромъ; но въ заключеніе разбора моего не могу не упомянуть о главномъ предметѣ сочиненія. Г. Эккартсгаузенъ

предписываетъ разтворять фосфоръ (стр. 81 и слѣд.) въ тепломъ уксусѣ и выхваляетъ употребленіе сего разтвора въ скотскомъ падежѣ: но неосновательность, съ какою Эккартсгаузенъ описалъ предметъ свой, нелѣпости, коими наполнилъ твореніе свое, опасность приготовленія, дороговизна, а не менѣе и ненадежность его средства, не смотря на похвалы ни Химіи, ни врачебной науки незнающаго Эккартсгаузена, — дознанная польза и надежность другихъ средствъ, извѣстныхъ врачамъ, дешевость, и удобность приготовленія и употребленія, содѣлываютъ предложеніе и сочиненіе нашего Автора незаслуживающими никакого вниманія.

Для чего же переведено это сочиненіе.— Вѣрно для того только, что Г. У. М. есть искренній почитатель Эккартсгаузена, вѣритъ его бреднямъ и насъ Русскихъ, благодаря просвѣщенію времени нашего, познакомившихся уже съ Физическими науками, хочетъ заставить вѣрить тому же. Доказательствомъ сего служатъ 6 страницъ предувѣдомленія Г. переводчика, и вотъ слова его: „Послѣ того, какъ мы остановились съ изданіемъ прочихъ сочиненій

Г. Эккартсгаузена, вышли въ свѣтъ въ Москвѣ двѣ новыя книжки:—которыя разбудили любопытство, но не удовлетворили вкусу любителей сего почтеннаго писателя. — Въ первой Г. переводчикъ не попекся о ясности и пр. отъ чего— многіе усумнились въ Авторѣ ея и спрашивали у насъ: подлинноли книга сія есть сочиненіе покойнаго Эккартсгаузена?„ — Далѣе:„Эккартсгаузенъ не то, что Бемъ; не то, что Гіонъ; не то, что Штиллингъ;— онъ писалъ все для учившихся и упражняющихся въ наукахъ „— Но показавъ заблужденія Г. Эккартсгаузена не льзя согласишься съ Г. переводчикомъ въ почтеніи къ его Автору, сколько бы переводчикъ ни хвалилъ и сколькобы ни любили его; тѣмъ менѣе еще можно согласишься въ томъ, чтобы Эккартсгаузенъ писалъ все для учившихся и упражняющихся въ наукахъ: ибо невѣжество его столь велико, что онъ не могъ писать для учившихся и упражняющихся въ наукахъ, и самому Г. переводчику стоило бы только заглянуть въ какую либо классическую систему Химіи, каковыя есть уже и на нашемъ языкѣ, или справишься у коголибо изъ зна-

ющихъ Химію, дабы имѣть истинное понятіе о Эккартсгаузенѣ, разувѣриться въ мнѣніи своемъ и не терять труда для перевода столь вздорнаго сочиненія. Это обстоятельство показываетъ между тѣмъ, что переводчикъ столь же мало и самъ знакомъ съ Химическими познаніями какъ и Авторъ его, что мною замѣчено уже выше: а посему гораздо бы лучше было сдѣлано, если бы онъ не трудился переводомъ своимъ обременять вниманіе просвѣщенной публики нашей, разсѣвать ложныя мнѣнія въ людяхъ любопытныхъ, но не знающихъ ни Химіи, ни Медицины, и вводить въ заблужденіе пышными разсказами о Эккартсгаузенѣ людей довѣрчивыхъ, на щетъ истиннаго просвѣщенія, которое каждому сыну отечества должно быть драгоцѣнно для пользы общей.

Можно согласиться съ переводчикомъ, что „есть такіе рѣдкіе, всеобщіе, или универсаленые умы, для которыхъ изъ принадлежащаго человѣку нѣтъ ничего чуждаго„: но можно согласиться только въ томъ смыслѣ, что бы признать въ сихъ универсальныхъ умахъ охоту писать или бредить все, что ни взду-

мается, и бредни сіи выдавать за истинну. Въ семъ смыслѣ конечно,,къ числу таковыхъ немногихъ умовъ, какъ говоритъ переводчикъ, принадлежалъ и Эккартсгаузенъ, не гнушавшійся отъ самыхъ высшихъ созерцаній низходить до самыхъ низкихъ опытовъ, отъ разсматриванія всеобщей единицы, до изслѣдованія искуства фокус-покусниковъ, чѣмъ изумляетъ онъ непривыкшихъ къ таковой всеобъемлемости“:ибо не много можно найти такихъ писателей, кои бы подобно ему столь же способны были мѣшать Метафизику съ Арифметикою, Богословію съ Химіею, нравоученіе съ скотоврачебкою наукою, пылинки истинны съ грамадами лжи, и отъ созерцанія существа души низходить до опытовъ въ клѣвахъ, а отъ Философическаго разсматриванія природы до шарлатанства. Съ сей стороны Эккартсгузеанъ неоспоримо есть *особнякъ*, какъ называетъ его переводчикъ; но, кажется, и переводчики подобныхъ сочиненій также *особняки*.

Впрочемъ, поколику всякъ воленъ думать по своему произволу, то и Г. переводчикъ воленъ думать объ Эккартсгаузенѣ по своему; истинно жаль только

того, что сей писатель по какому-то непонятному предубеждению уважается многими соотечественниками нашими, не смотря на нелѣпости и даже вредъ вздорныхъ сочиненій его, которыя вмѣсто того, чтобы служить къ просвѣщенію читателей, подъ маскою какого-то таинственнаго откровенія водятъ только отъ заблужденія къ заблужденію и совращаютъ съ пути истины умъ неопытный въ критикѣ. Правда, сколько мнѣ случалось видѣть и слышать любителей Эккартсгаузена, я никогда не находилъ въ нихъ людей съ основательнымъ просвѣщеніемъ, и даже примѣтилъ, что они не понимали большую часть мнимыхъ его мудростей: но предубѣжденіе продолжается,—и мнѣ недавно случилось видѣть, что одинъ книгопродавецъ нашъ не хотѣлъ взять менѣе 100 рублей за сочиненіе Эккартсгаузена: *Ключъ къ таинствамъ природы*, которое весьма желалъ купить нѣкто за 60 рублей, думая, что найдетъ въ немъ глубочайшую премудрость; а сіе обстоятельство показываетъ уже, сколь дорого цѣнятъ у насъ Эккартсгаузеновы бредни, сколь много уважаютъ его, и сколь мало таковые

любители Эккартсгаузена занимаются истиннымъ просвѣщеніемъ, діаметрально противоположеннымъ мнимому его просвѣщенію, — не зная, или нечувствуя того, что гораздо лучше даже оставаться съ природнымъ разсудкомъ своимъ, нежели съ слѣпою легковѣрностію искать свѣта во тьмѣ Эккартсгаузеновой, глубокой и опасной, — нежели вдаваться *въ ученія странна*. А по сему желательно, чтю бы скоро прошла мода на умъ Г. Эккартсгаузена и никогда къ намъ не возвращалась!

981.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

СЕНТЯБРЬ 1812. № 9.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Письма Генералъ-Маіора де Геннина къ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ и къ управлявшему Кабинетомъ (*).

Письмо I.

Всемилостивѣйшій Государь!

Два письма Вашего Величества, отпущенныя съ корабля Екатерины при Рогерь-Викѣ Іюля 16 дня, я здѣсь сего Сентября въ 5 день въ новой крѣпости Екатеринбургѣ чрезъ курьера Вельямино-

(*) Доставлены къ одному изъ членовъ Общества отъ Г. Обер-Бергмейстера Ш. . . при слѣдующемъ письмѣ: „Препровождаю при семъ три письма Генералъ-Маіора отъ Артиллеріи де Геннина, изъ которыхъ два писаны имъ къ Государю Императору Петру Великому, а третіе къ управлявшему въ то время Кабинетомъ Алексѣю Васильевичу Ушакову. Послѣдняя моя поѣздка въ Сибирь доставила мнѣ случай видѣть подлинные ихъ отпуски. Письма сіи показались

ва получилъ, въ которомъ Вы Государь мнѣ недостойному рабу своему благодарствуешь о репортованіи желѣзныхъ и

мнѣ столь любопытны, что я не могъ себѣ тогда же отказать въ удовольствіи имѣть съ нихъ вѣрныя копіи. Надѣюсь, что и вамъ весьма пріятно будетъ увидѣть въ нихъ духъ тогдашняго времени, увидѣть какъ величайшій изъ Монарховъ занимался введеніемъ въ Россію столь важной отрасли въ Государственномъ имуществѣ, какова есть добыча и выплавка металловъ увидѣть опять и образъ мыслей сего чрезвычайнаго человѣка, основателя существующаго нынѣ города Екатеринбурга и различныхъ знаменитыхъ мануфактуръ. Сначала онъ въ отвращеніе набѣговъ и раззоренія отъ Башкирцовъ устроиваемыхъ имъ заводовъ, сдѣлалъ только крѣпость, которую и испросилъ у Государя назвать знаменитымъ именемъ супруги Его Императрицы Екатерины; въ послѣдствіи же времени составился изъ оной крѣпости прекрасный городъ, въ которомъ нынѣ разнаго званія жителей болѣе 12.000, и который находясь какъ бы въ центрѣ заводовъ Уральскаго хребта, снабжаетъ ихъ продовольствіемъ всякаго рода. Дѣла сего необыкновеннаго мужа существуютъ, но имя его весьма рѣдко или почти и никогда не вспоминается, какъ онъ и самъ очень справедливо говоритъ о томъ въ одномъ своемъ письмѣ. Почему же бы изъ признательности къ его заслугамъ не соорудить ему тамъ памятника, гдѣ Геній его открылъ вѣрные пути къ подземнымъ сокровищамъ? Для сего весьма бы приличная была, по моему мнѣнію, колоссальная мраморная пирамида, которая начата по повелѣнію покойной Императрицы Екатерины II и немного только не отдѣлана въ нѣкоторыхъ частяхъ, а теперь остается безъ всякаго употребленія. Желательно, что бъ мысль сія, при щастливыхъ обстоятельствахъ, имѣла событіе.“ — и проч.

Подробное свѣденіе о всѣхъ заведеніяхъ, сдѣланныхъ въ Россіи Генераломъ де Генниномъ, также и о прочихъ обстоятельствахъ, относящихся къ его жизни, любопытные найти могутъ въ *Историческомъ начертаніи горнаго производства во Россійской Имперіи*, сочиненномъ Г. Германомъ и изданномъ въ Екатеринбургѣ, 1810 года, стр. 42 и слѣд. — *Изд.*

мѣдныхъ заводовъ, которые нынѣ исправляются и строятся, такожде о прощеніи Еварлакова и опредѣленіи къ здѣшнимъ дѣламъ Капитана Татищева, и оныя письма отъ радости не могъ безъ слезъ читать и на оное всенижайше отвѣщствую:

Противъ посланнаго къ Хозяйкѣ Вашей Всемилостивѣйшей Государынѣ нашей Императрицѣ чертежа, крѣпость Екатеринбургъ достроена, а въ ней помянутые заводы, фабрики и мануфактуры и мѣдная плавильня и мѣди-очистительная, хотя много строенія, надѣюся нынѣшнею зимою привесть въ дѣйство, и прошедшей недѣли съ помощію Божіею и твоимъ щастіемъ такую великую новую плотину заперли, и вода въ прудъ пущена, изрядно успояла. Оная плотина слишкомъ 100 сажень длины, четыре сажени вышины, а заложенъ фундаментъ ей тридцать семь сажень толстоты, а на верху двадцать пять сажень, тарасы доброю глиною набиты, и воды будетъ довольно. Всѣ заводы съ фабриками и мануфактурами дѣиствовать будутъ, а дровъ на уголь будетъ на вѣкъ, которыя мочно плавить до самыхъ заво-

довъ рѣкою, такожъ и рудъ недалеко отъ оныхъ заводовъ довольно, и прочіе матеріалы сысканы. Въ Кунгурѣ при Камѣ рѣкѣ на рѣкѣ Ягужихѣ мѣдна плавильня, которую отъ меня строить посланъ, что былъ на Олонцѣ плавиленной мастеръ Циммерманъ, и вершится вскорѣ и потомъ зачнутъ плавить, уча рускихъ людей оному плавленію, Кунгурскія мѣдной руды добышо немалое число.

На Верхотурье ѣздилъ я, и понеже тамо есть, являются добрыя мѣдныя жилы и надежные признаки, ежели не пересѣчется, такожъ зачалъ при рѣкѣ Лялѣ сорокъ верстъ отъ Верхотурья подъ деревнею Караульною плотину и мѣдной заводъ строить, и опредѣлилъ Екзекуторомъ, что надобно къ строенію оныхъ заводовъ, Верхотурскаго Воеводу Беклемишева, да Саксонскаго штейгера рудъ добывать, и далъ ему учениковъ.

Около Катеринбургскаго Дистрикта мѣдной руды добываемъ и плавимъ и очищаемъ, а хотя не много, однако съ прибылью, и жаль, что штейгеровъ мало, кѣмъ мѣднаго рудосысканія умножить.

Къ Соликамской послалъ я Директора Украинцова твоего посланнаго Прео-

браженскаго полку Сержанта, да съ нимъ Саксонскаго плавильнаго мастера Штофта, для строенія мѣдной плавильны при Пыскорскомъ монастырѣ для плавленія шиферной мѣдной руды, которую Берг-Совѣтникъ Михаелисъ въ Григоровой горѣ добывалъ и добываетъ, и дабы онъ Директоръ Воеводу екзекутовалъ, что надобно къ оному строенію, и надѣюсь, что оной заводъ построенъ будетъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, ежели отъ Воеводы остановки не будетъ, какъ уже и было цѣлое лѣто.

Прочіе твои здѣшніе желѣзные заводы, а именно: Уктусскіе, Алапаевскіе и Каменскіе исправилъ чрезъ Олонецкихъ со мною взятыхъ мастеровъ, на которыхъ нынѣ дѣлаютъ доброе желѣзо, которое въ пробѣ стоитъ по твоему Регламенту, а Каменскіе заводы были въ пустѣ, а все отъ того: нынѣшнія весны большою водою плотину всю пронесло и оная плотина нынѣ вновь достроена, при ней двѣ домны по Олонецки для литья пушекъ, и пишетъ ко мнѣ мой доменной мастеръ, которой взятъ съ Олонца, что нынѣшней недѣли зачнетъ первыя пушки лить, а впредь-будущую недѣлю поѣду на оные заводы, которые

восемдесятъ верстъ отсюда, оныя пушки пробовать, какъ онѣ устоятъ здѣшнихъ рудъ, и велю лишь тѣ мортиры и бомбы, о которыхъ ты ко мнѣ писалъ для отправленія въ Астрахань.

Изъ Тобольска взялъ я нѣсколько лучшихъ оружейныхъ мастеровъ, и велѣлъ имъ здѣсь дѣлать тысячу фузей солдатскихъ, для пробы, которыя будутъ лучше и дешевлѣ здѣшнія или въ Россіи, а что учинится, буду къ тебѣ писать; я надѣюсь, что здѣшнія будутъ дешевлѣ и надежны, для того, что здѣсь харчь и работные люди дешевлѣ, а желѣзо хорошо, и хотя я нынѣ пробовалъ сто стволовъ новой работы большею пробою, взялъ порохъ доброй, вѣсомъ противъ пули и двѣ пули и два пыжа, и изъ оныхъ разорвало двадцать, однако мало иверенья, но разорвала сила отъ такой большой пробы, отъ которой я чаю, что отъ чужихъ краевъ ружья толикое жъ число разорвешъ, и хотя которыя устоятъ такою большою пробою жилы желѣзныя дрогнутъ, что ихъ послѣ въ ординарной пальбѣ можетъ разорвать, того ради я тебѣ совѣтую, чтобъ ты указъ далъ въ Россіи пробовать ружье по сему: взявъ восемь

или девять золотниковъ пороха да двѣ пули, и два пыжа, и тѣ которые устоятъ, надежны будутъ; пружины и плотки изъ новой фабрики сталь оружейные мастера очень хваляшъ, и посылаю къ тебѣ одинъ замокъ, которой можешь самъ провѣдать, а шпаги, которыя изъ новой стали дѣлаются, немногія въ пробѣ ломаются.

И хотя я въ трудахъ разорвуся, однако заводы новые желѣзные и мѣдные не могу скорѣе сіпроить и умножить, остановка истинно не отъ меня, то ты повѣрь мнѣ, но остановка есть, что у меня не много искусныхъ людей въ горномъ и заводскомъ дѣлѣ, а вездѣ самъ для дальняго разстоянія быть и указать не могу, а плотники здѣсь не такіе какъ Олонецкіе, но пачкуны, а буде бы были здѣсь Олонецкіе плотники, то могъ бы скорѣе достроить, того ради понуждай Бергъ-Коллегію, чтобъ она шпейгеровъ побольше прислала для сыску и копанія мѣдныхъ и прочихъ рудъ. И хотя здѣшніе всѣ мѣдные и желѣзные новые и старые заводы я приведу въ доброе дѣйство и устрою, однако надлежишь тебѣ прислать указъ къ Вяшскому, Соликамскому,

Верхотурскому Воеводамъ и прочимъ командирамъ, дабы они мнѣ что надобно къ горнымъ дѣламъ не токмо чинили управленіе, но послушны были, и по моемъ отъѣздѣ оставшемуся отъ меня главнѣйшему командиру въ Обер-берг-аптѣ, безъ такого указу быть не возможно, а буде не такъ, послѣ опять не ладно будетъ, и самъ знаешь ихъ, и чтобъ они не описывались, и въ такомъ переписываньи долго время пройдетъ, какъ нынѣ явилось у Соликамской. И понеже я тебѣ здѣсь безусыпно изъ всего сердца радѣю, и ты пожалуй такъ же мнѣ радѣй, пришли ко мнѣ указъ, дабы я могъ изъ здѣшнихъ доходовъ взять на годъ жалованья (*), для того уже давно годъ прошелъ, а здѣсь не Петербургъ, не у кого занять, я не желаю мірскимъ потомъ кормиться или корысти отъ твоего спроенія искать, но благословеннымъ твоимъ жалованьемъ жить, пожалуй будь ты за меня стряпчей, а кромѣ тебя иного никого не имѣю. И въ здѣшнихъ порубежныхъ къ заводамъ приписныхъ слободахъ нынѣ починиваю

(*) Жалованья въ это время получалъ онъ 2,077 руб. 10 копѣекъ въ годъ. *Изд.*

и укрѣпляю малыми траншаментами, гдѣ надобно, для того нынѣ недавно Козачья орда сообщась съ Башкирами съ пять тысячь человѣкъ раззорили, Тобольскаго уѣзда близь рубежа село Кисленское выжгли, скотъ отогнали, людей побили и увезли 85 человѣкъ. И оное мочно укрѣпить порубежными крѣпостями около слободъ, и разсыпанныя деревни въ одно мѣсто собрать и укрѣпить траншаментами и полисадами, которые близко рубежа, а которая партія нынѣшней весны убили горнаго нашего драгуна и мужиковъ переранили и ограбили, и той партіи воровъ Татаръ сыскалъ я чрезъ ихъ же Башкирцевъ съ воли ихъ командировъ, изъ оныхъ воровъ шестеро сюда привезены, а достальные посланы на Уфу для розыску, и при семъ посылаю къ тебѣ копію съ ихъ повинной о сожженномъ мѣдномъ промыслѣ, которую повинную они ко мнѣ прислали.

О Демидовѣ мѣдномъ промыслѣ тебѣ доношу, что онъ прежде доносилъ, чая много быть мѣди, а нынѣ я былъ на тѣхъ его рудникахъ съ Берг-мейстеромъ Бліеромъ для осмотру тѣхъ мѣстъ, и усмотрѣли, что та его руда оболгала такъ,

сперьва набрели они на доброе мѣсто, гдѣ было руды гнѣздо богато, а какъ оную смѣтану снялъ, то явилась сыворотка, руда мѣдная и имѣетъ желѣзо, и желѣза очень больше нежели мѣди, и я ему нынѣ далъ плавильнаго мастера для нашей плавки, такожъ очищенія мѣди гормахера, и чтобъ учить его людей, дабы онъ не могъ отговариваться, будто за мастерами остановка, и пошлю ему нынѣ еще горнаго ученика, которой укажетъ какъ по горному обыкновенію шпольнъ или шахтъ весши, а онъ Демидовъ нынѣ контентъ и мнѣ въ строеніи твоихъ заводовъ немалую помогу учинилъ въ добрыхъ плотничныхъ мастерахъ.

(Таковое письмо послано къ Его Величеству съ курьеромъ Вельяминовымъ Сентября 7 дня 1723 года, которой присыланъ былъ отъ Его Величества.)

Письмо II.

Всепресвѣтлѣйшій Императоръ,

Всемилостивѣйщій Государь!

Вашему Императорскому Величеству о состояніи здѣшнихъ дѣлъ пространно о всемъ особнымъ доношеніемъ пред-

ставилъ, а симъ всепокорно нижайше прошу, изъ начала бытія моего въ службѣ Вашего Величества никогда я жалованья безъ злобы и спора, а фуража и весьма лѣтъ съ десять получить не могъ, которое хотя и всегда не безъ тягости было, однакожъ въ Петербургѣ для нужды до жалованья занять можно, здѣсь же не у кого, а наживать приносами не хочу, и понеже нужда мнѣ пришла, а на росписки вашихъ денегъ брать я опасенъ, фуражъ которой мнѣ велѣно взять по твоему указу на Москвѣ на прошлой годъ, а за скоростію отъѣзда моего сюда выходить тамо не могъ, надѣясь на вашу высокую милость взялъ здѣсь, потому что оное мнѣ весьма надлежитъ, а нынѣ жалованья и фуража на сей годъ брать мнѣ Бергъ-Коллегія воспрещаетъ, и которой фуражъ взятъ на прошлой годъ велятъ мнѣ платить, и впредь ждать указа, токмо имъ разсуждать о моемъ богатствѣ сидя въ палатахъ легко, а мнѣ и не имѣя постороннихъ доходовъ, да жалованья не получа, на что хлѣбъ купить не знаю, или они думаютъ, что здѣсь безъ жалованья по воеводски жить можно, токмо я того дѣлать не умѣю.

Покорно прошу Вашего Императорскаго Величества, дабы приказали о дачѣ моего и подчиненныхъ моихъ служителей жалованья и фуража указъ учинить, а ежели вы не пожалуете, то мнѣ и въ годъ не дождаться, или и весьма оное пропадетъ, какъ уже много мнѣ случилось, а подчиненнымъ горнымъ и заводскимъ, ежели вскорѣ указа не получу, велю жалованье дать, а нищенствовать или красть допустить не хочу. Я отъ сердца сожалѣю, что ты самъ здѣсь не бывалъ, и о здѣшнихъ Сибирскихъ состояніяхъ обстоятельно не знаешь. Правда что здѣсь Губернаторъ Черкасской человѣкъ доброй, да не смѣлъ, а способниковъ добрыхъ мало имѣетъ, а особливо въ судебныхъ и въ земскихъ дѣлахъ, отъ чего дѣла его не споры, и частію болѣе народу отягчательны, и ежели его пошлешь сюда, то для своей пользы дай ему мѣшочикъ смѣлости, и судей добрыхъ людей, надворныхъ и въ городахъ управителей и въ слободахъ, да къ военнымъ дѣламъ Обер-Коменданта и для купечества Совѣтника отъ Коммерцъ и отъ Камер-Коллегіи добраго Камерира, такожъ Секретаря, безъ которыхъ ему быть не можно, а

ежели ему не быть, то не худо бы такимъ добрымъ людямъ быть какъ Машюшкинъ или Ушаковъ; и такъ видна злая пакость, крестьянамъ бѣднымъ раззореніе отъ судей, и въ городѣхъ, которые посланы отъ камерирства земскихъ управителей и въ слободахъ зѣло тягостно и безъ охраненія, а купечество и весьма раззорилось, такъ что уже едва посадскаго капиталиста сыскать можно, отъ чего и пошлины умалились. Ты Государь не жалѣи здѣсь управителямъ дать довольное жалованье, для того что здѣсь деревень ни у кого нѣтъ, а ѣсть всякъ хочетъ, и хотябъ и доброй человѣкъ, не имѣя пропитанія принужденъ неправеднымъ питаться, и сперьва возмешъ только для нужды, а потомъ и въ богатство, и такъ у тебя много пропадаетъ, а людямъ раззореніе, да и тѣ собравъ такожъ не толстѣютъ.

А о прочемъ нужнѣйшемъ здѣшнемъ дѣлѣ, а имянно: о Башкирахъ, о Козачьей ордѣ, о строеніи рубежныхъ крѣпостей, о коммуникаціи отъ Катеринбурга до Башкиръ, гдѣ я нынѣ добываю мѣдную руду богату и много является, и объ ономъ мѣстѣ, чтобъ впредь споръ пересѣчь, та-

кожде о ситуаціи оной земли и межи, и какъ мѣдные заводы въ Соликамской, въ Кунгурѣ и въ Верхотурьѣ кромѣ здѣшнихъ, которые уже достроены и строятся, и сколько уже при каждомъ заводѣ руды добыто, и сколько изъ оной руды мѣди выходитъ, и на сколько ее цѣною будетъ, и о нѣкоторой худобѣ въ Сибирѣ, явствуетъ пространно въ посланномъ при семъ доношеніи и въ чертежахъ, и притомъ мое нижайшее мнѣніе.

Октября 22 дня
1723 года.

(Послано съ деньщикомъ Иваномъ Пахоруковымъ.)

Письмо III.

Государь мой милостивый Алексѣй Васильевичь!

Письмо ваше получилъ я сего Октября 4 дня чрезъ Соликамскую, въ которомъ Ваше Благородіе воспоминаете о Государевѣ ватерпасѣ, которой Инженеръ Порутчикъ Любрасъ взялъ изъ Кабинета прошлаго году, и противъ онаго отвѣствую: оной ватерпасъ въ то время, какъ я поѣхалъ изъ Москвы отъ канальной чертежной работы, врученъ для слѣдованія и еще исканія другихъ способнѣйшихъ

водяныхъ коммуникацій оному Порутчику Любрасу, и объ томъ писалъ я въ Астрахань до Государя съ курьеромъ моимъ Клеопинымъ, которой туда чертежи о коммуникаціяхъ водяныхъ отвозилъ.

И оной Порутчикъ напрасно по возвращеніи изъ Персиды Его Величеству ватерпаса не отдалъ, о чемъ отъ меня ему приказъ былъ, и нынѣ писалъ я къ нему, чтобъ онъ немедлѣнно отдалъ; сверьхъ того писалъ я къ Архитектору Трезину, чтобъ онъ такожде ватерпасъ другой, которой Государь далъ мнѣ на Сестрѣ рѣкѣ, и оной ватерпасъ данъ Трезину на сбереженіе, чтобъ онъ отдалъ въ Кабинетъ.

Октября въ... день получилъ я отъ Казанскаго Губернатора пакетъ, въ которомъ дубликаты съ писемъ Его и Ея Императорскихъ Величествъ, такожде и ваше письмо, и въ оныхъ дубликатахъ воспоминается, что Адъютантъ Шкадеръ впредь будетъ съ подлинными указами, такожъ о дачѣ по три деньги солдатамъ за заводское строеніе сверьхъ ихъ жалованья на каждой работной день, и о именованіи Катеринбургской новой крѣпости. И за такія милостивыя письма я

и солдаты благодаримъ Бога и нашимъ милостивымъ Государю и Государынѣ Ихъ Императорскимъ Величествамъ, что нашъ должной трудъ угоденъ показался, истинно сердце радуется при трудахъ и работахъ, такую видя милость, а наипаче мнѣ; и похожу на Французовъ, хотя денегъ нѣтъ въ мошнѣ, а указу объ жалованьѣ моемъ и фуражѣ, чтобъ мнѣ здѣсь взять, не получилъ, а веселюся и пѣсни пою съ милостивыми грамотками, а я мню, ежели при такихъ милостивыхъ и похвальныхъ письмахъ да заслуженное жалованье дастся, то впредь и еще веселѣе будетъ, и въ то время не токмо пѣсни пѣть, но сердце будетъ плясать безъ музыки.

На Олонцѣ жалованье мое арестовано, того ради, что Свѣтлѣйшій Князь взялъ при мнѣ, а больше безъ меня Ландратъ ему отпустилъ на щетъ его немалую сумму желѣзныхъ припасовъ, которое онъ обѣщалъ заплатить, а до сего времени не платилъ. Естьли разсудокъ! Государь самъ велѣлъ отпускать взявъ деньги, а Кикинъ приказалъ Князю отпущать безъ денегъ, для того что онъ будто имѣлъ щетъ съ Адмиралтей-

ствомъ, а Свѣтлѣйшій Князь всегда обѣщаетъ платитъ, да денегъ не видимъ слишкомъ 5000 рублей.

Удивительно мнѣ, что всякъ меня зоветъ щастливъ, и того ради вижу отъ многихъ въ моемъ щастіи зависть, а я мню, что съ ними можно мое щастіе смѣнить съ ихъ богатствомъ, здоровьемъ и покоемъ, а я не знаю въ чемъ мое щастіе состоитъ; то правда, что Государь ко мнѣ милостивъ и видя трудъ мой хвалитъ и вѣритъ, а другіе моя брашья, такожде и прочіе, у каковыхъ господъ въ нѣгѣ отъ лѣности и покою брюхи и икры въ ногахъ трескаются, имъ же жалованье дается пропивъ меня гораздо больше безъ спору и ссоръ, тѣ же брюха огорожаютъ еще деревнями, чрезъ что они живутъ какъ въ раю, ихъ же вездѣ зовутъ на свадьбы и въ прочія честныя ассамблеи, всякъ ихъ почитаетъ, что они богаты и умѣютъ льстить и попакать, а я бѣдной какъ рьяная лошадь и подобень гончей собакѣ, покамѣстъ мочь моя есть показать службу Государю, тружуся и тогда хвалятъ, а когда мочи во мнѣ больше не будетъ, то мое имя не воспоминается, наживка

же моя за труды будетъ скорбь безъ пропитанія и изгнаніе отъ непріятелей моихъ, видно изъ того, что я съ начала службы моей не могъ получить жалованья безъ противности и великихъ диспутовъ, и слишкомъ съ 10 лѣтъ рядомъ фуража не получаю.

Деревни, которыя Государь самъ мнѣ пожаловалъ въ Корельскомъ уѣздѣ, безвинно Камер-Коллегія отняла, а другимъ Государь пожаловалъ, и хотя мнѣ Государыня Императрица сама заступница была, и всегда обѣщаніе о дачѣ деревень слыщалъ, а до сего времени не вижу двора, не токмо деревни, а зависти всегда и вездѣ вижу много отъ оныхъ господъ, что на меня глядятъ съ такими рожами съ морщинами, будто перепелошная дудка и съ новогородскимъ кислымъ уксусомъ замазана, такъ кислые взгляды, истинно досадно и не безъ печали. Я искалъ форшуну чрезъ труды и тщаніе о Государевѣ интересѣ, однако вижу, которой не умѣетъ льстить, манить и лисьимъ хвостомъ махать, въ худобѣ потакать, то чрезъ вышеписанные труды и тщаніе нечего получить; я уже усталъ, и мнѣ не мочно стало о

Государевѣ интересѣ стоять, для того, что подпоры моей возможности свихнули, а Государю и вамъ я уже наскучилъ, и ежели ты мой Государь, послѣдняя подпора отъ меня отпадешься, (хотя и грѣхъ вамъ будетъ,) то малой меня вѣтеръ броситъ подъ ноги недруговъ моихъ, кнобъ такихъ.

Я уже довольно знаю, что недруги мои желаютъ мнѣ смерть или изгнѣніе выживая изъ Руси, а я люблю Государя, не хочется мнѣ отъ него отстать, для того я знаю, что въ оныхъ нужнѣйшихъ Государевыхъ дѣлахъ, хотя можетъ быть и выищется кто, токмо съ великимъ жалованьемъ и убытькомъ, однако въдѣйство въ Руси, въ такихъ прудливыхъ дѣлахъ и въ практикѣ въ строеніи и чтобъ такъ узнать Государево намѣреніе и ему могъ бы въ томъ угодить какъ я нижайшій безъ хвастанья; или чтобъ такимъ истиннымъ сердцемъ радѣлъ, я чаю долго сыскивать и много времени въ томъ пройдетъ, покамѣстъ такой человѣкъ сыщется, а и выискавшись привыкнетъ, и службу свою дѣйствительно покажетъ не скоро.

А о прочихъ здѣшнихъ дѣлѣхъ, что

учинено и впредь потребно, посылаю при семъ доношеніе и чертежи, а наипаче о Башкирскихъ дѣлѣхъ и строеніи крѣпостей понужденъ я писать не ожидая Шкадера, потому что есть въ томъ крайняя нужда, и оныя я нарочно не запечаталъ, дабы Ваше Высокоблагородіе изволили высмотрѣть и доложить Государю, такожъ о жалованьѣ моемъ и фуражѣ посылаю челобитную, и прошу чтобъ мнѣ оное здѣсь повелѣно было взять, ты самъ знаешь, что здѣсь нажить не хочу, а занять не у кого, безъ хлѣба же жить по Татарски не привыкъ.

Доносилъ я Государю, что сочиняю штатъ здѣшнимъ начальникамъ, для того чтобъ Берг-Коллегія не ускорила подать, сочиня по представленію Михаелиса, которой безъ потребности много чиновъ написалъ, и по оному можетъ больше въ расходѣ на жалованье, нежели въ приходѣ прибыли быть.

Октября 22 дня
1723 года.

Рѣчь Аннибала къ П. Сципіону.

Когда такъ судьба велѣла, чтобы тотъ, кто первый открылъ войну съ Римскимъ народомъ, кто столько разъ, такъ сказать, въ рукахъ имѣлъ рѣшительную побѣду, словомъ, чтобы я добровольно просилъ мира: то одно утѣшеніе для меня, что судьба опредѣлила мнѣ просить о томъ тебя, а не другаго. Сверхъ прочихъ отличныхъ заслугъ твоихъ, ты будешь имѣть и ту славу, что Аннибалъ, которому даровали Боги побѣды надъ многими Римскими полководцами, призналъ одного тебя побѣдителемъ своимъ, и что ты положилъ конецъ войнѣ, прежде для насъ и потомъ для васъ кровопролитной. Щастіе твое произвело и ту игру случая, что я поднялъ оружіе во время Консульства отца твоего; войска мои имѣли первое дѣло съ войсками Римскими, бывшими подъ его предводительствомъ; а передъ его сыномъ положивъ мечь, прошу мира. Ахъ! всего бы лучше, по мнѣнію предковъ нашихъ, внушенному имъ самими Богами, остаться — вамъ въ предѣлахъ Италіи, намъ въ предѣлахъ Африки. Сицилія и Сардинія и для

васъ истинно не стоятъ того, чтобы потерять за нихъ столько воиновъ и столько отличныхъ полководцевъ. Но сдѣланное охуждать не трудно, труднѣе поправить. Погнавшись за чужимъ, мы принуждены были защищать свое собственное. Вы сражались въ предѣлахъ Италіи; мы въ предѣлахъ Африки. Почти при вратахъ и подъ стѣнами Рима видѣли вы развѣвающіяся знамена и оружіе непріятелей вашихъ; и мы изъ самаго Карѳагена слышали крикъ, происходившій въ Римскомъ лагерѣ. Теперь, при успѣхѣ вашего оружія, дѣло идетъ о томъ самомъ, чего прежде мы и слышать не хотѣли; вы всего болѣе желали — дѣло идетъ о мирѣ, идетъ чрезъ насъ, до которыхъ оно касается всѣхъ болѣе, и которые что ни постановятъ, сограждане наши утвердятъ не отрекутся: нужно только намъ приступить къ сему миролюбнымъ расположеніемъ сердецъ нашихъ. Что принадлежитъ до меня, я возвращаясь при старости лѣтъ въ отечество, отъкуда выѣхалъ юнымъ, и опытомъ лѣтъ, и успѣхомъ и неудачею предпріятій научился слѣдовать болѣе внушенію разума, а не внушеніямъ щастія непостояннаго. Но

я боюсь юныхъ лѣтъ и непремѣнныхъ успѣховъ твоихъ, кои всего менѣе совмѣстны съ расположеніемъ къ миру. Полагающійся на щастіе свое едва ли готовъ вѣрить превратности случая. Я при Тразименѣ, при Каннахъ былъ въ подобномъ нынѣшнему положенію твоему. Едва вступилъ ты въ лѣта воина, тотчасъ получилъ начальство надъ войскомъ, съ нетерпѣніемъ стремился путемъ славы и повсюду встрѣчалъ улыбающееся тебѣ щастіе. Горя отмстить смерть отца своего и дяди, отмстить бѣдствія постигшія домъ твой, ты оказалъ все мужество и духъ необыкновенно высокой: возвратилъ Риму Испанскія области, одержалъ надъ нашимъ воинствомъ четыре знаменитыя побѣды; возведенный на Консульское достоинство, когда другіе не имѣли столько духу, чтобъ защитить Италію, явился ты въ самой Африкѣ, двоекратно поразилъ войска наши; завладѣвъ въ одно и тоже время двумя лагерями, предалъ оные пламени; взялъ въ плѣнъ владѣтельнаго царя Сифакса, завоевалъ множество городовъ и въ его царствѣ и въ нашихъ областяхъ, и послѣ шестнадцатилѣтняго пребыванія мое-

го въ Италіи заставилъ меня возвратиться въ Испанію. Признаюсь, что въ семъ положеніи, легко можно миръ отвергнуть и пожелать побѣды. Мнѣ извѣстны блестящія мечты славы, которыя не всегда удаваться могутъ. Меня видѣли нѣкогда также во всемъ блескѣ щастія. Ахъ! когда бы Боги ниспосылали намъ вмѣстѣ съ благополучіемъ нашимъ и большую прозорливость, тогда бы мы обращали взоры не на одни минувшія происшествія, но и на то, что можетъ впредь послѣдовать. Оставивъ прочихъ, на мнѣ видишь живой примѣръ превратности случая. Давно ли находился я въ лагерѣ за рѣкою Аніеномъ, подъ стѣнами вашего града, готовъ былъ впорнуться въ Римъ: теперь здѣсь предъ тобою; нѣтъ уже у меня обоихъ братьевъ, героевъ и славныхъ полководцевъ; въ виду у меня почти осажденныя стѣны Карѳагена; я трепещу за мое отечество, какъ заставилъ было трепетать васъ за ваше. На великое щастіе всего менѣе полагаться можно. Въ хорошемъ положеніи дѣлъ твоихъ и сомнительномъ нашихъ, миръ, которой ты даруешь, будетъ для васъ самый выгодный и блистательный; для

насъ, которые его просимъ, не столько полезный, сколько необходимый. Вѣрный миръ лучше и надежнѣе побѣды чаемой. Миръ въ твоей власти, а побѣда во власти Боговъ. Не подвергай успѣховъ, годами пріобрѣтенныхъ, удару одного часа. Не свои токмо силы измѣряй, но и силу щастія и успѣхъ войны обоюдный. Съ той и съ другой стороны найдутся мечи, найдутся и люди. За успѣхъ войны всего меньше ручаться должно. Сдѣлавшись и побѣдителемъ не столько выиграешь славы противу той, которую имѣть будешь даровавши миръ, сколько побѣжденный потеряешь. Одинъ часъ унесетъ и пріобрѣтенныя уже и ожидаемыя заслуги. Все относительно мира въ полной власти твоей, Сципіонъ; въ противномъ случаѣ надобно будетъ довольствоваться жребіемъ, какой даруютъ Боги. М. Атилій принадлежалъ бы къ числу рѣдкихъ полководцевъ по успѣхамъ дѣйствій и мужеству своему въ сихъ же самыхъ мѣстахъ, когда бы послѣ побѣдъ своихъ склонился на просьбы предковъ нашихъ и даровалъ миръ: не положивъ однако предѣла успѣхамъ своимъ, понадѣявшись на щастіе ему послужившее, чѣмъ

болѣе вознесся, тѣмъ постыднѣе низринулся. Назначишь мирныя условія въ правѣ тотъ, кто даетъ миръ, а не тотъ, кто его испрашиваетъ: можетъ быть и мы стоимъ того, чтобы самимъ себѣ опредѣлить наказаніе. Соглашаемся уступить вамъ все, за что предприняша война, то есть: Сицилію, Сардинію, Испанію съ островами находящимися по всему пространству моря между Африкою и Италіею. Предѣлами нашими останутся Африканскіе берега. Всѣ внѣшнія области наши на сушѣ и на водахъ (когда такова воля Боговъ) предоставляемъ вамъ съ полною властію и зависимостію. Признаюсь, что въ недавнемъ времени желаніе мира не слишкомъ искренное или слабая надежда получишь его, достаточны были сдѣлашь передъ вами Карѳагенскую вѣрность подозрительною. Къ ненарушимости мира, Сципіонъ, много способствуетъ то, чрезъ кого онъ испрашивается. Говорятъ, что сами Сенаторы ваши неоднократно отрекались дать миръ по той токмо причинѣ, что посольство не заслуживало надлежащаго уваженія. Нынѣ видишь передъ собою Аннибала съ просьбою о мирѣ. Я и не

искалъ бы его, еслибъ не почиталъ для насъ нужнымъ. Не допущу нарушить сего мира по тѣмъ самымъ причинамъ, для которыхъ рѣшился его искать. Я умѣлъ сохранить довѣренность сограждан моихъ во все продолженіе начатой мною войны, доколѣ сами Боги не возревновали мнѣ въ побѣдахъ: равнымъ образомъ мое будетъ дѣло сохранить ту же довѣренность и въ разсужденіи мира мною пріобрѣтеннаго.

На сіе Римскій полководецъ отвѣтствовалъ почти такими словами:

Не обманулся я, Аннибалъ, полагая, что Карѳагеняне, ободренные твоимъ присутствіемъ, отвергли святость перемирія и самую надежду къ миру. Ты самъ совершенно обнаружилъ все, не упоминая ни объ одной статьѣ изъ бывшихъ въ мирномъ договорѣ, кромѣ относящихся къ давнимъ нашимъ владѣніямъ. Конечно ты правъ въ разсужденіи желанія своего доставить согражданамъ большія выгоды мира: равно мое дѣло не давъ вамъ воспользоваться нынѣ изключеніемъ пренебреженныхъ условій, не позволить торжествовать вѣроломству. Вы не искренно желаете мира, рѣшаясь для своей

пользы на новый обманъ, который теперь скрываете. Ни предки наши за Сицилію, ни мы за Испанію не начинали войны. Тогда угрозами Мамертинскимъ союзникамъ нашимъ, нынѣ разрушеніемъ Сагунта, вы заставили насъ поднять праведное оружіе. Сами вы искали кровопролитія, въ чемъ и ты сознаешся, и чему свидѣтели Боги, которые щастливыми успѣхами свято и праведно увѣнчали для насъ какъ прежнюю войну, такъ и настоящую увѣнчеваютъ и увѣнчать не преминутъ. Что касается собственно до меня, слабости человѣческія мнѣ памятны; я также не забываю перемѣны щастія и увѣренъ, что случаются тысячи обстоятельствъ, превращающихъ дѣла наши. Конечно я поступилъ бы надменно и несправедливо отвергнувъ предложеніе о мирѣ тогда, когда бы ты сдѣлалъ оное до моего вторженія въ Африку, рѣшившись оставить добровольно Италію и посадить войска на суда. Нынѣ принудивъ тебя неиначе какъ бы силою выдти изъ Италіи и возвратиться въ Африку, я тебѣ не обязанъ никакими пожертвованіями. Впрочемъ, если кромѣ того, на чемъ положено уже было заклю-

чишь миръ, (тебѣ извѣстно все) предложится что нибудь въ замѣну захваченныхъ во время перемирія судовъ съ хлѣбомъ и въ удовлетвореніе оскорбленныхъ правъ посольства, я готовъ вступить вновь въ мирные переговоры. Когда же и прежнія условія почитаете обременительными для себя, отражайте силу силою: ибо миромъ воспользоваться не умѣли.

Такимъ образомъ оба полководца, не сдѣлавши ничего при своемъ свиданіи въ пользу мира, возвратились къ согражданамъ и сказали: тщетны слова тамъ, гдѣ только оружіе все рѣшить можетъ. Должно намъ быть готовымъ на то, что даруютъ Боги; и потомъ оба вступивши въ лагерь, возвѣстили слѣдующее:

Къ оружію! воины; послѣдняя битва предстоитъ намъ, и когда столько щастливы будемъ, что увѣнчаемся въ ней побѣдою, увѣнчаемся не на одинъ день, но навсегда. Завтрешній вечеръ рѣшитъ, Римъ или Карѳагенъ повелѣвать будетъ народами. Не Африка и не Италія вознаградитъ побѣдителей, но обладаніе вселенною. Награда величайшая! Равная и

опасность угрожаетъ тѣмъ, которые къ своему нещастію потеряютъ сраженіе.

Б.

О любви къ жизни.

Старость уменшающая удовольствія жизни, увеличиваетъ желаніе наше жить на свѣтѣ. Опасности, которыя мы во цвѣтѣ юности учились презирать, ужасаютъ насъ въ старости. Вмѣстѣ съ лѣтами увеличивается наша предосторожность; наконецъ страхъ овладѣетъ совершенно нашимъ умомъ, и малый остатокъ жизни употребляемъ мы на безполезныя усилія отвратить отъ себя конецъ нашъ, или продлить наше существованіе.

Странное противорѣчіе нашей природы! но ему подверженъ и самый мудрый человѣкъ. Я долженъ ужасаться, когда объ остаткѣ моей жизни буду судить по жизни проведенной мною. Опытность говоритъ мнѣ, что прошедшія мои наслажденія не принесли мнѣ истиннаго блаженства; а чувство увѣряетъ меня, что сіи прошедшія наслажденія гораздо болѣе тѣхъ, которыя ожидаютъ меня въ старости. Но опытность и чувство увѣряютъ меня напрасно: надежда, имѣющая надо мною болѣе власти, даетъ будущему видъ самый прелестный; мнѣ

кажется, что вижу вдали блаженство, которое манитъ меня къ себѣ, и я бываю похожъ на страстнаго игрока, въ которомъ каждая новая неудача увеличиваетъ охоту играть.

Но отъ чего же увеличивается въ насъ любовь къ жизни? Отъ чего происходитъ, что мы дѣлаемъ величайшія усилія для сохраненія нашей жизни въ такое время, когда она того не стоитъ? Отъ того ли, что природа, желая сохранить родъ человѣческій, увеличиваетъ нашу любовь къ жизни, когда жизнь не приноситъ уже намъ наслажденій? или, отъемля удовольствія у чувствъ природа обѣщаетъ воображенію замѣнить сіи удовольствія другими? — Жизнь была бы несносна для старика, который, будучи обремененъ недугами, боялся бы смерти не болѣе какъ молодой человѣкъ. Безчисленныя страданія разрушающагося тѣла, и увѣренность, что онъ пережилъ уже всѣ наслажденія, довели бы его до того, что онъ пресѣкъ бы собственною рукою тягостное бытіе свое; но по щастію онъ теряетъ презрѣніе къ смерти въ то самое время, когда смерть кажется позволительною. Жизнь получаетъ мысленную

цѣну по мѣрѣ какъ лишается она цѣны существенной.

Привязанность наша къ предметамъ, насъ окружающимъ, увеличивается вообще отъ продолжительнаго обращенія съ ними. Умъ, привыкшій къ какимъ нибудь предметамъ, нечувствительно получаетъ страсть къ онымъ, посѣщаетъ ихъ по привычкѣ и разстается съ ними съ горестію: отъ сего происходитъ въ старыхъ людяхъ скупость; они любятъ свѣтъ, и все, что онъ производитъ; они любятъ жизнь и всѣ ея удовольствія, не потому что они наслаждаются ею, но потому что давно уже ее знаютъ.

Чин-Вангъ *воздержной*, при вступленіи на Китайскій престолъ, повелѣлъ, чтобъ всѣ несправедливо заключенные въ темницу во время царствованія его предмѣстника, были освобождены. Въ числѣ освобожденныхъ, пришедшихъ благодарить своего избавителя, находился старикъ величественнаго вида, который, повергнувшись къ ногамъ Императора, сказалъ ему: „Великій Государь, ты видишь нещастнаго, который заключенъ былъ въ темницу двадцати двухъ лѣтъ. Я былъ невиненъ, и не могъ даже упро-

сить, чтобъ выслушали доказательство моей невинности. Я жилъ въ уединеніи и мракѣ болѣе пятидесяти лѣтъ, и уже привыкъ къ своему злополучію. Теперь, ослѣпляемый сіяніемъ солнца, бродилъ я по улицамъ и искалъ кого нибудь изъ друзей моихъ, которые бы оказали мнѣ помощь или хотя вспомнили обо мнѣ, но и друзья мои, и родные, и знакомые давно уже умерли: меня никто не помнитъ. Позволь мнѣ, о Чин-Вангъ, кончить дни мои въ той темницѣ, изъ которой благость твоя меня освободила: стѣны ея нравятся мнѣ болѣе, чѣмъ самые великолѣпные домы. Мнѣ жить не долго, и я буду нещастливъ, естьли не проведу остатки моей жизни тамъ, гдѣ провелъ свою юность.“

Желаніе старика прожить въ темницѣ подобно нашему желанію жить на свѣтѣ. Мы уже привыкли къ своей темницѣ, и хотя чувствуемъ ея тягости, но продолжительность нашего заключенія увеличиваетъ любовь нашу къ оной. Насажденныя нами деревья, построенные нами домы, происшедшія отъ насъ существа, все умножаетъ привязанность нашу къ землѣ, и принуждаетъ ужасаться

смерти. Для молодыхъ людей, жизнь подобна новому знакомству; хотя обращеніе съ человѣкомъ, котораго мы коротко не знаемъ, для насъ можетъ быть и пріятно и наставительно; хотя бесѣда съ нимъ нравится, но мы не очень дорожимъ его знакомствомъ. Что-жъ касается до насъ, людей пожилыхъ, то жизнь подобна старому, испытанному другу; хотя въ обращеніи съ нимъ мы не можемъ занять отъ него ничего новаго, но мы всегда любимъ быть съ нимъ; хотя въ немъ нѣтъ никакой веселости, но мы любимъ его, бережемъ какъ сокровище, и при разлукѣ съ нимъ чувствуемъ всѣ возможныя мученія.

Филипъ Мордантъ былъ человѣкъ молодой, прекрасный собою, умной и добрый; имѣлъ большое богатство и былъ любимъ Королемъ. Жизнь представляла ему всѣ свои удовольствія, и по всему можно было судить, что онъ долго будетъ наслаждаться щастіемъ. Но онъ почувствовалъ отвращеніе отъ жизни, испытывалъ всевозможныя удовольствія и всѣ находилъ слабыми. Если мнѣ тягостно жить въ молодости, разсуждалъ онъ, то чего долженъ я ожидать тогда

какъ посѣтитъ меня старость? Если теперь жизнь не имѣетъ для меня удовольствій, то, безъ сомнѣнія, тогда сдѣлается для меня несносною." Эта мысль не выходила изъ головы его, и наконецъ со всѣмъ спокойствіемъ духа лишилъ онъ себя жизни. Но еслибъ сей человѣкъ разсудилъ, что чѣмъ болѣе живутъ люди, тѣмъ болѣе жить хотятъ, то онъ бы взиралъ на старость безъ отвращенія, сносилъ бы жизнь и служилъ отечеству, которое оскорбилъ постыднымъ своимъ бѣгствомъ.

(*съ Англійскаго.*) *Н.*

О ссорахъ писателей.

Много говорено было о вредѣ, который дѣлаютъ себѣ писатели своими разногласіями и ссорами; но не довольно говорено было о томъ, сколько теряютъ они удовольствій и выгодъ, противясь склонности, которая всегда влечетъ ихъ одного къ другому. Въ то время, когда они не ведутъ между собою войны, имъ весьма пріятно встрѣчаться другъ съ другомъ, а разставаться очень трудно. И какъ не имѣть имъ сильной привязанности, естественной склонности другъ ко другу? они всегда могутъ говорить между собою о томъ, что имъ пріятнѣе всего на свѣтѣ.

Между большею частію людей разговоръ, составленный изъ однѣхъ холодныхъ, незанимательныхъ мыслей, ни кого не прогаетъ: у нихъ находится въ дѣйствіи органъ мысли, слово; самая же мысль находится безъ дѣйствія, сердце остается безъ ощущенія. — Почти можно сказать, что для нихъ разговоръ есть то же, что тѣлесное упражненіе; но для тѣхъ, которые занимаются словесностію и любятъ ее, онъ есть самое пріятное

ятнѣйшее упражненіе ума и сердца: у нихъ разговоръ раждается отъ тѣхъ *обыкновенныхъ источниковъ*, о которыхъ повторяютъ уже лѣтъ двадцать; у нихъ прелесть новости, столь привлекательная для ума, возбуждаетъ умъ, даетъ ему видѣть и говорить безпрестанно новое; у нихъ каждое слово всегда выражаетъ какую нибудь мысль или чувствованіе и раждаетъ множество другихъ; говорящій дѣлаетъ вдохновеннымъ слушающаго, и оба, такъ сказать, поперемѣнно бываютъ геніями другъ друга. Слушающіе ихъ разговоръ могутъ подумать, что они присутствуютъ на тѣхъ борьбахъ ума и воображенія, гдѣ поэты, спорящіе о наградахъ за свое искуство, описываютъ одинакій предметъ. Сколь часто писатель почерпалъ въ разговорѣ съ своимъ соперникомъ тотъ восторгъ, который возвысилъ его надъ нимъ! Онъ былъ въ то время щастливъ, но дѣлался несравненно щастливѣе тогда, когда въ пріятныхъ дружескихъ разговорахъ забывалъ всѣ тѣ минуты, въ которыя помышлялъ о средствахъ унизить своего соперника. Кто умѣетъ платить дружбою за дружбу, тотъ также умѣетъ наслаж-

даться и всѣми ея прелестями. Время, въ которое души будутъ въ состояніи видѣться и бесѣдовать, есть для большей части людей предметъ вѣчныхъ ихъ надеждъ. Сіе райское благополучіе писатели могутъ низводить на землю. Истребите изъ сердца ихъ чувство зависти, — и я предпочту щастіе ихъ самой ихъ славѣ. Какую великую истину сказалъ имъ Бюффонъ: *писатели имѣютъ болѣе нужды въ согласіи, нежели въ покровительствѣ.* Сколь пріятно имъ думать, что они могутъ гораздо болѣе сдѣлать себѣ добра, нежели сколько получили отъ Ришельё и Людовика XIV, которые сами одолжены большею частію своей славы тому, что были покровителями писателей.

Скифы къ Александру Великому.

(Вольный переводъ изъ VII й книги Квинта-Курція)

Великій Александръ, побѣдами надмѣнной,
Сей Царь—гроза людей, сей бичь и страхъ вселенной,
Включая гибель царствъ въ число безсмертныхъ дѣлъ,
Готовилъ въ торжествѣ и Скифамъ сей удѣлъ.
Но жители сихъ странъ, съ геройскими сердцами,
Свободными родясь—гнушались быть рабами;
Равны—и не мечтавъ о суетныхъ честяхъ,
Вели счастливы дни въ отеческихъ лѣсахъ.
Одинъ изъ Скифовъ сихъ, покорствуя народу,
Съ геройствомъ на челѣ, въ душѣ храня свободу,
Безтрепетно предсталъ предъ грознаго Царя.
Усерднымъ рвеніемъ къ отечеству горя,
„О вождь!„—вѣщаетъ Скифъ властителю надмѣнну,—
Скажи, почто пришекъ въ страну непросвѣщенну?
Почто насъ угнетать велишь своимъ рабамъ?
Не сдѣлавъ зла тебѣ—за что отмщаешь намъ?
Скажи видалъ ли ты, чтобъ Скифы ополченны,
Съ толпой бездушныхъ жертвъ къ убійствамъ устремленны,
Забывъ, сколь свято всѣмъ спокойствіе гражданъ

Вторгалися съ мечемъ въ предѣлы чуждыхъ
страны?
Коль мы хранимъ свой долгъ — почто ты
нарушаешь?
Знай, Скифовъ покорить напрасно ты мечтаешь;
Свободными родясь—мы съ младости своей
Привыкли презирать и рабство и Царей!
Ты мнишь, что изверговъ пришелъ смирить
войною —
Но ты—котораго рушительной рукою
И царства и Цари низвергнуты во прахъ,
Которому вездѣ предъидетъ смерть и страхъ,
Кто ты—коль не злодѣй убійствомъ знаменитой?
Внимая воплямъ жертвъ и кровью ихъ омытой,
Рушитель тишины и счастія людей,
Всѣмъ жертвуя алчбѣ и лютости своей,
Убійствомъ окруженъ и жребій зря ужасной
Лидіи, Персіи и Сиріи несчастной,
Средь нѣги, роскоши, сокровищъ и побѣдъ,
Ужель алкаешь ты свершенья новыхъ бѣдъ?
О Царь! среди лѣсовъ, гдѣ Скифы обитаютъ,
Гдѣ дышутъ вольностью и рабство презираютъ,
Гдѣ чтутъ одинъ законъ—природы и Боговъ!
Гдѣ въ сердцѣ каждаго, къ отечеству любовь!
Вѣрь, игу чуждому никто не покорится.
Но бѣдствіе войны доколь тобой продлится?
Доколѣ будешь ты разить и угнѣтать?

Кто право далъ тебѣ кровь смертныхъ проливать?
Коль въ образѣ твоемъ — грозящемъ всѣмъ бѣдами—
Зрю — свыше смертнаго — властителя надъ нами,
Коль Богъ ты — благостью равняйся самъ Богамъ.
Но естьли смертный ты во всѣмъ подобный намъ,
Съ какихъ ты правъ велишь народамъ — покаряться,
Природу унижать и духомъ пресмыкаться?
Знай, смертный какъ и мы — въ величествѣ своемъ,
Ты славенъ лишь мечтой, но равенъ намъ во всѣмъ!

Н. Хлѣбницкій.

Монастырь.

(Элегія.)

Насталъ покоя часъ! отъ хвалъ, моленій томныхъ,
Пустынной тишинѣ предавши мрачный храмъ,
Рядъ труженицъ идетъ печальныхъ и безмолвныхъ
Склонишься къ сладостнымъ забвенія мечтамъ. —

*

Смиренны странницы сей жизни скоротечной,
Для коихъ на всегда веселье отцвѣло;
Ихъ вѣра облекла въ одежду скорби вѣчной,
Ихъ къ гробу блѣдное потуплено чело.

*

Вступаетъ каждая въ свой теремъ одинокой,
Другъ къ другу скорбный взглядъ бросая при дверяхъ;
Свѣтило дневное сокрылось въ понтъ глубокой
И вечеръ воцаренъ прохладный на поляхъ.

*

Все нѣмо вкругъ меня! лишь тихое моленье
Несется изъ среды обители святой;
Тамъ дѣва, припаясь, въ сердечномъ сокрушеньѣ
Возноситъ къ Божеству смиренно голосъ свой.

*

Быть можетъ, страстію нещастною томима,
Погибшихъ радостей взываетъ отъ небесъ—
Или печалію ко гробу приводима,
Послѣдній молитъ часъ съ потокомъ горькихъ слезъ.

*

Какъ, скрытое во мракъ, ей внемлетъ провидѣнье,
И часъ полуночи медлительный звучитъ,
Сопутницы ея вкушаютъ усыпленье —
И ихъ безбрачный одръ являетъ гроба видъ.

*

Свѣтильники любви для нихъ не возгорятся,
Супруги нѣжные ихъ къ персямъ не прижмутъ,
Ихъ въ чадахъ красоты уже не обновятся,
И самыя мечты жилища ихъ бѣгутъ.

*

Ихъ строгое одной святыни обожанье
Кладетъ на лица ихъ угрюмости печать;
Ихъ сердце хладное мертвѣетъ въ покаяньѣ,
Въ привычкѣ горестной отъ радостей бѣжать.

*

Въ сѣ дни посвящены занятіямъ единымъ
Гнѣвъ праведныхъ небесъ на милость преклонять,
Ко промыслу нестись хваленьемъ устъ невиннымъ,
Святый его олтарь смиренно украшать.

*

О вы владѣющи возлюбленныхъ сердцами,
Кому веселіе въ семъ мірѣ суждено,

Не смѣйте ихъ встрѣчать надмѣнными очами,
Все ваше щастіе мгновеніе одно.

*

Ни ласки милыхъ чадъ, ни ихъ лобзанье нѣжно,
Ни страстныя любви молящій слезный гласъ,
Ничто не отвратитъ терзанье неизбѣжно,
Съ которымъ грозна смерть откроетъ гробъ для васъ!

*

Пускай, подобно вамъ, онѣ во взорахъ страстныхъ,
Величіе своей побѣды не прочтутъ,
Не встрѣтятъ ихъ во вѣкъ—и рукъ своихъ прекрасныхъ
Въ объятья пламенной любови не простругъ—

*

Увы! сія краса и взоры жизнь дающи
Лишатся нѣкогда пріятности своей:
По розовымъ путямъ и терновымъ идущи
Равно скрываются подъ хладною землей.

*

Что самая любовь, сей жизни упоенье?
Восторги пламенны въ сліяніи сердецъ,
Не столько сладостны, какъ страшно разлученье
Которымъ познаемъ мы жизни сей конецъ.—

*

Быть можетъ, нѣкогда къ гробницѣ сей высокой,
Когда вы въ тишинѣ придете здѣсь бродить,
Въ мечтанья погрузясь о долѣ одинокой,
Приникнетъ скорбна тѣнь и будетъ говорить:

„Я юную имѣлъ во цвѣтѣ дней подругу;
„Ее сразила смерть—послѣдню ей услугу
„Отдать я въ горести за гробомъ текъ ея;
„Унылый мѣди звонъ, свѣтъ тусклаго огня,
„Мольбы, которыя вкругъ гроба простирались,
„Съ стенаніемъ друзей и съ плачемъ ихъ сливались:
„Все скорбію мой духъ наполнило тогда;
„Но что я чувствовалъ, красавицы!... когда
„На первый звукъ земли валимой тихо съ края,
„Въ глуши отозвалась обитель гробовая?...

М.

Возы съ сѣномъ.

(Басня).

„Нѣтъ, нѣтъ, гнѣдой! никакъ не уступлю,
Я унижаться не люблю,
Какъ сѣно повеземъ, смотри жъ, ступай за мною;
Я въ Питерѣ возилъ Секретаря съ женою,
Да только иногда
Съ дворцовой пристани вода
Въ боченкѣ легонькомъ на мнѣ каталась;
Теперь-то черная работа мнѣ досталась,
Однако духъ мой не унылъ,
Смотри, какъ впереди пойду я горделиво!“
Такъ рыжій говорилъ. —
Изволь идти щастливо,
Сказалъ гнѣдой .... и возы повезли.
Послушайте жъ: когда дорогой шли,
Гнѣдой къ переднему все возу подвигался,
Щипалъ сѣнцо да и ѣдался,
А рыжій съ гордостью лишь удилы глодалъ
И такъ оголодалъ
Что до ночлегу чуть добрался.

*

Подобныхъ выскочекъ я межъ людьми видалъ,
У нихъ въ умѣ всегда тревога:

Чинокъ бы лишній взявъ опередишь другихъ.
Избави Господи отъ замысловъ такихъ!
Переднему труднѣй дорога.

Н. О...

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Шиллерово разсужденіе о высокомъ.

(*Окончаніе.*)

Высокое, также какъ и *прекрасное*, по всей природѣ щедро разсыпано, и человѣку дана способность чувствовать обое; но развитіе того и другаго чувства бываетъ неравное и требуетъ пособій отъ искусства. Уже сама природа хочетъ, чтобъ мы сперва къ *красотѣ* прилѣплялись, между тѣмъ какъ еще *высокаго* чуждаемся: ибо красота есть дѣтоводительница духа нашего въ его младенчествѣ, и она должна насъ изъ грубаго естественнаго состоянія возвести въ состояніе утонченное. Но хотя ей принадлежитъ первая любовь наша, и она хотя первая научаетъ насъ чувствовать: однако природа постаралась и о томъ, чтобъ чувство красоты долѣе не могло притти въ зрѣлость, и для полнаго своего развитія требовало бы образованные уже умъ и сердце. Естьли бы вкусъ вполнѣ созрѣлъ прежде нежели истина и нравственность инымъ вѣрнѣйшимъ путемъ вселилися въ сердце, то чувственный міръ оставался бы кон-

цемъ нашихъ устремленій. Мы не выступали бы изъ онаго ни понятіями ни чувствами нашими; и то, чего не можетъ представить намъ воображеніе, не имѣло бы для насъ и бытія. Но по счастію таково уже устроеніе природы, что вкусъ хотя и рано цвѣсти начинаетъ, позже другихъ душевныхъ способностей приходитъ въ зрѣлость. Между тѣмъ имѣемъ довольно времени обогатить разумъ понятіями и вкоренить сердцу правила, а съ тѣмъ купно раскрыть въ умѣ своемъ чувство высокаго и величественнаго.

Пока человѣкъ былъ только рабомъ необходимости физической, не умѣлъ еще выйти изъ тѣснаго круга нуждъ и не сознавалъ еще въ себѣ высокой духовной свободы, до тѣхъ поръ должна была ему необъятность природы напоминать только тѣсноту его воображенія, а вредоносность ея физическое его слабосиліе. Слѣдовательно долженъ былъ онъ первую съ малодушіемъ пропускать мимо себя, а отъ послѣдней съ ужасомъ отвращаться. Но лишь только свободное созерцаніе дало ему опомниться отъ слѣпаго прираженія силъ физическихъ и

лишь только открылъ онъ среди сего прилива явленій нѣчто въ самомъ себѣ постоянное: то уже дикія около его массы естества возговорили его сердцу совершенно инымъ языкомъ. Тогда усматриваемое имъ въ предметахъ *относительно великое* послужило зеркаломъ, въ коемъ онъ увидѣлъ *неотносительно* или *неограниченно-великое* своея сущности. Безъ боязни уже, но съ пріятнымъ содроганіемъ приближается онъ тогда къ симъ страшилищамъ своего воображенія и нарочно всю силу онаго напрягаетъ, чтобъ представить необъятное для чувствъ; и чтобъ отъ самой невозможности такого представленія тѣмъ живѣе ощутить превосходство идей своихъ надъ всѣмъ, что въ чувственности можетъ быть высочайшаго. Воззрѣніе на безконечныя дальности и недосягаемыя высоты, на обширный у ногъ его океанъ и на океанъ обширнѣйшій надъ его главою, изторгаетъ духъ его изъ тѣснаго круга существенности и изъ удручающихъ оковъ физической жизни. Простое величество природы пріучаетъ его мѣрить вещи большимъ мѣриломъ; и окруженъ будучи великими явленіями ея, не

терпитъ онъ уже стѣсненности въ своемъ образѣ мыслей. Сколько уже, можетъ быть, лучезарныхъ мыслей и геройскихъ намѣреній, не пришедшихъ бы на умъ въ учебномъ кабинетѣ, или въ гостиной комнатѣ, — родилось прогулкою на свѣжемъ воздухѣ, единственно отъ сей мужественной ошибки духа нашего съ великимъ духомъ природы: — и не рѣдкому ли обхожденію съ великимъ Геніемъ симъ приписывать отчасти должно то, что горожане характеръ имѣютъ наклонный къ бездѣлицамъ, стѣснившійся и завялый, между тѣмъ какъ у кочеваго народа нравъ откры̀тый и свободный, подобно небу, подъ коимъ онъ витаетъ.

Но не только *высокое качествъ*, или то, чего необъемлетъ воображеніе, — даже *высокое количествъ*, чего не сообразитъ понятіе, — *разстройство*, когда оно въ большомъ видѣ и когда дѣломъ натуры является (иначе оно презрѣнно), можетъ служить къ изображенію сверхъчувственнаго и воскрилитъ душу. Кто не засмотрится скорѣе на умный безпорядокъ дикаго ландшафта, нежели на бездушную правильность французскаго сада? Кто не будетъ охотнѣе дивиться

чудной борьбѣ плодородія и разрушенія въ долинахъ Сицилійскихъ, чей взоръ не захочетъ лучше остановиться на Шотландіи съ ея дикими водопадами и туманными горами, великою природою Оссіана, — нежели въ плоской, уровненной Голландіи удивляться горькой побѣдѣ человѣческаго терпѣнія надъ строптивѣйшею изъ стихій? Безспорно то, что на равнинахъ Баіавскихъ физическому человѣку жить гораздо покойнѣе, нежели при подошвѣ невѣрнаго Везувія, и что для ума, любящаго во всемъ опчетъ и разпорядокъ, гораздо пригоднѣе регулярный хозяйственный огородъ, нежели дикой ландшафтъ природы. Но въ человѣкѣ есть, сверьхъ потребностей живота и плотоугожденія, другая еще потребность, и онъ опредѣленъ еще кое къ чему, кромѣ того, чтобъ посшигать окружающія его явленія.

Что для чувствительнаго путешественника дѣлаетъ сполъ привлекательною страннообразность физическаго творенія, — самое то открываетъ воспламененному высокимъ чувствомъ уму, даже въ неустройствѣ нравственнаго міра, приводящемъ другихъ въ толикое раз-

думье — источникъ особеннаго удовольствія. Правда, что ежели кто желаетъ освѣтить скуднымъ факеломъ человѣческаго разумѣнія темное для насъ въ великомъ чертежѣ природы, и всегда только о томъ помышляетъ, какъ бы въ смѣломъ ея безпорядкѣ найти гармонію, — тому не понравится такой міръ, въ которомъ все, кажется, болѣе по неистовому случаю, нежели по мудрому устроеваетсп плану, и гдѣ по большой части достоинство и счастіе не ладятъ другъ съ другомъ. Ему хотѣлось бы, чтобъ въ великомъ ходѣ мірскихъ вещей все такъ шло, какъ въ порядочномъ хозяйствѣ; и когда онъ, что и естественно, не примѣчаетъ такого порядка въ ономъ, тогда остается ему одно утѣшеніе, ожидать отъ будущей жизни и отъ другой натуры того удовлетворенія, котораго настоящая и прошедшая жизнь не могли ему доставить. Но ежели онъ добровольно откажется отъ покушеній сообразить въ умѣ своемъ сей нестройный хаосъ явленій, то онъ получитъ съ другой стороны богатый замѣнъ за то, что съ этой стороны считаетъ потерянным. Самый сей недостатокъ соотвѣтственности

между явленіями нравственнаго міра, чрезъ что оныя для насъ непонятны и безполезны разумѣнію нашему, не усматривающему въ нихъ потребной связи, дѣлаетъ ихъ тѣмъ вѣрнѣйшими знаменіями *чистаго* (т. е. не подчиненнаго плоти) *разума*, который по сему неправильному и, такъ сказать, безчинному шествію природы, видитъ собственную свою отъ физическихъ условій независимость. Ибо когда мы, разрознивши какія либо сцѣпленныя, или рядомъ стоявшія вещи, поставимъ оныя одну отъ другой отдѣльно, тогда получаемъ понятіе о независимости, которое разительно сходствуетъ съ идеею свободы, внушаемою намъ чистымъ разумомъ. Въ сей-то идеѣ свободы, которую разумъ въ самомъ себѣ почерпаетъ, *соединяетъ* онъ *мыслями своими* то, чего понятіе или разумѣніе *познаніями своими не можетъ совокупить во едино*; и посредствомъ сей идеи наслаждается онъ безконечною игрою явленій, пребывая въ тоже время властелиномъ разумѣнія, яко способности отъ физическихъ условій зависящей. Представивъ же себѣ, какую долженствуетъ имѣть цѣну для существа разумнаго

чувствованіе себя независимымъ отъ законовъ естественныхъ, поймемъ мы, отъ чего происходитъ, что люди возвышеннаго духа, сею предложенною имъ идеею свободы могутъ считать себя вознагражденными за всякій неуспѣхъ въ достиженіи познаній. Свободу, при всѣхъ ея нравственныхъ несообразностяхъ и физическихъ бѣдствіяхъ, благородной душѣ гораздо занимательнѣе видѣть, нежели благосостояніе и порядокъ безъ свободы,— овецъ терпѣливо идущихъ за пастыремъ; державную волю, смиряющуюся до того, чтобъ служить раболѣпнымъ членомъ машины. Въ послѣднемъ случаѣ можетъ человѣкъ конечно считаться замысловатымъ произведеніемъ природы, и быть счастливымъ ея гражданиномъ: но въ первомъ случаѣ, т. е. со свободою, дѣлается онъ гражданиномъ и соуправителемъ высшей системы, гдѣ несравненно славнѣе занимать послѣднюю степень, нежели быть Корифеемъ порядка физическаго.

Съ сей стороны разсматриваемую,— и только съ сей стороны, почитаю я Исторію предметомъ высокимъ. Міръ историческій въ самомъ дѣлѣ не иное

что есть, какъ поприще, гдѣ силы естественныя, то одна съ другою, то со свободою человѣка сражаются и объ успѣхѣ сей борьбы извѣщаетъ насъ бытописаніе. Изъ толикаго множества накопленныхъ уже Исторіею до нашего времени замѣчаній, большая однако часть наберется такихъ, гдѣ она намъ о *Естествѣ* (къ коему всѣ страсти человѣческія причислять должно), нежели такихъ, гдѣ она о *самосущномъ Разумѣ* намъ возвѣщаетъ; и сей могъ по особымъ только изключеніямъ изъ законовъ естества, оказать власть свою въ Катонахъ, Аристидахъ, Фокіонахъ, и имъ подобныхъ людяхъ. Ежели разкроемъ бытописаніе съ великими ожиданіями, что изъ онаго научимся и просвѣтимся, — сколько мы въ томъ обманемся! Всѣ благонамѣренныя покушенія философовъ, дабы согласить то, чего нравственность *требуетъ*, съ тѣмъ, что дѣйствительный міръ *приноситъ*, остаются тщетными, и сколь охотно *въ органическомъ своемъ царствѣ* природа кажется шествующею по правиламъ, какія предначертываетъ ей нашъ разсудокъ, столь напротивъ того строптиво въ *царствѣ свободы* разпорягаетъ

она узду, по которой водить бы ее хотѣло наше умствованіе.

Совсѣмъ иное будетъ, ежели вовсе откажемся отъ покушеній изъяснять природу; и ежели самую непостижимость ея возмемъ за основаніе нашихъ объ ней разсужденій. Одно то уже, что природа—взятая въ огромномъ видѣ—посмѣвается всѣмъ предписываемымъ ей нами въ умѣ нашемъ правиламъ; что она, на самонравномъ, свободномъ пути своемъ, съ равнымъ невниманіемъ попираетъ произведенія мудрости и произведенія случая; что она вовлекаетъ въ одинъ гробъ съ собою и дорогое и маловажное, и изящное и простое; что она здѣсь сохраняетъ въ цѣлости муравейникъ, тамъ разрушаетъ величайшее свое твореніе — человѣка, сокрушивъ его въ своихъ гигантскихъ объятіяхъ; что она труднѣйшія пріобрѣтенія свои иногда въ одинъ легкомысленный часъ разточаетъ, иногда надъ дѣломъ слабоумія работаетъ цѣлые вѣки; — словомъ сказать, сіе отпаденіе природы, взятой вообще, — отъ правилъ, коимъ она себя въ особенности, въ отдѣльныхъ своихъ явленіяхъ подчиняетъ, очевидно доказы-

ваетъ совершенную невозможность изъяснить природу ея же физическими законами, и дѣлаешь общее заключеніе *о ней* по чему либо примѣченному *объ ней* частно: а отъ того душа наша порѣвается неудержимо изъ міра явленій въ міръ идей (умоначертаніи), изъ условнаго въ безусловное.

Въ разсужденіи сего еще далѣе нежели чувственно-непостижимое, заводитъ насъ грозное для чувственности, вредительное естество; разумѣется, пока мы свободными онаго остаемся зрителями: ибо чувственный человѣкъ и чувственная половина въ человѣкѣ умственномъ всемѣрно опасаются раздражить сіе могущество, которое надъ благополучіемъ и надъ бытіемъ господствуетъ.

Высшій идеалъ, къ коему мы подойти стремимся, есть тотъ, чтобъ жить въ согласіи съ физическимъ міромъ, хранителемъ благоденствія нашего, не разсориваясь чрезъ то и съ нравственнымъ міромъ, судіею нашихъ достоинствъ. Но, какъ извѣстно, не всегда можно быть въ одно время слугою обоихъ владыкъ, и хотя бы въ комъ случалось (почти невозможный случай!) неспорить никогда дол-

жностямъ со склонностями: необходимость естественная ни въ какіе договоры съ человѣкомъ не вступаетъ и человѣкъ не предохраненъ отъ козней рока, ни силою своею, ниже искуствомъ. И такъ, благо ему, когда онъ научился сносить то, чего ему нельзя уже перемѣнить, и оградившись чувствованіемъ своего достоинства, — отдавать добровольно то, чего нельзя сохранить! Могутъ встрѣтиться случаи, что бѣда со всѣхъ сторонъ, какъ говорится, на него ударившая, завладѣетъ всѣми внѣшними укрѣпленіями, на которыхъ основывалъ онъ свою безопасность, и ему нѣкуда будетъ дѣваться, какъ только убѣгнуть въ святилище свободы духовной;—гдѣ къ успокоенію живолюбія одно есть средство: самому рѣшиться на все; и къ отвращенію насильства физическаго, одно средство: предупредить оное, и всѣ привязанности чувственныя самоохотно отложивши, морально умертвить плоть, прежде нежели сдѣлаетъ то физическая какая либо сила.

А на сіе рѣшительнымъ его содѣлываютъ потрясенія душевныя чувствомъ высокаго, и частое обхожденіе съ есте-

ствомъ вредительнымъ; не только тогда, когда онь издали смотритъ на злотворность онаго, но и тогда, когда видитъ оную вблизи, поражающую ближнихъ его. *Патетическое* (прогательное) есть искуственное изображеніе несчастія и оно, подобно истинному несчастію, приводитъ насъ *въ непосредственное сношеніе* съ закономъ духовъ, въ груди нашей повелѣвающимъ. Но истинное несчастіе не всегда хорошо избираетъ свое время и свою жертву. Оно часто въ разплохъ, застигаетъ насъ беззащитныхъ; и, что еще хуже, отнимаетъ у насъ нерѣдко всѣ средства обороны. Искусственное же несчастіе *Патетическаго* застаетъ насъ уже въ полномъ, такъ сказать, вооруженіи; мы принимаемъ оное не за подлинное, а за вымыселъ: и чрезъ это дается нужное время *самосущному началу* духа нашего притти въ себя и утвердиться въ совершенной своей независимости. А чѣмъ чаще духъ упражняется въ семъ подвигѣ самодѣятельности, тѣмъ онъ къ тому способнѣе становится, и тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ власти надъ чувственностію; такъ что наконецъ и тогда когда вмѣ-

сто вымышленнаго искуственнаго несчастія подлинное нагрянетъ, — въ состояніи онъ будетъ принять оное такъ какъ бы искуственное, и возможетъ — выспреннѣйшій порывъ естества человѣческаго! — возможетъ своимъ собственнымъ дѣйствительнымъ мученіемъ наслаждаться какъ высокимъ трогательнымъ предметомъ. По сему можно назвать *патетическое* прививаніемъ человѣку неизбѣжныхъ золъ, кои чрезъ то вредныхъ своихъ дѣйствій лишаются, и коихъ удары отводятся притомъ на крѣпчайшую сторону человѣческой души.

И такъ прочь съ ложнопонимаемою пощадою разборчивости, и съ изнѣженнымъ вкусомъ, который на строгое лице необходимости накидываетъ завѣсу; который, чтобъ подольститься къ чувственности, скрашиваетъ, смягчаетъ, умалчиваетъ истину! Лицемъ къ лицу да явится намъ враждебный рокъ! Не въ невѣденіи окружающихъ насъ опасностей, — ибо невѣденіе рано ли, поздно ли, минетъ, — но въ знакомствѣ съ ними состоитъ наше спасеніе. Къ сему знакомству ведетъ насъ грозновеличественное зрѣлище превратности, которая все ру-

шитъ и зиждетъ и рушитъ паки; гибели, которая иногда крадется медленнымъ подкопомъ, иногда скоропостижно нападаетъ;—трогательныя картины борющагося съ судьбою человѣчества, неудержимо улетающаго счастія, обманутой надежды, торжествующей неправды и гибнущей невинности: картины, которыми исторія богата и которыя намъ трагическое искусство предъ очи подражательно представляетъ. Ибо какое сердце могло бы, ежели въ изображеніи не совсѣмъ пренебрежена нравоучительная цѣль, при зрѣлищѣ упорнаго но тщетнаго противуборствія Митридатова, или созерцая паденія градовъ Сиракузъ и Карѳагена,—не ощутить трепетное благоговѣніе предъ строгимъ закономъ необходимости; не обуздать хотя на минуту желанія свои, и бывъ поражено симъ вѣчнымъ непостоянствомъ всего чувственнаго, не обратиться къ единому, что въ немъ самомъ постоянно пребываетъ! Изъ сего явствуетъ, что способность чувствовать *высокое*, есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ расположеній человѣческой природы, которое и по произхожденію своему ошъ самосущной

способности мышленія и воли заслуживаетъ наше почтеніе, и по дѣйствію своему на человѣка нравственнаго заслуживаетъ быть усовершенствовано во всей своей обширности. *Изящное* (или прекрасное) служитъ токмо *человѣку* на пользу; *высокое* служитъ на пользу *Ангелу безплотному*, въ человѣкѣ пребывающему: и поелику единожды уже назначено намъ при всей тѣснотѣ чувственныхъ границъ, управляться по законамъ безплотныхъ существъ, то и долженствуетъ послѣ чувства *изящнаго* слѣдовать чувство *высокаго*, дабы довершить *Эстетическое воспитаніе* человѣка и разпространить чувство сердца человѣческаго на всю назначенную ему область, слѣдовательно даже за предѣлы міра чувственнаго.

Ежели бы мы не были надѣлены чувствомъ *изящнаго*, вѣчный бы въ насъ произходилъ споръ между влеченіями физическимъ и моральнымъ. Стараясь удовлетворить послѣднее, и повинуясь единственно гласу духа нашего, забывали бы мы наше человѣчество, и готовы будучи на всякой часъ къ отшествію изъ чувственнаго міра, пребыли бы мы на-

всегда чужды предписаннаго намъ здѣсь круга дѣятельности. Ежели бы опять не способны были чувствовать *высокое*— занявшись единою красотою, не думали бы о снисканіи доблести, изнѣженные безпрерывнымъ наслажденіемъ, утратили бы мы силу характера, и пригвожденные взоромъ къ красотѣ, сей преходящей *формѣ бытія*, упустили бы изъ виду непремѣнное предопредѣленіе наше и истинную отчизну. Тогда только, когда *высокое* съ *прекраснымъ* сочетается, и когда мы въ равной степени образованы будемъ къ возчувствованію обоего, — тогда только совершенными назовемся гражданами природы, не будучи ея рабами и оставаясь въ тоже время гражданами міра умственнаго.

Хотя природа сама собою представляетъ множество предметовъ, которыми питаться могутъ чувства изящнаго и высокаго; однакоже и въ этомъ, такъ какъ въ другихъ случаяхъ, человѣку удобнѣе изъ вторыхъ рукъ услуживается, нежели изъ первыхъ; и ему пріятнѣе будетъ занимать у подражательнаго искусства готовую уже и избранную матерію, нежели съ трудомъ и по немно-

гу черпать оной въ мутномъ потокѣ природы. Находящаяся въ человѣкѣ страсть къ образовательности, которая побуждаетъ его всякое пріемлемое имъ впечатлѣніе отдавать отъ себя обратно въ живомъ оттиснутомъ, — и которая во всякой прекрасной или величественной формѣ природы видитъ себѣ вызовъ состязаться съ природою, - сія страсть имѣетъ то великое преимущество передъ природою, что можетъ избирать себѣ за главную цѣль и за отдѣльной предметъ такія вещи, кои природа ежели не совсѣмъ безъ намѣренія набросала, по крайней мѣрѣ употребила побочно и мимоходомъ, имѣвши въ виду другую какую либо ближайшую цѣль. Когда, напримѣръ, природа въ органическомъ своемъ твореніи не додѣлываетъ что, отъ недостатка ли въ потребномъ къ тому веществѣ, или отъ случайнаго какого тому помѣшательства, и слѣдовательно когда она *связана*, — или же когда она въ величественныхъ и прогательныхъ своихъ явленіяхъ насъ *связываетъ*, дѣйствуя на человѣка насильственно, между тѣмъ какъ могла бы яко предметъ свободнаго созерцанія быть только *эстетическою*:

тогда напротивъ того подражательница ея, образовательное искусство, пребываетъ совершенно свободною, потому что устраняетъ отъ предмета своего всѣ случайные недостатки и оставляетъ притомъ въ свободѣ душу созерцателя, предлагая *видъ* одинъ, а не *тѣло*. А поелику въ наружномъ только видѣ, не во внутренности тѣлъ состоитъ все очарованіе *высокаго* и *прекраснаго*, то и пользуется искуство изящное въ изображеніяхъ своихъ всѣми тѣми же выгодами, какими и природа, не обременяясь тѣми же неудобствами.

съ Нѣмецк. А. Востоковъ.

III. КРИТИКА.

Опытъ о поверхностяхъ вращенія. Сочинилъ Петръ Гахмановъ, Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента и Московскаго Общества Испытателей Природы Членъ, Докторъ Философіи, и разныхъ Иностранныхъ ученыхъ Обществъ Членъ и Корреспондентъ. Въ Санктъ-Петербургѣ. При Императорской Академіи наукъ, 1806 года.

Сочиненіе сіе не могло бы возбудить моего любопытства (потому что я не думалъ, чтобы о *поверхностяхъ вращенія* можно было сказать что нибудь дѣйствительно новое), естьли бы не увидѣлъ я далѣе другаго слѣдующаго заглавія: „*Опытъ „о поверхностяхъ вращенія, съ присово„купленіемъ мнѣнія объ извѣстномъ спо„рѣ между Ейлеромъ и Далалбертомъ о „интегралахъ уравненій частныхъ диф„ференціаловъ.*“ Хотя я совершенно убѣжденъ былъ, что мнѣніе Ейлерово не подвержено никакому сомнѣнію, однако мнѣ любопытно было узнать, какъ думаетъ

о семъ предметѣ Г. Сочинитель, тѣмъ болѣе, что онъ, въ бытность его въ Парижѣ, записанъ былъ въ Политехническую Школу славнымъ Лежандромъ, и по разсказамъ его, нерѣдко бесѣдовалъ во Франціи со многими великими людьми. Такимъ образомъ приступилъ я къ чтенію сей книги. Прочитавъ же оную, крайне жалѣлъ о потерянномъ мною на то времени; но какъ онаго возвратить уже не возможно, то я думалъ извлечь изъ того покрайней мѣрѣ ту пользу, чтобы изложить краткое содержаніе сего сочиненія и избавить тѣмъ, можетъ быть, другихъ отъ напрасной потери драгоцѣннаго времени (*).

Сочинитель вопервыхъ занимается изысканіемъ уравненія касательной плоскости къ поверхностямъ, не давъ никакого опредѣленія сей плоскости; онъ поступаетъ для сысканія уравненія ея слѣдующимъ образомъ: чрезъ ту точку, въ которой надлежитъ протянуть касательную плоскость, и еще чрезъ двѣ другія точки поверхности проводитъ плоскость, представляя уравненіе ея

(*) Критика сія написана была вскорѣ по появленіи въ свѣтъ разсматриваемаго сочиненія; но Обществу доставлена уже въ 1812 году.

например, чрезъ $z'=Ax'+By'$, и ищетъ предѣлы, къ коимъ приближаются количества A и B, по мѣрѣ приближенія двухъ послѣднихъ точекъ къ первой; поставя сіи найденныя имъ предѣлы въ предписанное уравненіе вмѣсто A и B, говоритъ, что произшедшее такимъ образомъ уравненіе принадлежитъ касательной плоскости.

Всякой удобно видѣть можетъ, содержится ли здѣсь что нибудь хотя только похожее на доказательство математическое? Доказывать симъ образомъ не больше значитъ, какъ сказать прямо, что плоскость, коея уравненіе $(z'-z)=\frac{dz}{dx}(x'-x)+\frac{dz}{dy}(y'-y)$, называется плоскостію касательною въ той точкѣ поверхности, коея координаты суть x, y и z.

Впрочемъ, естьли послѣдуемъ нашему Автору въ его способѣ доказывать, то можемъ достигнуть къ весьма справному уравненію касательной плоскости.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть x', y', z' означаютъ координаты взятой на поверхности точки, чрезъ которую протянуть надлежитъ касательную къ той поверхности плоскость, и пусть x'', y'', z''

и x''', y''', z''' будутъ координаты какихъ нибудь двухъ другихъ точекъ. Уравненіе плоскости, которая проходитъ чрезъ сіи три точки (смотри Feuilles d'Analyses &c. Par Gaspard Mong. An. IX; или Traité du Calcul différentiel et du calcul integral par Lácroix. T. I pag. 441) будетъ слѣдующее:

$$\left.\begin{array}{l} \frac{x'(y''-y''')-z''(y'-y''')+z'''(y'-y'')}{x'(y''z'''-y'''z'')-x''(y'z'''-y'''z')+x'''(y'z''-y''z')}\,x+ \\ \frac{x'(z''-z''')-x''(z'-z''')+x'''(z'-z'')}{x'(y''z'''-y'''z'')-x''(y'z'''-y'''z')+x'''(y'z''-y''z')}\,y+ \\ \frac{y'(x''-x''')-y''(x'-x''')+y'''(x'-x'')}{x'(y''z'''-y'''z'')-x''(y'z'''-y'''z')+x'''(y'z''-y''z')}\,z+1 \end{array}\right\}=0.$$

Положимъ, что двѣ послѣднія изъ трехъ упомянутыхъ точекъ приближаются къ первой; явно, что въ семъ случаѣ x'' и x''' приближаются къ x'; y'' и y''' приближаются къ y'; z'' и z''' приближаются къ z'; а потому написанное выше уравненіе приближается къ

$$\frac{0}{0}\cdot x+\frac{0}{0}\cdot y+\frac{0}{0}\cdot z+1=0,$$

и сіе уравненіе, по способу нашего автора, должно принадлежать касательной плоскости.

Послѣ сего, на страницѣ 3, сочинитель ищетъ уравненіе касательной плоскости, посредствомъ способа безконечно малыхъ количествъ и именно слѣдующимъ образомъ:

Пусть $dz = pdx + qdy$ дифференціальное уравненіе предложенной поверхности, и $z' = Ax' + By' + C$ уравненіе касательной плоскости, проведенной въ точкѣ поверхности, коея координаты x, y, z. Будетъ $z = Ax + By + C$, и слѣдовательно $z' - z = A(x' - x) + B(y' - y)$; потомъ онъ полагаетъ $dx' = dx$, $dy' = dy$, $dz' = dz$, и слѣдовательно $dz' = pdx' + qdy'$; и какъ уравненіе касательной плоскости даетъ $dz' = Adx' + Bdy'$, то заключаетъ изъ сего, что $A = p$, $B = q$, и что $z' - z = p(x' - x) + q(y' - y)$ есть уравненіе касательной плоскости.

Но авторъ съ толикою же бы ясностію доказалъ сіе, положивъ напередъ $z' = px' + qy'$ уравненіемъ касательной плоскости. Ибо положивъ $z' = Ax' + By'$ уравненіемъ касательной плоскости, которое даетъ $\frac{dz'}{dx'} = A$, $\frac{dz'}{dy'} = B$, и потомъ положивъ $dz' = dz$, $dx' = dx$, $dy' = dy$, значитъ тоже, что и положивъ $A = \frac{dz}{dx} = p$, и $B = \frac{dz}{dx} = q$. Сіи усилія нашего автора передоказывать такую истинну, которая давно уже доказана Геометрами весьма просто, прямо и строго, (смотри между прочимъ

Трансцен. Геом. крив. пов. Г. Академика Гурьева) произошли, можетъ быть отъ того, что сіи Геометры удовлетворялись опредѣленіемъ только положенія касательной плоскости, и не искали уравненія ея; но они дѣлали сіе во первыхъ для того, что при проведеніи касательной плоскости первѣйшее дѣло состоитъ въ опредѣленіи положенія ея, а во вторыхъ для того, что всякой, который умѣетъ опредѣлить положеніе сей плоскости, безъ всякаго труда найдетъ ея уравненіе. Дабы въ семъ удостовѣриться, я покажу здѣсь сколь просто изъ положенія касательной плоскости найти можно ея уравненіе. Пусть *RMS* (см. Черт. 1. Трансц. Геом. Г. Гурьева стр. 5 и 6) касательная плоскость, проведенная въ точкѣ *M* предложенной поверхности, и пусть координаты $Ap = x, IN = y, NM = z$; сверхъ того пусть уравненіе касательной плоскости, полагая начало координатъ въ точкѣ *A*, есть $z' = Ax' + By' + C$. Поелику плоскость сія проходитъ чрезъ точку *M*, то будетъ

$$z = Ax + By + C.$$

и слѣдовательно

$$z' - z = A(x' - x) + B(y' - y).$$

Но точка S находится въ тоже время и въ касательной плоскости и въ плоскости XAY; чегоради должно быть $z'=o$, $x'=x$, $-y'=PS=NS-NP=\frac{z}{q}-y$; слѣдовательно $-z=-\frac{z}{q}.B$, что даетъ $B=q$. И какъ точка R находится въ тѣхъ же самыхъ плоскостяхъ, то должно быть $z'=o$, $y'=y$, $-x'=Ap=RQ=\frac{z}{p}-x$; слѣдовательно $-z=-\frac{z}{p}A$, и $A=p$. И такъ уравненіе касательной плоскости есть $z'-z=p(x'-x)+q(y'-y)$.

Послѣ касательной плоскости сочинитель на страницѣ 4 приступаетъ къ опредѣленію уравненія Нормаля; и на сей конецъ употребляетъ способъ, который предложенъ Г. Монжемъ въ приведенномъ выше сего сочиненіи, и вѣроятно, токмо для забавы, потому что сей ученый мужъ изложилъ сперва способъ прямый опредѣлять сію линію, а именно помощію положенія касательной плоскости. Сей же способъ, принятый нашимъ авторомъ, основанъ на пресѣченіи поверхностей шаровъ, и мнѣ кажется, что оный столь же прямъ, какъ путь человѣка, ко-

торый бы изъ С. Петербурга поѣхалъ въ Олонецъ чрезъ Кіевъ.

Здѣсь такъ же какъ и при касательной плоскости, уравненіе Нормаля безъ всякаго труда найти можно, коль скоро опредѣлено положеніе онаго. Въ самомъ дѣлѣ, пусть MV (см. Транс. Геом. Г. Гурьева стра. 10) будетъ Нормаль поверхности въ точкѣ M, и V точка пресѣченія ея съ плоскостію XAY. Сверхъ того пусть UT и SR проекціи ея на плоскостяхъ XAZ и YAZ. Поелику $NK = LV = \frac{p}{z}$, то будетъ $PU = \frac{p}{z}$; и какъ $PT = z$, посему tang. $TUP = z : \frac{p}{z} = \frac{1}{p}$. Пусть абсцисса $Ap' = x'$, ордината $p'm' = z'$; когда протянемъ $m'r'$ параллельно AX, то будетъ $Tr' = z - z'$, $m'r' = x' - x$, и какъ tang. $Tm'r' = \frac{1}{p}$, посему $\frac{z - z'}{x' - x} = \frac{1}{p}$, или $\frac{z' - z}{x' - x} = -\frac{1}{p}$; откуда происходитъ. Черт. 2.

$$x' - x + p(z' - z) = 0.$$

Такъ же пусть $Ap = y'$, $pm = z'$; протяни Rr параллельно AY. Поелику $KV = NL = -\frac{1}{z}$, то будетъ $QS = -\frac{1}{z}$; и какъ $RQ = z$, посему tang. QSR = tang. $rRm = z : \frac{q}{z} = -\frac{1}{q}$. Поелику же $mr = z' - z$, $Rr = y' - y$,

посему $\frac{z'-z}{y'-y} = -\frac{1}{q}$, и слѣдовательно

$$y'-y+q\,(z'-z)=0.$$

Таковы суть уравненія Нормаля.

На 6й страницѣ сочинитель приступаетъ къ поверхностямъ вращенія. Здѣсь встрѣчается слѣдующее выраженіе: „Глав„ное свойство сего рода поверхностей „состоитъ въ томъ, что ежели разрѣ„жешъ оную проходящею чрезъ *всю ось* „вращенія,“ и проч. Слово *всю* совсемъ излишнее, для того, что когда часть прямой линіи находится въ плоскости, то и вся оная лежитъ въ сей же самой плоскости. Далѣе Авторъ находитъ уравненіе поверхности вращенія обыкновеннымъ образомъ; а именно: пусть AZ ось вращенія; чрезъ точку A проведи плоскость перпендикулярную къ сей оси и въ оной протяни двѣ взаимно перпендикулярныя оси AX и AY. Пусть точка M находится на поверхности: опусти на плоскость XAY перпендикуляръ MN, и потомъ на линію AX перпендикуляръ NP; проведи AN и оной параллельную MQ; будетъ MQ перпендикулярна къ AZ. Положи $MN=AQ=z$, $NP=y$, $AP=x$, $AN=MQ=u$; будетъ $u=\sqrt{x^2+y^2}$. Тутъ сочинитель говоритъ,

что дабы пресѣченіе плоскости *AQM* съ поверхностію вращенія было подчинено какому нибудь закону, надобно, чтобъ было *z* функція *u*, что и дѣйствительно справедливо, и слѣдовательно въ семъ случаѣ уравненіе поверхности вращенія будетъ

$$z = \phi \sqrt{x^2 + y^2}.$$

Потомъ далѣе сочинитель говоритъ, что видъ сей функціи можетъ быть даже и не подверженъ закону непрерывности. И такъ въ одно и тоже время онъ полагаетъ количество *u* и прерывною функціею количества *z*, и функціею никакому закону непрерывности неподверженною. *Таковое противорѣчіе, кажется, очень не дозволительно, а наипаче тому, кто покушается разрѣшить споръ между Ейлеромъ и Даламбертомъ.*

Сочинителю при опредѣленіи уравненія поверхности вращенія надлежало сказать, что какая бы ни была линія, производящая поверхность, всегда будетъ $u = \sqrt{x^2 + y^2}$, и слѣдовательно, когда оная никакому закону неподвержена, то *z* будетъ не зависимо отъ *u* слѣдственно въ семъ случаѣ выраженіе $z =$

$\phi\sqrt{x^2+y^2}$ разумѣть надлѣжитъ такъ, что видъ функціи ϕ не подверженъ ни какому закону, и есть совершенно произвольный. Естьли же оная линія есть непрерывная, тогда видъ сей функціи будетъ опредѣленный.

Изъ уравненія $z=\phi\sqrt{x^2+y^2}$ сочинитель находитъ слѣдующее: $\frac{dv}{dz}y-\frac{dz}{dy}x=o$, и употребляетъ присемъ знакоположеніе Лагранжево; по обыкновенному же знакоположенію уравненіе сіе найдется слѣдующимъ образомъ: Написанное выше уравненіе даетъ

$\frac{dz}{dx}=\frac{d.\phi\sqrt{x^2+y^2}}{dx}=\frac{d.\phi\sqrt{x^2+y^2}}{d.\sqrt{x^2+y^2}}\cdot\frac{d.\sqrt{x^2+y^2}}{dx}=$

$\frac{d.\phi\sqrt{x^2+y^2}}{d.\sqrt{x^2+y^2}}\cdot\frac{2xdx}{dx}=\frac{d.\phi\sqrt{x^2+y^2}}{d.\sqrt{x^2+y^2}}\cdot 2x=p$; и такъ же будетъ $\frac{dz}{dy}=\frac{d.\phi\sqrt{x^2+y^2}}{d.\sqrt{x^2+y^2}}\cdot 2y=q$. Откуда, поелику x и y входятъ въ функцію ϕ одинаковымъ образомъ, происходитъ $\frac{p}{q}=\frac{x}{y}$, или $py-qx=o$.

Сочинитель говоритъ, что сіе уравненіе $py-qx=o$ принадлежитъ всякаго рода поверхностямъ вращенія; но сіе надобно доказать, а именно надобно показать, что изъ сего уравненія можно вывести уравненіе $z=\phi\sqrt{x^2+y^2}$, въ кото-

ромъ z есть произвольная функція x и y, что и дѣйствительно сдѣлать можно слѣдующимъ образомъ:

Пусть $dz = pdx + qdy$, поелику $q = \frac{py}{x}$, и потому $dz = pdx + \frac{pydy}{x} = \frac{p(xdx+ydy)}{x}$, или $dz - \frac{p(xdx+ydy)}{x} = o$; Но какъ p можетъ быть всякая произвольная величина, то должно быть $dz = o$, $xdx + ydy = o$; что даетъ $z = a$, $\frac{x^2}{2} + \frac{y^2}{2} = \frac{b^2}{2}$, или $z = a$, $x^2 + y^2 = b^2$ или $b = \sqrt{x^2+y^2}$; и какъ количества a и b ни сколько другъ отъ друга не зависятъ, то можно положить a произвольною функціею количества b, то есть можно положить $z = \phi\sqrt{x^2+y^2}$, гдѣ z есть произвольная функція количества $\sqrt{x^2+y^2}$; и какъ сіе уравненіе принадлежитъ вообще всякой поверхности вращенія; то слѣд. и проч.

Наконецъ на 12 стран. сочинитель разрѣшаетъ оный славный споръ. Вотъ въ чемъ состоитъ сіе разрѣшеніе.

„Вообще положимъ, что дана функ-
„ція количествъ x, y, z, p и q, наприм.

$$(D)\ F(x, y, z, p, q) = o$$

„въ которой $p = \left(\frac{dz}{dx}\right)$ и $q = \left(\frac{dz}{dy}\right)$. Слѣдова-

„тельно p и q суть нѣкоторыя функціи „количествъ x, y и z наприм. $p = f(x, y)$ „и $q = \Theta(x, y)$.

„ Видъ обѣихъ сихъ функцій связаны „однимъ уравненіемъ (D). Слѣдоват. одна „изъ оныхъ можетъ быть произвольною, „въ своемъ видѣ закону непрерывности „неподверженною и даже совершенно не„правильною. Въ семъ случаѣ въ инте„гралѣ уравненія (D) должна взойти про„извольная въ своемъ видѣ закону непре„рывности столь же неподверженная „или неправильная функція. Но какъ видъ „одной изъ двухъ функцій f и Θ опредѣ„ленъ, то уравненіе (D) опредѣлитъ видъ „другой, и интегралъ уравненія (D) не „будетъ уже заключать въ себѣ произ„вольной функціи и уравненіе (D) обра„тится въ конечное уравненіе слѣдующа„го опредѣленнаго вида:

$$F(x, y, z, f(x, y) \Theta(x, y) = o$$

„Въ которомъ видъ функцій F, f, и Θ опре„дѣленъ, слѣдовательно сіе уравненіе дол„жно состоять изъ членовъ взаимно „уничтожающихся. Таково есть мое мнѣ„ніе о интегралахъ уравненій частныхъ „дифференціаловъ. Ежели я ошибаюсь, то „прошу покорнѣйше читателя изъ любви

„къ наукамъ вывести меня изъ заблуж-
„денія.“

Изъ любви къ наукамъ сочинителю нашему нужно было бы прочитать и уразумѣть прежде сочиненіе славнаго Арбогаста подъ заглавіемъ: Mémoire sur la nature des fonctions arbitraires qui entrent dans les intégrales des équations aux differentielles partielles. Présenté à l'Academie Imperiale de Sciences de St. Petersbourg. Pour concourir au Prix proposé en 1787 et couronné dans l'Assemblée du 29 Novembre 1790. Par M. Arbogast. Professeur de Mathematiques à Colmar. à St Petersbourg. 1791. И я не думаю ничего сдѣлать лучше, какъ изложивъ здѣсь разсужденіе Г. Арбогаста о семъ же самомъ случаѣ.

Пусть $Z = 0$ *есть какое нибудь уравненіе между частными дифференціалами перваго порядка, гдѣ* Z *есть функція количествъ* $x, y, z, \frac{dz}{dx} = p, \frac{dz}{dy} = q$; *пусть* $M = 0$ *представляетъ полный его Интегралъ, такъ что* M *есть функція количествъ* x, y, z *и двухъ произвольныхъ постоянныхъ* a *и* b, *и пусть* $N = 0$ *есть общій интегралъ, содержащій произвольную функцію. Для найденія* $Z = 0$, *когда извѣстно* $M = 0$, *мы имѣемъ:*

$$M = 0, \frac{dM}{dx} = 0, \frac{dM}{dy} = 0,$$

и изключая изъ сихъ трехъ уравненій произвольныя постоянныя количества a и b, достигнемъ къ уравненію $Z = 0$. Но когда положимъ a и b перемѣнными количествами, то будетъ

$$dM = \frac{dM}{dx}dx + \frac{dM}{dy}dy + \frac{dM}{da}da + \frac{dM}{db}db = 0;$$

и явно, что когда положимъ

$$\frac{dM}{dx} = 0, \frac{dM}{dy} = 0, \frac{dM}{da} + \frac{dM}{db} \cdot \frac{db}{da} = 0,$$

то достигнемъ къ тому же дифференціальному уравненію, какъ и въ случаѣ, когда a и b суть постоянны.

Но условному уравненію

$$\frac{dM}{da} + \frac{dM}{db} \cdot \frac{db}{da} = 0$$

удовлетворить можно различными образами; а именно: во первыхъ, дѣлая особенно

$$\frac{dM}{da} = 0, \frac{dM}{db} = 0;$$

и тогда a и b изобразятся функціями количествъ x, y, z, когда же сіи количества изключатся изъ уравненія $M = 0$, то получится особенный интегралъ уравненія $Z = 0$.

Тому же самому условному уравненію удовлетворить можно несравненно болѣе общимъ образомъ; а имянно: пред-

положивъ b какою нибудь функціею количества u, которую представить можно чрезъ $\phi.a$; *и тогда, дѣлая* $d.\phi.a = \phi'.a.da$, *получимъ уравненіе*

$$\frac{dM}{da} + \frac{dM}{d.\phi.a}.\phi' a = 0,$$

которое, по поставленіи $\phi.a$ *вмѣсто b въ* $M = 0$, *представить можно просто чрезъ*

$$\frac{dM}{da} = 0,$$

и удовлетворитъ сему условію. И такъ когда изъ уравненій $M = 0$, $\frac{dM}{da} = 0$, *исключимъ произвольное количество a, то получимъ уравненіе, не содержащее въ себѣ a, и въ которомъ заключаться будетъ произвольная функція* ϕ: *сіе самое уравненіе и будетъ* $N = 0$, *которое* Г Де Ла Гранжъ *называетъ общимъ интеграломъ. Поелику, поставя* $\phi.a$ *вмѣсто b, для найденія* $N=0$, *надлежитъ только изъ уравненія* $M = 0$ *и дифференціала его* $\frac{dM}{a} = 0$, *взятаго въ разсужденіи a, исключить a; то явно, что уравненіе* $N = 0$ *представляетъ кривую поверхность, прикасающуюся ко всѣмъ тѣмъ, кои выдутъ, когда въ уравненіи* $M = 0$ *постоянному количеству a придадутся различныя величины, или, лучше*

сказать, кривую поверхность, происходящую отъ пресѣченія поверхностей того же свойства, изображаемыхъ попеременно полнымъ Интеграломъ $M = o$, когда a измѣняется; образъ же, какъ сіи поверхности пересѣкаются, опредѣляется помощію вида функціи $ф.a = o$. Напротивъ того особенный интегралъ представляетъ поверхность, которая прикасается или объемлетъ всѣ возможныя поверхности, изображенныя интеграломъ полнымъ, или общимъ интеграломъ, когда въ ономъ $ф.a$ приданы будутъ всѣ виды, какіе токмо придумать можно. Все сіе изъяснено весьма ясно въ сочиненіи Г. Де Ла Гранжа (см. Mem. de l' Acad. de Berlin. Année 1774).

Здѣсь дѣло состоитъ въ томъ, дабы узнать, что функція $ф$, входящая въ общій Интегралъ, подвержена ли какому нибудь извѣстному закону, изображенному уравненіемъ $Z = o$ между частными дифференціалами, или она можетъ быть непрерывная никакому закону неподверженная, или прерывающаяся!

Во первыхъ явно, что въ полномъ Интегралѣ $M = o$ произвольныя постоянныя количества a и b ни сколько одно отъ другаго не зависятъ; а потому, придавъ

опредѣленную величину количеству a, можно еще количеству b придать величину произвольную, такъ что b можетъ получить различныя величины тогда, какъ a постояннымъ пребываетъ. И такъ когда сдѣлаемъ $b = \phi . a$, то $\phi . a$ будетъ такая функція, какую только принять пожелаемъ. Но не даетъ ли уравненіе

$$\frac{dM}{a} + \frac{dM}{d . \phi . a} . \phi' a = 0$$

какого нибудь непремѣннаго сопряженія между a и b? Дадимъ $\phi . a$ такой видъ, какой пожелаемъ; уравненію сему всегда удовлетворить можно, поелику a остается неопредѣленнымъ; всегда возможно количеству сему придать величину, которая была бы функція количествъ x, y и z. Итакъ предъидущее уравненіе ни сколько неограничиваетъ $\phi . a$.

Пусть PO, P'O', P''O'', и проч. будутъ пресѣченія плоскости x и y съ поверхностію, кои попеременно получатся, когда въ уравненіи $M = 0$ постояннымъ количествамъ a и b придадутся различныя величины. Ясно, что, поелику количествамъ a и b дать можно такія величины, какія только пожелаемъ, кривыя линіи PO, P'O', P''O'', и проч. проведены быть могутъ безъ всякаго по- Черт. 4.

рядка и слѣдовать однѣ за другими безъ всякаго закона. Можно положить, что отъ точки между сѣченіями находится промежутокъ, и что оныя опять начинаются отъ точки O'''. Пресѣченіе плоскости x и y съ поверхностію, представляемою общимъ интеграломъ, будетъ неправильная и прерывающаяся кривая линія $oo'o''o'^{iv}o'^{v}o^{vi}$ *и проч. и сія поверхность, которая прикасается или обвеллетъ всѣ поверхности, коихъ пресѣченія съ плоскостію x и y суть PO, P'O', и проч. будетъ также неправильная и прерывающаяся. Слѣдовательно общій интегралъ быть можетъ неправильный, непрерывный безъ всякаго закона и прерывающійся.*

Изложивъ сіе разсужденіе Г. Арбогаста, не нужно кажется дѣлать еще какое либо замѣчаніе на сужденіе нашего сочинителя. Разрѣшивъ толь крашкимъ и яснымъ образомъ оный знаменитый споръ нашъ авторъ, послѣ толь трудного подвига, кажется, приемлетъ отдохновеніе; ибо онъ предлагаетъ нѣкоторые вопросы, выписанные имъ изъ приведеннаго выше сочиненія Г. Монжа съ великою небрежностію.

Первый вопросъ, предлагаемый авторомъ на страницѣ 13 есть слѣду-

ющій: „Найти уравненіе поверхности вра-
„щенія произведенной обращеніемъ двой-
„ственно кривой линеи около *оси z*, на-
„блюдая притомъ чтобъ линея произво-
„дящая сохраняла всегда постоянныя раз-
„стоянія всѣхъ своихъ точекъ отъ оси *z*.

Сей самый вопросъ Г. Монжъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: *По даннымъ уравненіямъ двояко кривой линіи, найти уравненіе поверхности, произведенной обращеніемъ сей кривой линіи около оси, имѣющей данное положеніе.*

Къ сему вопросу сочинитель нашъ прилагаетъ примѣръ, который такъ же выписанъ изъ сочиненія Г. Монжа.

Вторый вопросъ нашъ сочинитель, предлагаетъ слѣдующимъ образомъ:
„Извѣстное тѣло надѣтое на ось *z* сдѣ-
„лаю на оной цѣлое обращеніе, найти
„уравненіе поверхности вращенія отъ
„сего произшедшей.

Сей же самый вопросъ Г. Монжъ выражаетъ такимъ образомъ:

Кривая поверхность, коея уравненіе дано, сопряжена непремѣннымъ образомъ съ осью вращенія, и обращается потомъ около оси. Требуется опредѣлить уравненіе поверхности, прикасающейся или объ-

емлющей движущуюся поверхность во всѣхъ ея положеніяхъ.

Третій вопросъ состоитъ въ опредѣленіи общей формулы толщины тѣлъ вращенія. Сочинитель не разрѣшаетъ здѣсь сего вопроса, а ссылается на другое свое сочиненіе подъ заглавіемъ: Essai sur quelques usages, de la Methode des limites. Vienne. 1805.

Въ четвертомъ вопросѣ сочинитель занимается опредѣленіемъ квадратуры поверхностей вращенія. Способъ употребляемый имъ здѣсь есть нѣкоторое подраженіе способу приложенія аналитическихъ функцій къ Геометріи Г. Ла Гранжа; но подраженіе весьма не искусное, какъ то всякой удостовѣрится можетъ, прочитавъ 137^й члень сочиненія подъ заглавіемъ: Théorie des fonctions analytiques. &. Par Lagrange An. V.

Пятый вопросъ предметомъ имѣетъ опредѣленіе постоянныхъ количествъ, входящихъ въ данное уравненіе поверхности вращенія, дабы оная проходила чрезъ данныя точки. Вопросъ сей совершенно подобенъ тому, въ которомъ требуется опредѣлить предстоящія уравненія кривой линіи извѣстнаго порядка, дабы оная

проходила чрезъ данныя точки, и разрѣшеніе онаго зависитъ токмо отъ способа изключенія неизвѣстныхъ количествъ изъ прочихъ уравненій. А посему, всякой подумаетъ, что сочинитель предложилъ сей вопросъ для того только, чтобы наполнить чѣмъ нибудь послѣдній листъ своего сочиненія, и сіе мое мнѣніе ясно доказываютъ: какъ вопросъ 6, такъ и все, что сочинитель нашъ написалъ далѣе до самаго конца своего сочиненія, которое онъ при всемъ томъ началъ, продолжалъ и кончилъ весьма свойственными Россійскому языку выраженіями; а имянно началъ онъ такъ:

„Прежде нежели приступить къ по-
„верхностямъ вращенія нахожу полез-
„нымъ упомянуть о касательной плоско-
„сти и нормалѣ вообще всякихъ кривыхъ
„поверхностей.“

Продолжалъ подобно какъ сказано имъ на первой страницѣ въ 7й и 8й строкахъ:
„Сія точка будучи на поверхности *u* ея
„координаты будутъ *x*, *y*, *z*.

Кончилъ же такъ:
„И такъ число данныхъ точекъ можно
„будетъ увеличить четырмя, или пред-

„положить условія равновѣсящія съ да-
„ніемъ четырехъ точекъ.

И такимъ образомъ состоящая изъ 24 хъ страницъ печатная тетрадка нашего сочинителя показываетъ, что она содержитъ въ себѣ одно токмо собраніе неизвинительныхъ погрѣшностей противу правилъ науки, противу правилъ здравой логики и даже наконецъ противу весьма простыхъ правилъ Граммашики, и сихъ послѣднихъ погрѣшностей едвали не каждый періодъ по нѣскольку въ себѣ заключаетъ.

Послѣ сего сочиненія авторъ обѣщаетъ издать еще многія другія. Но при самомъ семъ первомъ сочиненіи автору должень былъ предсшавиться вопросъ: для кого писалъ онъ сіе сочиненіе? Я не думаю, чтобы авторъ имѣлъ дерзосшь мыслишь, что сочиненіе сіе онъ могъ писашь для ученыхъ, потому что они, безъ сомнѣнія, читали больше, нежели сколько содержитъ упомянутое сочиненіе знаменитаго Монжа, въ разсужденіи коего сіе не иное что есшь, какъ безобразная выписка. Тѣ же, которые еще только вступили въ поприщѣ Машемашическихъ наукъ,

такъ же никакой пользы изъ сего сочиненія извлечь не могутъ, и даже оно быть можетъ нѣкоторымъ образомъ для нихъ вредно; потому что обучаться начинающій почти всегда болѣе вѣритъ напечатаннымъ словамъ, нежели самому себѣ. Естьли авторъ нашъ хотѣлъ писать сіе сочиненіе для препровожденія времени, то онъ могъ удержать его въ своемъ кабинетѣ и не предавать свѣту. Наконецъ ежели честолюбіе быть сочинителемъ подвигло его къ изданію онаго въ свѣтъ, тогда тоже самое честолюбіе долженствовало бы побудить его напередъ: познакомиться съ правилами Россійской Граммашики, поучиться надлежащимъ образомъ сей наукѣ, по часши которой принялъ онъ намѣреніе выдать себя писателемъ, прочитать и уразумѣть хотя нѣкоторыя хорошія по сей наукѣ творенія, и проч.

В. Висковатовъ.

1807 года.

Весна изгнанника, поема въ трехъ пѣсняхъ, преложенная съ Французскаго Яковомъ Пожарскимъ. С. П. бургъ. Въ Типографіи Шнора, 1812 года.

Сочинитель сей поэмы есть Мишо, одинъ изъ новѣйшихъ Французскихъ стихотворцевъ. — Будучи принужденъ послѣ 8го Фруктидора удалиться изъ отечества, онъ нашелъ себѣ убѣжище у гостепріимныхъ жителей Юры, и тамъ услаждалъ горесть свою, воспѣвая красоту природы, добродѣтель своихъ хозяевъ и спокойную сельскую жизнь.

Въ поэмѣ его есть много хорошаго, и потому нельзя не пожалѣть, что она переведена прозою. Не уже ли переводчикъ думалъ, что проза его можетъ выразить красоты подлинника? Не уже ли онъ не зналъ, что піитическая проза переводчиковъ, сколь бы хороша она ни была, не можетъ сравниться съ прекрасными стихами? —

Выпишемъ нѣкоторыя мѣста изъ перевода Г. Пожарскаго.

„Иногда, остановясь въ глубокой до-
„линѣ, потупя взоры *въ низкій* кустар-
„никъ, я узрю картину мяпежныхъ го-
„родовъ въ миріадахъ различныхъ насѣ-
„комыхъ; шамъ, на *ничтожномъ* дернѣ,
„насѣкомое имѣетъ свое шщеславіе; *сіе*
„*сонмище* имѣетъ свою гордость, Цари
„свое величіе; шамъ ощущаютъ радость,
„шамъ проливаютъ слезы: *миръ имѣетъ*
„*свои блага, война смятенія*; шамъ на-
„ходятся тираны, *жестокіе повелители*,
„Солоны, *провозглашенные безсмертными*
„*на одинъ день*. Между тѣмъ какъ гордое
„честолюбіе сторонъ *занимается пріоб-
„рѣтеніемъ* песчанаго зерна, и оспори-
„ваетъ владѣніе былинки, задумчивый
„пупникъ разрушаетъ ногою *тысячи* слав-
„ныхъ царствъ, коихъ существованіе и
„*на мысль ему не восходило*." (стр. 30.)

Вотъ подлинникъ:

Quelquefois arrêté dans le fond d'un vallon,
Abaissant mes regards jusqu'à l'humble buisson,
Des insectes divers les peuplades nombreuses
M'offrirent le tableau des cités orageuses.
Là, sur un vil gazon, l'insecte a sa fierté,
Le peuple son orgueil, les rois leur majesté;
On y connoît la joie, on y verse de larmes;
La guerre a ses bienfaits, la paix a ses alarmes:
Il est là des tyrans, des ministres cruels,
Et des Solons d'un jour qu'on proclame immortels.

Tandis que des partis l'ambition superbe
Usurpe un grain de sable et dispute un brin d'herbe,
Le voyageur distrait renverse sous ses pas
Vingt empires fameux qu'il ne soupçonnoit pas.

Найдемъ ли мы въ рускомъ переводѣ эту поэзію, эту пріятность слога, которыя находятся въ каждомъ стихѣ подлинника? Куда дѣвался стихъ:
La guerre a ses bienfaits, la paix a ses alarmes.
Вмѣсто его мы видимъ: *миръ имѣетъ свои блага, война смятенія*; вмѣсто:
Et des Solons d'un jour qu'on proclame immortels,
Солоны, провозглашенные безсмертными на одинъ день! —

„Эхо повторявшее *сладкія* пѣсни *пастуховъ* (*), повторило звуки боен„ныхъ трубъ; гласъ брани раздался по „лѣсамъ, мѣдь изрыгнула смертоносный „ядъ свой *на оставшіяся стебли* (**); и „Нимфы окрестныхъ озеръ съ трепетомъ „узрѣли окровавленныя свои урны. Сія „крѣпость, безопасное убѣжище предковъ

(*) Въ подлинникѣ:
L'écho, qui répétoit les doux sons des *bergères*.

(**) Въ подлинникѣ не видно, чтобы мѣдь изрыгала *смертоносный ядъ свой на оставшіяся стебли*. Тамъ сказано:
Le bronze sous ce chaume a vomi le trépas.
Этотъ прекрасной стихъ собственно значитъ, что пушечные выстрѣлы истребили поселянъ, живущихъ обыкновенно подъ соломенною кровлею.

„нашихъ, пала подъ ударами жестокаго „побѣдителя. Прилетаетъ ласточка, и „на пустой горѣ ищетъ башни, служив- „шей ей убѣжищемъ; *но жители сихъ „мѣстъ уже не существуютъ* (*), и чув- „ствительная птичка летаетъ надъ ихъ „могилами.“ (стр. 41.)

„На вершинахъ сихъ горъ, вознесен- „ныхъ одна надъ другою, человѣкъ, равня- „ясь съ облаками, *чувствуетъ возвышеніе „души своей* (**); и я, пренесенный въ сіи „*выспреннія* страны, *ощущалъ перемѣну „въ своемъ состояніи* (***); *надежда* мще- „нія замирала *въ груди моей* (****); про- „стирая *мысленные* взоры (*****) къ шум-

---

(*) Это сказано вмѣсто:
Hélas! elle chercha ses hôtes généreux.
За чѣмъ перемѣнять безъ нужды то, что дѣлаетъ красоту въ подлинникѣ?

(**) Et comme l'horizon, sent son ame agrandie.

(***) Въ подлинникѣ совсѣмъ не то:
Placé plus près du ciel je devenois meilleur.
Это такой стихъ, который бы должно было перевести, и который бы не испортилъ перевода.

(****) Хотя въ подлинникѣ и сказано:
L'espoir de la vengeance expiroit dans mon coeur,
Но лучше бы перевесть: *желаніе мщенія*, и не *замирала*, и не *въ груди*.

(*****) За чѣмъ *мысленные*? Мишо сказалъ просто:
Et portant mes regards vers ces cités bruyantes.
И онъ могъ это сказать: ибо съ высокой горы можно видѣть многіе города и немысленными взорами.

„нымъ градамъ, дымящимся кровію, опла-
„кивалъ неистовство побѣдителей и по-
„бѣжденныхъ. (стр. 52.)

Здѣсь не переведены, неизвѣстно почему, прекрасные стихи:

Excepté les bienfaits de la tendre amitié,
Helas! j'ai tout perdu, mais j'ai tout oublié.

Впрочемъ, читатели нашего журнала погрѣшатъ, если будутъ судить о всемъ переводѣ по приведеннымъ мною мѣстамъ: ибо я выбралъ только тѣ мѣста, въ которыхъ Переводчикъ болѣе ошибался. Рецензентъ долженъ это сдѣлать, но онъ обязанъ также показать и хорошее. Вотъ отрывокъ, который по моему мнѣнію, можно похвалить.

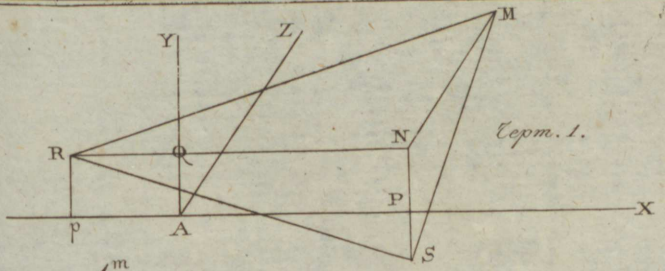
„Нынѣ, удалясь на сіи уединенные бе-
„рега, скрывающіе меня отъ подозрѣній
„и ярости народной, я видѣлъ нравы
„сельскихъ обитателей; и сердце мое
„можетъ еще, въ семъ желѣзномъ вѣкѣ,
„мечтать о щастіи вѣка златаго. Вся-
„кой день дружество приходитъ отри-
„рать слезы мои; дружество, коль слад-
„ко имя твое въ изгнаніи! дружество
„убѣгаетъ пышности и великолѣпія; зло-
„получію одолжено оно своимъ началомъ;
„божественныя прелести его не извѣст-

„ны тѣмъ щастливымъ смертнымъ, кои „никогда не проливали слезъ Это свѣтъ, „сіяющій во мракѣ бурь: лучи его тогда „пріятнѣе, когда пробиваются сквозь „мрачныя тучи. Часто подъ дождливымъ „небомъ видѣлъ я цвѣты, плѣняющіе взоръ. „Такъ и дружество, питаясь скорбію, „въ томленіи и слезахъ растетъ и укрѣ„пляется. Милые друзья! благословите „узы, васъ соединяющія! дружество, слад„кая отрада человѣку въ бѣдствіи, съ „тобою горькая чаша скорби кажется „сладкою; самыя мучительныя горести, „если бываютъ раздѣляемы съ другими, „претворяются въ удовольствія. Ты же„стокую участь мою можешь содѣлать „завидною: ты прольешь въ сердце мое „новую жизнь: усугубленіе нещастій уве„личиваетъ пламя любви; и каждый ударъ „рока умножаетъ во мнѣ чувствительность. Клянусь нѣжными узами друже„ства, что небо, даровавшее намъ сіе утѣ„шеніе въ нещастіи, примиривъ вражды „и несогласія, возвратитъ спокойствіе „праведнику и миръ градамъ. Злодѣйства „и наглость тирановъ простерлись за „предѣлы милосердія божія: тщетно они, „въ глазахъ прельщеннаго свѣта, гордят-

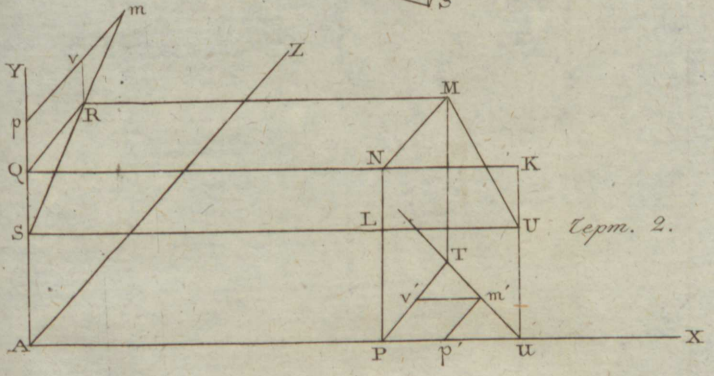
„ся славою неправедно пріобрѣтеннаго „могущества: оно падетъ подобно увяд- „шему листу, подобно пыли, которая „подымаясь изъ бренія, возносится къ „небесамъ, и, носясь на крылахъ вѣтровъ „шумитъ съ бурями, гремитъ съ Богами; „но когда усыпленные вѣтры возвраща- „ютъ спокойствіе міру, тогда она упа- „даетъ: такъ изчезаетъ величіе злодѣевъ! (стр. 54.) — —

Сіе мѣсто, хотя и можно въ немъ найти нѣкоторыя неисправности, показываетъ, что Г. Пожарскій въ сочиненіи переводитъ хорошо. Надѣюсь, что читатели будутъ согласны со мною, когда я посовѣтую ему заняться переводомъ какой нибудь полезной книги, и не переводить поэмъ прозою.

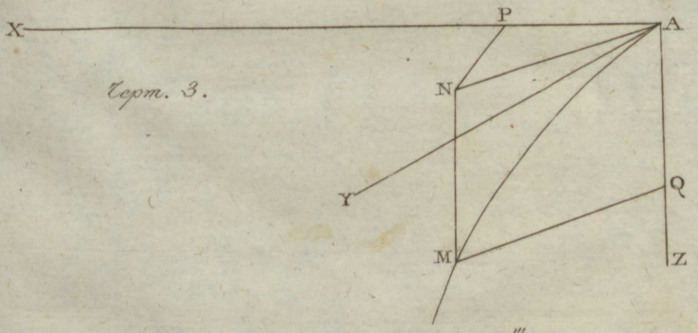
Н.



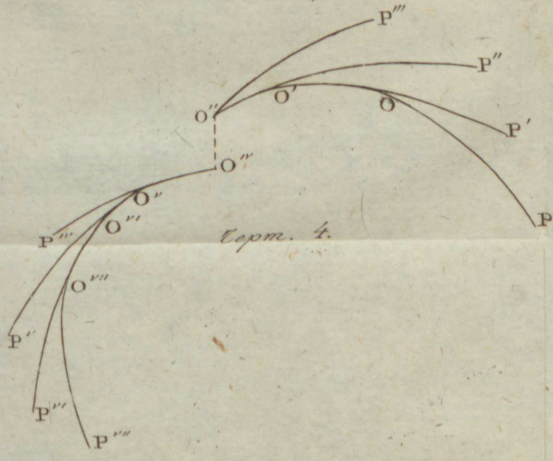
Theorem. 1.



Theorem. 2.



Theorem. 3.



Theorem. 4.

СОДЕРЖАНІЕ

Части третей.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

	Стр.
Планета мудреца Зеба. - -	1.
Спорщикъ. - - - - - -	20.
Педантъ - - - - - -	26.
Портретъ Юлія Цезаря. - -	29.
Рѣчь Сципіона къ своимъ воинамъ (изъ Ливія.) - -	38.
Рѣчь Аннибала къ его воинамъ.	118.
Рѣчь Фабія Максима къ Емилію.	125.
Рѣчь Аннибала къ П. Сципіону.	238.
Отрывокъ изъ Шекспировой Трагедіи Троилъ. - - -	131.
О задумчивости и уединеніи.	139.
Письма Генералъ-Маіора де Геннина къ Петру Великому и къ управлявшему Кабинетомъ. - - - - - -	218.
О любви къ жизни. - - -	248.
О ссорахъ писателей. - -	254.
Страшный судъ. - - - -	44.
Ода на случай настоящей войны съ Французами. - -	113.
Горацiева ода къ Лицинію. -	150.
Къ Меценату. - - - - -	152.

Стр.
Къ моимъ друзьямъ, Ж. Б. и С. 153.
Посланіе къ П. Н. П. - - 156.
Любовь и мудрость. - - 158.
Эрось, Юноша и Минерва. - 159.
Скифы къ Александру Великому. 257.
Монастырь (Элегія). - - 260.
Басни:
Летучая мышь и двѣ ласточки. 50.
Возы съ сѣномъ. - - - 264.
Эпиграмма. - - - - 160.
II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.
Лучше ли воспитывать дѣтей дома, или въ училищахъ. - 52.
Шиллерово разсужденіе о высокомъ. - - - - 161, 266.
III. КРИТИКА.
Избранныя мѣста изъ Рускихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ и пр. Н. Греча. - - 64.
Басни и скаски Николая Невѣдомскаго. - - - - 73.
Выписка изъ книги: Brief remarks on the caracter and composition of the Ruſsian army &c. - 87.
Похвальное слово Императору Петру Великому - - - 180.
О фосфорной кислотѣ, яко сред-

Стр.
сшвѣ противъ гнилости, соч.
Эккартсгаузена - - - 194.
Опытъ о поверхностяхъ враще-
нія. Сочинилъ Петръ Рахма-
новъ. - - - - - - 285.
Весна изгнанника, поэма въ
трехъ пѣсняхъ, преложенная
съ французскаго Яковомъ По-
жарскимъ. - - - - 309.